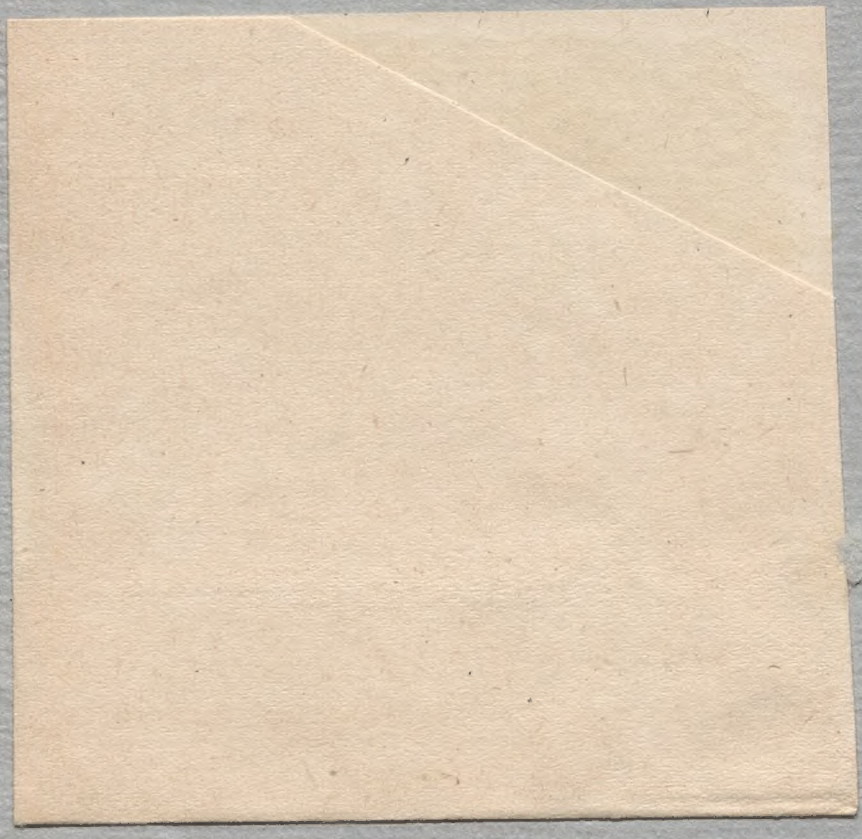
В9(р)64
В 19

88

1972
1984г

Проверено 30 АВГ 2004



„Защитники Кремля“ И. Е. Рѣпина.

Послѣ Бородинскаго сраженія Москва была оставлена врагу.

Оставшіеся въ Москвѣ случайные обыватели, кое какъ вооруженные, укрѣпились у Троицкихъ воротъ. Геройствовали, какъ часто въ такихъ случаяхъ бываетъ, и уличные мальчишки.

На нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ изъ засады, французы отвѣтили двумя орудійными... Французы вошли. — „Уберите это“ — сказалъ офицеръ, указывая на бревна и трупы.

Историкъ Тьеръ посвятилъ ихъ памяти нѣсколько строкъ:

— Эти бѣдняги захватили священную крѣпость, овладѣли ружьями арсенала и стрѣляли по французамъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ порубили саблями и очистили Кремль отъ ихъ присутствія.

Л. Толстой „Война и Миръ“.

1

БИБЛИОТЕКА
Артиллерийского Исторического Музея
ОТДЕЛ .....
№ .....
№ ... РЕНТ.

ЗАЩИТНИКИ КРЕМЛЯ. И. Е. Рѣпина.

Изданіе Я. БАШМАКОВА и К°.

Право воспроизведенія принадлежитъ исключительно издателю.

2

БИБЛИОТЕКА

Эртиллерийского [illegible] кого Музея

ОТДЕЛ

№

№ [illegible] ВЕНТ.

В9(р)64
В19

Васенко П. Г.

ИМПЕРАТОРСКАГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

12

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

Съ предисловіемъ

Проф. С. Ѳ. Платонова.

Второе изданіе съ портретами, рисунками, картами и съ приложеніемъ картины И. Е. Рѣпина „Защитники Кремля“.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. признано заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебн. завед. и безплатн. народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Уч. Отд. Министерства Торговли и Промышл. допущено въ ученическія библіотеки коммерческихъ училищъ.

Цѣна въ переплетѣ 80 коп.

А.И.М. РККА.
Нов. инв. №3429

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Я. БАШМАКОВА и К°.
1912.

Типографія М. Волковича. Садовая 60 (уг. Б. Подъяческой).
1/III 1912—17/III 1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе Проф. С. Ѳ. Платонова . . . . . VII—XVI

Гл. 1. До начала военныхъ дѣйствій. . . . . 1— 29

Карта театра войны 1812 года 17

Гл. 2. Отъ начала военныхъ дѣйствій до назначенія Кутузова главнокомандующимъ . . . . . 30— 72

Гл. 3. Отъ назначенія Кутузова до оставленія русскими войсками Москвы. Бородино. . . . . 74—104

Гл. 4. Наполеонъ въ Москвѣ . . . . . 105—130

Карта театра военныхъ дѣйствій отъ Можайска до Москвы 131

Гл. 5. Во время пребыванія французовъ въ Москвѣ. Армія, народъ и императоръ Александръ I. . . . . 132—157

Гл. 6. Отступленіе Великой арміи. Березина . . . . . 158—173

Гл. 7. Бѣгство остатковъ Великой арміи изъ Россіи . . . . 174—186

Карта войны за освобожденіе Европы. 187

Гл. 8. Роль Россіи въ войнѣ за освобожденіе Европы . . . 188—199

Заключеніе . . . . . 200—201

Нѣкоторыя библіографическія данныя . . . . . 203—204

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Отечественная война 1812 года въ жизни Русскаго государства имѣла очень большое значеніе.

Огромныя вражескія силы вошли въ Русскую землю совершенно неожиданно для ея жителей. Если русское правительство задолго имѣло свѣдѣнія о намѣреніи Наполеона начать войну, то изъ простыхъ русскихъ людей никто не могъ предугадать нашествія врага даже и за одинъ годъ до того, какъ оно сбылось. Вовсе нельзя было чаять, что врагъ всего въ два съ половиною мѣсяца дойдетъ отъ дальней границы до «первопрестольной» Москвы и что наша армія дастъ ему дорогу до самой столицы. Пожаръ Москвы для многихъ русскихъ людей казался началомъ погибели всей Россіи. Тѣмъ неожиданнѣе для нихъ оказалось дальнѣйшее: отступленіе французовъ изъ Москвы, совершенное ихъ изгнаніе изъ Россіи къ концу 1812 года, освобожденіе Германіи отъ Наполеона къ концу 1813 года, завоеваніе русскими и нѣмецкими войсками Парижа весною 1814 года и низложеніе Наполеона. Всѣ эти великія событія были пережиты менѣе, чѣмъ въ два года.

Чтобы почувствовать всю силу и важность происшедшихъ потрясеній, надобно было видѣть и перестрадать ихъ. Надобно было испытать неизбѣжный страхъ нашествія дотолѣ непобѣдимой полумилліонной «великой арміи» Напо-

леона; надобно было видѣть бѣгство и разореніе жителей, разрушеніе селъ, усадебъ и городовъ; надобно было знать лишенія и страданія отступавшей передъ врагомъ арміи, подвиги сильныхъ духомъ и малодушіе слабыхъ; надобно было, наконецъ, перестрадать потерю и гибель Москвы. Все это повергало души въ трепетъ и отчаяніе, заставляло ожидать близкаго и несчастнаго конца. Но съ той же быстротою, съ какою набѣжала бѣда, она разсѣялась. Съ отступленіемъ Наполеона изъ Москвы не уменьшились жертвы и страданія, но появилась надежда на избавленіе и спасеніе. Вскорѣ затѣмъ она смѣнилась чувствомъ побѣды и торжества надъ врагами, сознаніемъ непобѣдимой силы и мощи Россіи. Мудрено-ли, что 1812-й годъ сталъ торжественнымъ и свѣтлымъ воспоминаніемъ русскаго народа, что въ сіяньѣ славы и побѣдъ исчезли боль отъ перенесенныхъ страданій и печаль отъ утратъ и разоренія? «Священной памятью 12-го года» гордилась вся Россія.

Прошли года. Героическія воспоминанія о борьбѣ за родину хранили свою свѣжесть. Но съ теченіемъ времени простыми разсказами о бояхъ и подвигахъ уже не ограничивались; искали лучше понять причины гигантской борьбы и полнѣе уразумѣть ея послѣдствія. Выяснилось, что столкновеніе Россіи съ Франціей не было внезапною случайностью и что послѣдствія войнъ съ Наполеономъ отразились не только на политической жизни Европы, но и на внутренней жизни Россіи.

На общей аренѣ европейской политики встрѣча Россіи и Франціи была неизбѣжна, потому что къ началу XIX столѣтія обѣ страны—каждая по своимъ особымъ причинамъ—обнаружили явную склонность къ вмѣшательству въ дѣла прочихъ европейскихъ странъ.

Пережитыя Франціей въ концѣ XVIII столѣтія внутреннія потрясенія вызвали вмѣшательство въ ея жизнь сосѣднихъ государствъ, которыя желали возстановленія во Франціи низложенной династіи и стараго ниспровергнутаго порядка. Французамъ приходилось защищаться отъ иноземныхъ вторженій. Вслѣдствіе разныхъ причинъ ихъ оборона приняла активный характеръ. Отбивъ враговъ отъ своихъ границъ, французы перенесли войну въ сосѣднія страны, овладѣли многими землями: однѣ присоединили къ Франціи, а въ другихъ устроили особыя республики и утвердили свое вліяніе. Необходимость поддерживать достигнутый успѣхъ вела Францію къ новымъ войнамъ и побѣдамъ. Основатель Французской имперіи Наполеонъ съ принятіемъ императорскаго титула связывалъ мысль о господствѣ надъ цѣлой Европою и своими походами довершилъ то, что было начато въ эпоху республики. Вся Европа подчинилась его верховенству, кромѣ Англіи и Россіи. Эти же два государства не только не признавали главенства Франціи, но постоянно противодѣйствовали ему. Съ Англіей и Россіей Наполеону предстояла поэтому рѣшительная борьба. Императоръ французовъ не скрывалъ своей вражды къ Англіи, но

не имѣлъ средствъ нанести ударъ островному государству, ибо не обладалъ сильнымъ флотомъ. Границы же Россіи были ему доступны: рано или поздно русскому народу предстояло или подчиниться генію Наполеона, или испытать его грозу.

Россія, быть можетъ, избѣжала бы вражды съ Франціей, если бы русское правительство отказалось отъ вмѣшательства въ дѣла средней Европы и отъ протестовъ противъ Наполеона. Но какъ разъ въ ту эпоху русская политика обнаруживала особую наклонность къ участію въ дѣлахъ Запада, и русскій дворъ считалъ вмѣшательство въ международныя отношенія своею прямою задачей. Императоръ Александръ I былъ по преимуществу дипломатомъ, любилъ это дѣло, отличался искусствомъ и способностью вести «политику». Въ этомъ онъ вполнѣ подчинялся условіямъ своего времени. Послѣ громкихъ побѣдъ императрицы Екатерины II и ея громадныхъ завоеваній должны были въ корнѣ измѣниться основы русской политики. До тѣхъ поръ Россія искала своихъ естественныхъ границъ и находилась въ многовѣковой непрерывной борьбѣ съ своими сосѣдями. Отъ Швеціи ей надлежало добыть необходимое Балтійское побережье; отъ Польши и Литвы—родныя русскія земли. На югѣ для Россіи нужно было обезпечить себѣ покой и безопасность отъ разбойныхъ татарскихъ набѣговъ. Цѣлыя столѣтія проходили въ томъ, что русскіе люди, поколѣніе за поколѣніемъ, искали средствъ и союзниковъ для борьбы съ своими сосѣдями и вели войну за войною

на своихъ рубежахъ. Вѣковой порядокъ выражался въ томъ, чтобы, воюя съ сосѣдомъ, дружить «черезъ сосѣда» со всѣми тѣми, кто могъ помочь противъ сосѣда. Русское государство, словомъ, вело политику узко-національную, преслѣдуя насущный народный интересъ. Петру Великому удалось побѣдить шведовъ и добыть море на западѣ; Екатеринѣ II удалось возвратить русскія области отъ поляковъ и доканать татаръ присоединеніемъ Крыма и Новороссіи. Вѣковыя цѣли были достигнуты; войны на рубежахъ прекратились; сосѣди перестали быть явными и опасными врагами. Такимъ образомъ вся политическая обстановка при императрицѣ Екатеринѣ II измѣнилась; должна была измѣниться и политическая система. Вмѣсто задачъ народной обороны предъ русской дипломатіей стали задачи иного рода. Онѣ сводились къ тому, чтобы опредѣлить роль Россіи въ средѣ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ и вліять на ходъ международныхъ отношеній въ интересахъ мира и политическаго равновѣсія. Такое пониманіе дѣла возникло уже при дворѣ императрицы Екатерины и императора Павла. Оно должно было повести къ постоянному вмѣшательству Россіи въ европейскія дѣла. И раньше, въ XVIII вѣкѣ, бывало не разъ, что Россія втягивалась въ европейскія столкновенія, но тогда дѣло ограничивалось дипломатической игрою и весьма рѣдко доходило до вооруженій. Со времени же французской революціи русское правительство не считало возможнымъ уклониться отъ дѣятель-

наго противодѣйствія Франціи, ибо почитало своимъ долгомъ стать на охрану законнаго порядка въ Европѣ отъ мятежныхъ на него посягательствъ. Вотъ почему при императорѣ Павлѣ и Александрѣ I нѣсколько разъ возгоралась прямая вражда и шли войны съ французами. Непримиримость обоихъ государствъ Россіи и Франціи выяснялась чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе; понемногу стало очевидно, что имъ не миновать рѣшительнаго столкновенія.

Таковы были основныя причины Отечественной войны. Историческія судьбы непредвидѣнно поставили Россію и Францію одну противъ другой. Обѣ страны шли своими особыми путями, пока ихъ пути не сошлись на роковомъ пересѣченіи. Попытка Наполеона привлечь императора Александра въ союзъ и дружбу послѣ мира въ Тильзитѣ (1807) не могла имѣть удачи, потому что тревожная жизнь тогдашней Европы давала слишкомъ много прямыхъ причинъ и поводовъ для недоразумѣній и ссоръ между союзниками. Въ чемъ заключались эти поводы и причины—объясняетъ первая глава настоящей книги.

Военная гроза 1812 года разбила не Россію, а Французскую имперію. Но и Россія испытала на себѣ рядъ глубокихъ послѣдствій Отечественной войны. Не говоримъ уже о громадныхъ потеряхъ людьми, о разореніи цѣлыхъ областей, о разстройствѣ государственныхъ финансовъ: много лѣтъ русскіе помнили «француза» и «нашествіе двадесяти языкъ» и не сразу могли оправиться отъ своихъ матеріальныхъ утратъ и потрясеній. Влія-

ніе событій «двѣнадцатаго года» и послѣдовавшихъ за нимъ «освободительныхъ» войнъ отразилось и на духовной жизни русскаго общества, возбудивъ въ немъ сильное внутреннее броженіе.

Прежде всего это броженіе направилось на критику русскаго общественнаго строя и на сравненіе его съ общественными порядками Запада. Россія была тогда государствомъ крѣпостническимъ. По законамъ и порядкамъ императрицы Екатерины II дворянство пріобрѣло въ государствѣ преобладающее значеніе и получило въ свое полное распоряженіе не только трудъ, но, можно сказать, и самую жизнь крѣпостныхъ крестьянъ, жившихъ въ дворянскихъ имѣніяхъ, и дворовыхъ людей, служившихъ въ дворянскихъ усадьбахъ. Крѣпостное право на крестьянъ и дворовыхъ, угнетая народную массу, озабочивало правительство. Крестьянскія волненія противъ тѣхъ помѣщиковъ, которые злоупотребляли своею властью, тогда случались очень нерѣдко и вели иногда къ открытымъ безпорядкамъ, которые приходилось усмирять силою. Для правительства возникала двойная забота о томъ, чтобы пресѣчь злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ со стороны дворянъ и безпорядки и бунты со стороны крестьянъ. Вторженіе враговъ въ Россію естественно подняло вопросъ о томъ, не будетъ-ли оно поводомъ къ крестьянскимъ возмущеніямъ. Есть такія указанія, что враги Россіи надѣялись на эти возмущенія, а дворяне ихъ ожидали и опасались. На дѣлѣ сколько-нибудь замѣтныхъ крестьянскихъ безпорядковъ не произошло. Ма-

ло того—крестьяне участвовали вмѣстѣ съ войсками въ партизанской войнѣ противъ французовъ и сами, одушевленные народнымъ чувствомъ, сбирались въ свои особые отряды для преслѣдованія и истребленія вражескихъ силъ. Несмотря, однако, на благополучный исходъ дѣла, мысль о возможной опасности отъ крѣпостного строя не могла замереть и исчезнуть. Когда русская армія въ 1813—1815 годахъ дѣлала свои заграничные походы, масса дворянъ, въ ней служившихъ, своими глазами увидала европейскій бытъ, въ которомъ уже не было крѣпостныхъ отношеній. Культурное и нравственное превосходство такого быта для русскихъ людей было очевидно, а зло ихъ крѣпостного строя стало имъ еще больше понятно. Возвратившись съ войны на родину, многіе дворяне принесли съ собою мысль о необходимости уничтоженія крѣпостного права и объ измѣненіи государственнаго устройства, основаннаго на крѣпостномъ порядкѣ. Одни изъ нихъ хотѣли скораго и крутого переворота (и даже произвели неудачную попытку такого переворота при воцареніи императора Николая I 14-го декабря 1825 года). Другіе мечтали о болѣе спокойныхъ и постепенныхъ преобразованіяхъ. Самъ императоръ Николай I поставилъ себѣ цѣлью найти способы къ улучшенію быта крѣпостныхъ и много потрудился въ этомъ направленіи, хотя и не рѣшился прямо возбудить вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Это сдѣлалъ уже его сынъ—императоръ Александръ II.

Но не только вопросъ о крѣпостномъ правѣ

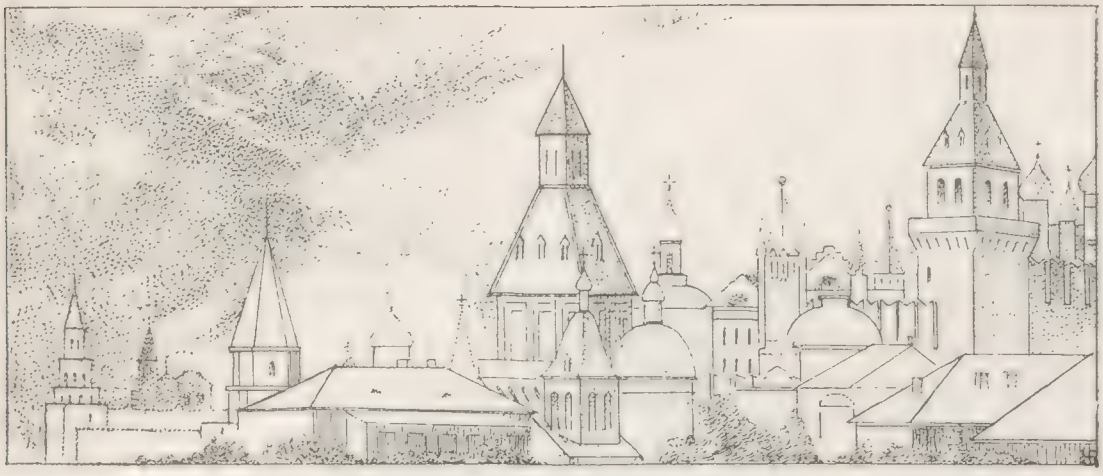
и связанныхъ съ нимъ реформахъ возникъ въ русскомъ обществѣ послѣ Отечественной войны. Вообще умственная жизнь въ Россіи чрезвычайно оживилась подъ вліяніемъ событій, связанныхъ съ этой войною. Подъемъ патріотическихъ чувствъ въ годы борьбы съ Наполеономъ расшевелилъ русское общество, устремилъ его вниманіе на политическія дѣла, двинулъ въ ряды арміи всѣхъ тѣхъ, кто пылалъ желаніемъ бороться за родину и за освобожденіе человѣчества отъ ига «корсиканца». Общественное возбужденіе получило новую пищу въ заграничныхъ походахъ послѣ Отечественной войны. Очень много русскихъ людей прошло въ нашей арміи черезъ всю Европу отъ р. Нѣмана до Парижа, видѣло разныя страны, оставалось въ нихъ на военныхъ постояхъ не только мѣсяцами, но цѣлыми годами, и такимъ образомъ основательно знакомилось съ европейскою культурой и нравами. За отцами и братьями, бывшими въ войскахъ, ѣхали на Западъ ихъ семьи—навѣстить родныхъ борцовъ и самимъ повидать Европу, замиренную побѣдами императора Александра I. Путешествія заграницу вошли въ чрезвычайную моду. Русскіе совершали прогулки по Европѣ, учились въ германскихъ университетахъ, собирали цѣлыя библіотеки изъ заграничныхъ книгъ, составляли себѣ художественныя коллекціи, вывозили изъ за-границы въ свои семьи учителей и гувернеровъ, заграницей даже женились и выходили замужъ, заключая браки съ тѣми иностранцами и иностранками, съ кото-

рыми знакомились въ свое долгое пребываніе въ чужихъ краяхъ. Чрезвычайное оживленіе сношеній съ Западомъ повело къ тому, что на Руси послѣ 1812 года сталъ замѣтенъ сильный подъемъ образованности, развился вкусъ къ занятіямъ философіей, наукою и литературою, появились философскіе кружки, подготовлялся расцвѣтъ самостоятельнаго творчества въ чудной поэзіи Пушкина и его литературныхъ друзей и послѣдователей. Словомъ, патріотическое оживленіе, вызванное Наполеономъ въ Россіи, перешло отъ военныхъ порывовъ къ мирной просвѣтительной работѣ на поприщѣ народнаго самосознанія.

Вотъ почему, чествуя столѣтіе Отечественной войны и вспоминая кровавый день Бородина и плѣнъ разрушенной Москвы, мы празднуемъ не только военную годовщину, но и народно-культурный праздникъ. Въ бѣдствіи родины, въ крови и пожарахъ 1812 года, народная душа почерпнула не только жажду мести врагу, но и потребность духовнаго и гражданскаго совершенствованія. Военный походъ отъ Москвы на Нѣманъ и отъ Нѣмана въ Парижъ привелъ русскій народъ не только къ окончательному пораженію народнаго врага, но и къ первымъ шагамъ на пути уничтоженія крѣпостного строя и усвоенія лучшихъ сторонъ европейской культуры.

Въ этомъ значеніе «священной памяти двѣнадцатаго года»!

С. Ѳ. Платоновъ.



ГЛАВА ПЕРВАЯ.

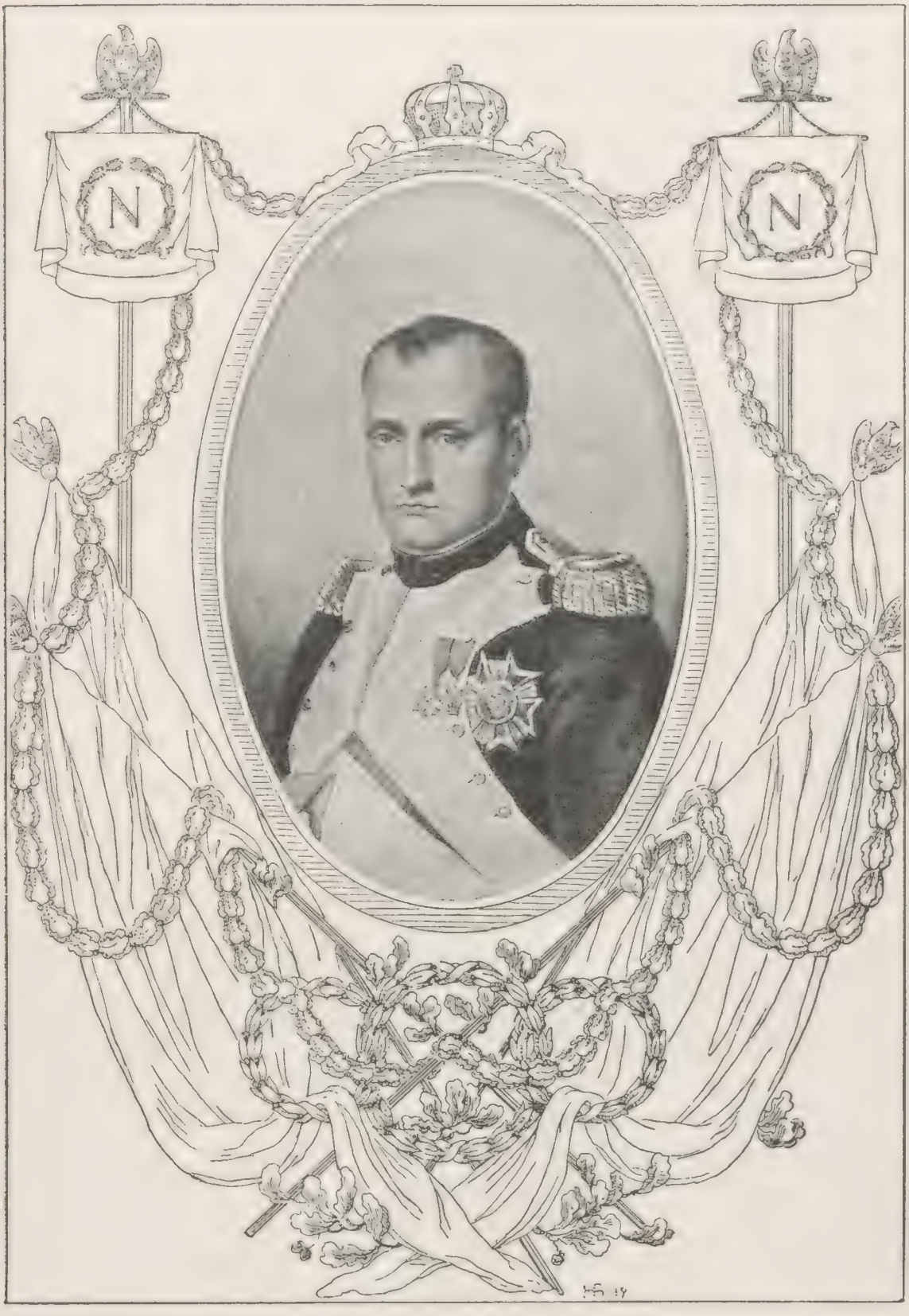
До начала военныхъ дѣйствій.

Причины и поводы къ войнѣ.—Дипломатическіе переговоры передъ войной.—Сношенія Россіи съ европейскими державами.—Миръ съ Турціей.—Союзъ съ Швеціей.—Военныя приготовленія Франціи и Россіи.—Французская и русская арміи.—Планы войны.—Фуль.—Русскіе главнокомандующіе: Барклай-де-Толли и князь Багратіонъ.—Прибытіе Наполеона къ великой арміи и императора Александра въ Вильну.—Послѣдніе переговоры передъ начатіемъ военныхъ дѣйствій.—Заявленіе Наполеона Европѣ о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Россіей.

Къ 1812 году политическая атмосфера континентальной Европы стала удушливой. Чуялось приближеніе страшной бури. „Западный императоръ“ Наполеонъ собиралъ громы и молніи, чтобы поразить ими своего дерзновеннаго союзника, русскаго императора Александра I, который осмѣливался противиться начинаніямъ и замысламъ геніальнѣйшаго полководца XIX вѣка. Становилась неотвратимой великая борьба, извѣстная у насъ подъ именемъ Отечественной войны, стоившая Россіи безчисленныхъ жертвъ и покрывшая нашу родину и нашъ народъ громкой и заслуженной славой. Эта героическая борьба, въ которой противники не жалѣли усилій и не останавливались передъ опасностями, эта война, въ которой наши предки, даже послѣ потери Москвы, не отчаялись въ конечномъ исходѣ вражескаго нашествія и сохранили надежду на Бога и вѣру въ себя и отече-

ство, имѣла глубокія и важныя причины. Къ разсмотрѣнію этихъ причинъ намъ и предстоитъ теперь обратиться.

Прежде всего надо познакомиться съ тѣмъ, что побуждало Наполеона къ безпрерывной войнѣ съ Европой, и той враждѣ къ Англіи, которая сдѣлала неминуемымъ его роковое столкновеніе „съ старымъ русскимъ великаномъ“. Извѣстный историкъ Сорель въ своемъ многотомномъ трудѣ „Европа и Французская революція“ далъ намъ обстоятельное, интересное и во многомъ вѣрное объясненіе внѣшней политики Наполеона. Названный историкъ показалъ, что Наполеонъ волей-неволей долженъ былъ слѣдовать политикѣ предшествующаго ему правительства, Директоріи. Эта политика, состоявшая въ постоянной наступательной войнѣ противъ государствъ Западной Европы, Директоріей въ свою очередь была унаслѣдована отъ эпохи Конвента и явилась логическимъ послѣдствіемъ формулы, провозглашенной революціонной Франціей еще въ послѣднія времена существованія старой монархіи Бурбоновъ и обѣщавшей „миръ хижинамъ и смерть дворцамъ“. Послѣ такого торжественнаго заявленія, вырвавшагося въ пылу раздраженія на вмѣшательство сосѣдей въ ея внутреннія дѣла и немедленно получившаго фактическое примѣненіе, Франціи не оставалось иного исхода кромѣ безпрерывной борьбы съ остальными европейскими державами, для которыхъ подобный лозунгъ звучалъ, какъ смертный приговоръ. Въ этой борьбѣ, по существу оборонительной, Франція предпочла наступательный образъ дѣйствій. Онъ согласовался и съ духомъ французскаго народа и съ реальными выгодами его; такого способа требовалъ отъ правительствъ Франціи и инстинктъ самосохраненія. Благодаря одушевленію французовъ и талантливости ихъ вождей, благодаря военному и дипломатическому генію Наполеона борьба Франціи съ Европой долгое время шла съ огромнымъ успѣхомъ для первой, и почти всѣ континентальныя государства Европейскаго Запада испытали на себѣ тяжелую руку побѣдителей. Однако, Наполеонъ несмотря на опьяненіе колоссальной удачей неоднократно пытался отказаться отъ дальнѣйшей



Napoléon.

борьбы и вступить на путь мирныхъ отношеній съ Европой, но такія попытки кончались тѣмъ, что каждый разъ военныя дѣйствія возгарались съ новой силой. Дѣло въ томъ, что въ государствахъ Европы въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ французскихъ революціонныхъ идей проявился духъ свободы и національнзма, и они съ проклятіями несли на себѣ ярмо, наложенное на нихъ французами, при каждомъ удобномъ случаѣ возставая противъ своихъ побѣдителей и утѣснителей. А въ центрѣ всѣхъ движеній противъ республиканской, а затѣмъ наполеоновской Франціи стояла ея извѣчная соперница Англія, неприступная и неуязвимая. Одушевленная торговымъ соперничествомъ съ своей сосѣдкой и питая большое нерасположеніе къ французской революціи вслѣдствіе ея отрицательныхъ сторонъ, Англія играла самую дѣятельную роль въ каждой коалиціи континентальныхъ державъ противъ Франціи. Отсюда понятна та жгучая ненависть, которую великій корсиканецъ питалъ противъ „коварнаго Альбіона“; понятны и стремленія Наполеона такъ или иначе раздѣлаться съ опаснымъ врагомъ. При томъ надо принять въ соображеніе и личныя побужденія Наполеона, недостаточно оцѣненныя Сорелемъ. Несомнѣнно, что политика перваго императора Франціи опредѣлялась вышеуказанной причиной, но несомнѣнно также и то, что наступательный образъ дѣйствій соотвѣтствовалъ личнымъ свойствамъ Бонапарта и обстоятельствамъ его возвышенія. Богато одаренный, смѣлый и пылкій до дерзости и въ то же время холодно расчетливый, великій актеръ и позёръ, геніальный полководецъ Наполеонъ былъ также прирожденнымъ дипломатомъ и политикомъ. Увлекаемый своимъ южнымъ темпераментомъ, въ высшей степени умѣло пользуясь своимъ неслыханнымъ счастьемъ, Наполеонъ вознесся благодаря своимъ воинскимъ подвигамъ на головокружительную высоту. Онъ—императоръ Франціи и повелитель Западной Европы. Однако въ его положеніи, какъ справедливо замѣтилъ покойный С. М. Соловьевъ, много схожаго съ положеніемъ итальянскаго кондотьера, который можетъ держаться,

опираясь лишь на силу своего меча и видя въ обладаемой странѣ только средство для личнаго господства. Наполеонъ много сдѣлалъ для Франціи, но врядъ ли особенно сильно любилъ эту страну; при этомъ онъ понималъ, что лишь блескъ побѣдъ можетъ примирить недавнихъ республиканцевъ съ его твердой и деспотической властью. Поэтому Наполеонъ шелъ отъ завоеванія къ завоеванію, не видя возможности остановиться и дать утомленной Франціи необходимый отдыхъ. Наконецъ, ему удалось стать господиномъ въ Средней Европѣ и принудить къ союзу съ собой государя Россіи, т. е. властителя Восточной Европы. Но главный врагъ Франціи оставался непобѣжденнымъ и грозилъ рано или поздно ниспровергнуть все зданіе, съ такимъ трудомъ воздвигнутое Наполеономъ. Надо было во что бы то ни стало унизить этого врага и нанести ему смертельный ударъ. Къ этому Бонапарта побуждали и мстительность итальянца и правильный политическій расчетъ: слишкомъ упорна была Англія въ своей враждѣ къ Франціи, слишкомъ опасна своимъ богатствомъ и экономическимъ вліяніемъ.

Замѣтивъ, что богатство Англіи составляетъ главную ея силу, и зная, что оно явилось результатомъ внѣшней торговли этой страны съ державами европейскаго материка, Наполеонъ придумалъ и попытался осуществить мѣру, которая должна была убить эту внѣшнюю торговлю и подорвать въ корнѣ могущество „владычицы морей“. Эта мѣра хорошо извѣстна въ исторіи подъ именемъ континентальной блокады. Всѣ государства континентальной Европы должны были по требованію или желанію императора французовъ закрыть свои гавани для товаровъ, привозимыхъ на англійскихъ корабляхъ или изготовленныхъ въ Англіи, если только послѣднее обстоятельство можно было установить. Эта блокада, конечно, разорила бы Англію, но отъ нея не меньше страдали торговые интересы другихъ странъ, вынужденныхъ такимъ образомъ отказаться отъ необходимыхъ для нихъ товаровъ англійскаго производства или привозимыхъ на англійскихъ судахъ. Поэтому несмотря на всѣ требованія и угрозы Наполеона развилась въ огромныхъ

размѣрахъ контрабандная торговля англійскими товарами, и эту торговлю поощряли такъ или иначе монархи континентальныхъ державъ. Самъ Наполеонъ за большія, правда, деньги давалъ иногда позволеніе (licence) ввезти во Францію тѣ или иные англійскіе товары. Но это обстоятельство не убѣждало его въ неминуемой рано или поздно неудачѣ затѣянной имъ экономической войны съ Англіей, и императоръ французовъ отъ остальныхъ государей Европы настоятельно требовалъ неуклоннаго выполненія задуманнаго имъ плана разорить Англію.

Подобныя домогательства Наполеона неизбѣжно влекли за собой разрывъ Франціи съ Россіей, экономическія отношенія которой къ Англіи препятствовали строгому выполненію навязанной ей извнѣ континентальной блокады. Въ интересной брошюрѣ „Причины войны 1812 года“ г.г. Карцовъ и Военскій выяснили намъ важность этого экономическаго фактора, повлекшаго за собой Отечественную войну. При этомъ указанные авторы обратили вниманіе на слѣдующій любопытный фактъ: континентальная блокада была невыгодна для жителей городскихъ центровъ и потребителей предметовъ роскоши; наоборотъ, экономическое положеніе деревни благодаря ей значительно улучшилось. Но громкій голосъ развитого города покрывалъ собой слабый лепетъ отсталой деревни. Кромѣ того не менѣе могущественно дѣйствовалъ на ряду съ экономическимъ факторомъ и другой; онъ также отмѣченъ и г.г. Карцовымъ и Военскимъ, которые однако не придали ему надлежащаго значенія. Это было глубокое народное неудовольствіе на неизбѣжное слѣдствіе континентальной блокады, на вмѣшательство Наполеона въ торговыя дѣла Россіи. Вѣрный инстинктъ и здоровая въ данномъ случаѣ народная гордость возмущались этимъ вмѣшательствомъ, которое казалось, и не безъ основанія, первымъ шагомъ къ грядущему порабощенію Россіи. Вотъ почему союзъ съ Наполеономъ былъ такъ непопуляренъ среди русскаго общества и народа.

Непопулярность союза съ наполеоновской Франціей отозвалась чувствительнымъ образомъ на настроеніи русскихъ

людей и ихъ отношеніи къ императору Александру. „Сущій прельститель“, какъ называлъ его Сперанскій, императоръ Александръ I благодаря своему обаятельному обращенію и рѣдкой красотѣ былъ въ первые годы своего царствованія предметомъ обожанія своихъ подданныхъ. Это обожаніе смѣнилось мало-по-малу холодностью, если не отчужденностью, послѣ Тильзитскаго мира и Эрфуртскаго свиданья, повлекшихъ за собой миръ и союзъ Россіи съ Франціей. На императора стали смотрѣть, какъ на государя завороженнаго и обойденнаго Наполеономъ и представителя ненаціональной политики. Императоръ Александръ отлично зналъ новое настроеніе своихъ подданныхъ и мнѣніе ихъ о немъ лично. Ему тѣмъ больнѣе, вѣроятно, было переносить на себѣ, хотя и затаенное, отчужденіе и холодность русскаго общества, что симпатіи государя были вовсе не на сторонѣ Наполеона. Въ противность установившемуся, отчасти благодаря самому императору и его дипломатической скрытности и изворотливости, мнѣнію Александръ I ни минуты не былъ подъ обаяніемъ Наполеона. Онъ, какъ это видно изъ замѣчательнаго изданія Великаго князя Николая Михаиловича: „Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой княгиней Екатериной Павловной“, еще въ Тильзитѣ затѣялъ тонкую политическую игру съ противникомъ, котораго никогда не любилъ и котораго впослѣдствіи такъ упорно ненавидѣлъ. „Бонапартъ имѣетъ претензію считать, что я ни что иное, какъ дуракъ“, пишетъ Александръ 26 мая 1807 года своей любимой сестрѣ, но „посмѣется хорошо тотъ, кто посмѣется послѣдній“. Обстоятельства жизни научили и по натурѣ скрытнаго и осторожнаго императора Александра къ умѣнью таить свои мысли и чувства, и это пригодилось ему, какъ дипломату. А русскій императоръ былъ силенъ въ дипломатіи. Въ этомъ искусствѣ, которымъ онъ занимался съ величайшей ревностью, до своеручнаго составленія черновиковъ наиболѣе важныхъ дипломатическихъ бумагъ включительно, императоръ Александръ могъ съ успѣхомъ состязаться съ самимъ Наполеономъ. Дипломатическое искусство помогло ему до поры до вре-

мени играть роль очарованнаго императоромъ французовъ и преданнаго ему друга и союзника. Однако рано или поздно маски пришлось снять, и „друзья“ должны были обнаружить свои истинные помыслы и чувства.

Мы видимъ теперь, что и у Франціи и у Россіи были серьезныя причины для вооруженнаго столкновенія другъ съ другомъ. Не оказалось недостатка и въ поводахъ для разрыва союза и перехода къ военнымъ дѣйствіямъ. Такъ Русскій императоръ былъ оскорбленъ тѣмъ, что Наполеонъ внезапно отобралъ владѣнія у дяди Александра I, герцога Ольденбургскаго, нарушивъ при этомъ прежнее свое обѣщаніе сохранить эти земли за ихъ старыми властителями. Правда, Наполеонъ указывалъ, что такого поступка требовали отъ него обстоятельства, создавшіяся изъ-за континентальной блокады, и предлагалъ вознаградить герцога Ольденбургскаго. Но предложенія были неопредѣленны и врядъ ли искренни. Кромѣ того, создавъ на границѣ Россіи герцогство Варшавское и обольщая поляковъ мечтами о возстановленіи прежней Польши, Бонапартъ ставилъ Россіи новыя и чувствительныя затрудненія. Въ свою очередь Наполеонъ былъ уязвленъ своимъ союзникомъ и какъ человѣкъ и какъ императоръ Франціи. Онъ дважды зондировалъ почву при русскомъ дворѣ, чтобы узнать, какъ будетъ принято его намѣреніе вступить въ переговоры о бракѣ съ одной изъ сестеръ императора Александра, и оба раза получалъ такіе уклончивые отвѣты, которые не позволяли ему дѣлать дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ направленіи. Удовлетворивъ свое тщеславіе женитьбой на дочери австрійскаго императора Маріи-Луизѣ, Наполеонъ все же былъ недоволенъ поведеніемъ русскаго императорскаго двора. Притомъ императоръ французовъ не могъ простить Александру I дѣйствія, явно враждебнаго интересамъ Франціи. Дѣло въ томъ, что въ декабрѣ 1810 года было обнародовано „Положеніе о нейтральной торговлѣ въ 1811 году въ портахъ Бѣлаго, Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго морей и по всей западной сухопутной границѣ“. Въ этомъ „Положеніи“ находился новый тарифъ

на французскіе товары, очень высокій и невыгодный для французской промышленности. Такимъ образомъ, и Россія и Франція имѣли полное основаніе къ взаимнымъ неудовольствіямъ и враждѣ. Война дѣлалась неминуемой.

Прежде чѣмъ заговорили пушки, началась дипломатическая война, въ которой обѣ стороны проявили свое удивительное умѣнье путемъ переговоровъ скрывать свои истинныя намѣренія. Трудно сказать, кто остался побѣдителемъ въ этомъ дипломатическомъ турнирѣ. Если принять въ соображеніе, что Наполеону нужно было выиграть время, чтобы окончить всѣ приготовленія къ войнѣ и выбрать для начала ея благопріятный моментъ, а также удержать русскихъ отъ наступательной войны или по крайней мѣрѣ отъ занятія герцогства Варшавскаго, то надо признать задачу его выполненной. Съ другой стороны императору Александру тоже необходимъ былъ срокъ для подготовки къ военнымъ дѣйствіямъ; сверхъ того ему очень важно было не показаться зачинщикомъ вооруженнаго столкновенія съ Франціей. Ставъ на эту точку зрѣнія, придется придти къ заключенію, что Наполеонъ ничего не выигралъ, затягивая переговоры съ русскимъ государемъ. Что касается самихъ переговоровъ, то детальное ознакомленіе съ ними не входитъ въ нашу задачу. Перескажемъ ихъ въ общихъ чертахъ и отмѣтимъ кстати, какихъ союзниковъ и сторонниковъ за время этихъ переговоровъ пріобрѣла себѣ та и другая сторона и каково было политическое положеніе Европы передъ началомъ Отечественной войны.

Переговоры, предшествующіе этой войнѣ, велись съ большимъ оживленіемъ. Главную роль въ нихъ приняли на себя сами императоры. Посредниками же явились съ русской стороны: гр. Румянцевъ, князь Куракинъ и полковникъ русской гвардіи Чернышевъ, а съ французской: Шампаньи (герцогъ Кадорскій), Марэ (герцогъ Бассано), Коленкуръ, Лористонъ. Графъ Румянцевъ, бывшій русскимъ канцлеромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, отличался миролюбіемъ; это былъ выдающійся по гуманности и образованности человѣкъ, извѣстный въ лѣтописяхъ отече-

ственнаго просвѣщенія своимъ разумнымъ и дѣятельнымъ меценатствомъ. Князь Куракинъ былъ почтеннымъ человѣкомъ, не лишеннымъ способностей, но онъ не могъ идти въ уровень съ событіями. А. И. Чернышевъ (впослѣдствіи князь и предсѣдатель государственнаго совѣта) въ 1811 году былъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Онъ ѣздилъ въ теченіе переговоровъ въ Парижъ съ письмами государя, который оказывалъ ему большую довѣренность. Прекрасно образованный, очень свѣдущій, способный къ дипломатической игрѣ и интригѣ Чернышевъ превосходно исполнялъ порученія императора Александра. Какъ мы увидимъ дальше, у Чернышева сверхъ явной была и тайная миссія во Франціи. Изъ французскихъ участниковъ въ переговорахъ первые два были министрами иностранныхъ дѣлъ и являлись непосредственными исполнителями воли Наполеона. Послѣдніе два были посланниками при русскомъ дворѣ. Оба они, особенно Коленкуръ, при всей преданности интересамъ Франціи подпали обаянію чарующей личности русскаго императора и являлись иногда проводниками нѣкоторыхъ его идей и взглядовъ. Начались переговоры въ самомъ началѣ 1811 года и продолжались почти до дня выѣзда Наполеона на театръ военныхъ дѣйствій, т. е. до конца апрѣля 1812 года. Со стороны Франціи главнымъ образомъ были выставлены жалобы на несоблюденіе континентальной блокады, на новый тарифъ, затѣмъ на вооруженія, предпринятыя Россіей. Русскіе участники переговоровъ въ свою очередь заявляли неудовольствіе на дѣло герцога Ольденбургскаго, покровительство Наполеона герцогству Варшавскому и на колоссальныя вооруженія Франціи, что заставляло и Россію принимать мѣры для необходимой обороны. Примѣчательна та ловкость, съ которой участники переговоровъ тянули ихъ съ цѣлью выиграть время, причемъ тонъ Наполеона мѣнялся въ зависимости отъ хода дѣлъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Замѣчательно и то стараніе, съ какимъ обѣ стороны отстраняли отъ себя обвиненіе во враждебныхъ начинаніяхъ. Въ этомъ отношеніи императоръ Александръ смѣло могъ считать себя побѣдителемъ. Въ

заключеніе позволимъ себѣ привести два или три наиболѣе характерные момента занимающихъ насъ въ данное время переговоровъ. Такъ, въ отвѣтъ на письмо Наполеона отъ 28 февраля 1811 года, въ которомъ тотъ упрекалъ своего союзника въ нарушеніи трактатовъ и въ желаніи вступить въ соглашеніе съ Англіей и которое заканчивалось просьбой „прочесть это письмо въ добромъ настроеніи духа, въ немъ нѣтъ ничего такого, что могло бы помѣшать уничтоженію взаимнаго недовѣрія и возобновленію союза и дружбы между обоими государствами, которые были такъ счастливы для нихъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ“, императоръ Александръ отвѣтилъ подробнымъ письмомъ. Въ этомъ письмѣ, доставленномъ въ Парижъ Чернышевымъ въ концѣ марта 1811 года, русскій государь разбираетъ и разбиваетъ всѣ нападки Наполеона, выставляетъ въ свою очередь обвинительные пункты противъ его дѣйствій и, изъявляя полную готовность сохранить союзъ и дружбу съ императоромъ Франціи, прибавляетъ: „если начнется война, то лишь потому, что вы ея желали, и, употребивъ всѣ усилія, чтобы предотвратить ее, я сумѣю сражаться и дорого продамъ свое существованіе“. Когда же передъ своимъ отозваніемъ Коленкуръ долженъ былъ официально сообщить русскому императору о военныхъ приготовленіяхъ Франціи и объяснить ихъ вооруженіями Россіи, императоръ Александръ въ отвѣтъ на это разсказалъ французскому посланнику о своихъ приготовленіяхъ къ оборонительной войнѣ и сказалъ: „У меня нѣтъ такихъ генераловъ, какъ ваши; я самъ не такой генералъ и администраторъ, какъ Наполеонъ; но у меня хорошіе солдаты, преданный мнѣ народъ... увѣряю васъ честью, я не сдѣлаю перваго выстрѣла, я допущу васъ перейти Нѣманъ, и самъ его не перейду. Будьте увѣрены, что я васъ не обманываю, я не хочу войны. Мой народъ... тоже не хочетъ войны, потому что онъ знаетъ ея опасности. Но если на него нападутъ, то онъ сумѣетъ защищаться всѣми силами“. Въ такомъ духѣ долго шли переговоры, то доходя до дерзкихъ выходокъ со стороны Наполеона, то принимая кажущійся благопріятнымъ оборотъ, а въ

это время стороны готовились къ неотвратимому столкновенію.

При подготовкѣ Франціи и Россіи къ войнѣ оба государства старались опредѣлить свое отношеніе къ другимъ европейскимъ державамъ. Осторожный императоръ Александръ не сталъ компрометировать себя договорами съ Англіей и испанскими инсургентами. Это противорѣчило бы взятой имъ на себя и строго выдерживаемой роли монарха, всѣми силами и способами избѣгающаго войны, а въ сочувствіи и возможной поддержкѣ и Англіи и испанцевъ сомнѣнія не было. Не пытался также Александръ I привлечь на свою сторону державы, вошедшія въ 1811 году въ систему Наполеоновской Франціи. Онъ сосредоточилъ свое вниманіе на Пруссіи, Австріи, Турціи и Швеціи. Пруссія, униженная Франціей, казалось, была естественной союзницей Россіи въ предстоящей войнѣ. Этотъ союзъ представлялся тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что государи обѣихъ державъ были связаны между собой тѣсной дружбой. Выдающіеся государственные дѣятели Пруссіи, каковы Шарнгорстъ и Гарденбергъ, были на сторонѣ дружественнаго единенія съ Россіей. Въ этомъ духѣ велись переговоры, и даже былъ выработанъ проектъ союзнаго договора, одобренный императоромъ Александромъ. Однако дѣлу помѣшала трусость и алчность, обнаруженныя прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III. Ненавидя французовъ, король трепеталъ передъ ихъ императоромъ и, находясь въ униженіи, мечталъ о земельныхъ пріобрѣтеніяхъ для Пруссіи, которой надо было прежде всего вернуть себѣ независимость. Въ результатѣ Наполеонъ, насквозь видѣвшій короля Фридриха-Вильгельма, принудилъ его къ заключенію союза съ Франціей, не давъ ему никакихъ чаемыхъ имъ „компенсацій“ (т. е. вознагражденій) за содѣйствіе въ готовящейся войнѣ, и началъ распоряжаться въ Пруссіи, какъ въ завоеванной странѣ. Императоръ Александръ былъ настолько дальновиденъ, что простилъ своему прусскому другу его двойную игру и даже утѣшилъ его надеждой на наступленіе лучшихъ временъ. Отношенія къ Австріи у Россіи были сложнѣе. Им-

перія Габсбурговъ долгое время была во враждѣ съ Франціей. Однако съ тѣхъ поръ, какъ принцесса Марія-Луиза стала женой Наполеона, взаимныя чувства Австріи и Франціи должны были улучшиться. Тѣмъ не менѣе между вѣнценосными зятемъ и тестемъ не было сердечной близости, и, если требованія родственныхъ приличій и опасенія передъ могуществомъ Франціи заставили императора Франца заключить союзъ съ Бонапартомъ, то застарѣлая ненависть къ неоднократному побѣдителю австрійцевъ подсказала ихъ государю способъ по возможности обезвредить дѣйствіе этого союза. Австрія заключила съ Россіей соглашеніе, по которому выставленный противъ послѣдней корпусъ австрійскихъ войскъ не долженъ былъ превысить 30.000 человѣкъ. На дѣлѣ австрійцы выставили въ помощь Франціи всего лишь 26.000-ый корпусъ, да и тотъ не проявлялъ особенной дѣятельности. Такимъ образомъ по отношенію къ Пруссіи и Австріи взяла верхъ дипломатія Наполеона, хотя и русскій императоръ достигъ извѣстныхъ результатовъ. Во всякомъ случаѣ оба крупнѣйшихъ германскихъ государства были ненадежными друзьями Франціи, и это могло нѣсколько успокаивать императора Александра, у котораго до самаго открытія Наполеономъ военныхъ дѣйствій тяжкимъ бременемъ на душѣ лежала турецкая война. Наполеонъ, самъ толкавшій Россію на эту войну, въ концѣ ея сталъ подстрекать турокъ къ продолженію вооруженной распри съ врагомъ. Но къ счастью для Россіи настойчивость подстрекательствъ императора французовъ поселила въ Блистательной Портѣ недовѣріе къ его искренности. При этомъ побѣды и дипломатія Кутузова, главнокомандующаго русской арміей, сдѣлали свое дѣло и склонили турокъ къ миру, который и былъ окончательно подписанъ 16-го мая 1812 года. Было предположеніе привлечь Турцію къ союзу съ Россіей, но оно не осуществилось.

Удачнѣе дѣло обстояло въ сношеніяхъ со Швеціей. Это государство вело незадолго до Отечественной войны борьбу съ Россіей и потеряло при этомъ Финляндію и Аландскіе острова. Поэтому, когда начались приготовленія

къ войнѣ между Франціей и Россіей, императоръ французовъ могъ разсчитывать на помощь Швеціи, наслѣдный принцъ которой, Бернадотъ, былъ прежде маршаломъ Наполеона и находился въ свойствѣ съ нимъ. Однако, хитрый и ловкій гасконецъ, которому выпало на долю стать основателемъ шведской королевской династіи, умѣлъ хорошо разсчитывать и соображать. Онъ понялъ, во-первыхъ, что лишь союзъ съ Россіей дѣлаетъ Швецію страной, неуязвимой съ суши; во-вторыхъ, только придерживаясь этого союза, могла Швеція сдѣлать важныя земельныя пріобрѣтенія, а именно—присоединить къ своимъ владѣніямъ Норвегію; Наполеонъ же не далъ бы Швеціи за союзъ съ нимъ ничего подобнаго. Поэтому Бернадотъ быстро столковался съ императоромъ Александромъ, и 25 марта 1812 года былъ подписанъ Россіей и Швеціей предварительный союзный договоръ, къ которому рѣшено было привлечь и Англію. Какъ во время переговоровъ о союзѣ, такъ и ставъ союзникомъ Александра I, принцъ Бернадотъ показывалъ большое дружелюбіе къ Россіи. Онъ не оставлялъ ея императора совѣтами относительно веденія войны и кромѣ того предложилъ Александру I усилить русскую дѣйствующую армію нѣсколькими полками, стоявшими въ Финляндіи и предназначенными помогать шведамъ въ завоеваніи Норвегіи. Благодарный принцу и убѣжденный въ его расположеніи, императоръ Александръ I воспользовался его предложеніемъ и не имѣлъ повода раскаиваться въ этомъ.

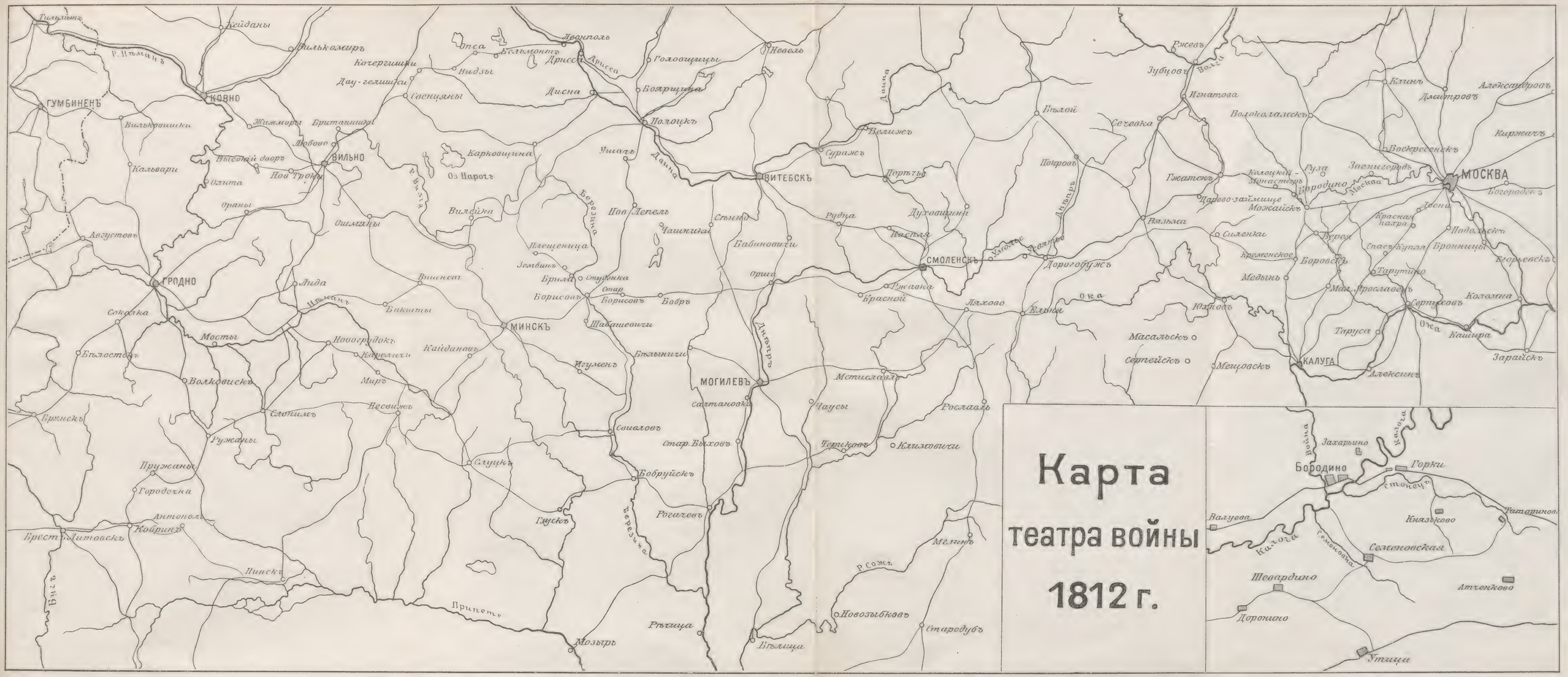
Итакъ передъ началомъ войны 1812 года съ одной стороны стоялъ, какъ говоритъ покойный изслѣдователь А. Н. Поповъ, „Наполеонъ, державшій подъ желѣзной рукой всю континентальную Европу, исключая Испаніи, которая, съ помощью Англіи, вела борьбу съ нимъ на жизнь и на смерть, съ другой—Россія, которая не безъ осторожности могла разсчитывать только на союзъ со Швеціей и на нейтралитетъ Турціи, а впереди—на помощь Англіи“.

Знакомясь съ дипломатической борьбой Франціи и Россіи, мы принуждены были упоминать о военныхъ приготовленіяхъ обѣихъ сторонъ. Въ чемъ же состояли эти при-

готовленія? И та и другая держава подготовлялась къ борьбѣ сообразно съ ближайшими своими цѣлями и наличными средствами. Что касается Наполеона, то онъ по свойствамъ своего военнаго генія и своей натуры готовился къ наступательной войнѣ, причемъ намѣтилъ себѣ сперва лишь въ самыхъ общихъ чертахъ планъ военныхъ дѣйствій. Онъ рѣшилъ, сосредоточивъ свою армію, форсировать переправу черезъ Нѣманъ и вторгнуться въ предѣлы Россіи. Затѣмъ для достиженія прочнаго и выгоднаго мира онъ намѣревался разбить русскую армію въ генеральномъ сраженіи, угрожая въ то же время Москвѣ, а въ случаѣ необходимости и занять этотъ городъ. Самъ Наполеонъ далъ объясненіе, почему онъ стремился къ овладѣнію Москвой. „Если я займу Кіевъ“,—говорилъ онъ,—„я возьму Россію за ноги, если я овладѣю Петербургомъ, я возьму ее за голову, занявъ Москву, я поражу ее въ сердце“. Поставивъ себѣ опредѣленныя цѣли, Наполеонъ со свойственной ему кипучей энергіей сдѣлалъ все для обезпеченія себѣ успѣха. Прежде всего онъ позаботился о созданіи сильной дѣйствующей арміи, численность которой благодаря сдѣланнымъ имъ распоряженіямъ, императоръ французовъ довелъ до 542.000 человѣкъ. Изъ нихъ 2 корпуса должны были охранять коммуникаціонныя линіи въ Германіи, а остальные 11 корпусовъ и резервная кавалерія (4 корпуса) въ составѣ 467 баталіоновъ, 469 эскадроновъ и 1.200 орудій, въ числѣ 470.000 человѣкъ, считая войска вспомогательныхъ назначеній (саперы, понтонеры и т. п.), предназначались къ вторженію въ Россію. Надо было позаботиться о прокормленіи такой массы людей и лошадей. И здѣсь императоръ французовъ выказалъ большую заботливость и предусмотрительность. Такъ, предвидя трудность добыванія фуража для кавалеріи въ сравнительно малолюдной и очень обширной странѣ, Наполеонъ постарался приноровить начало военныхъ дѣйствій къ серединѣ іюня, чтобы лошадей дѣйствующей арміи, получившей названіе Великой, можно было держать на подножномъ корму. Не такъ просто разрѣшался вопросъ о довольствіи людей; Однако и для этого довольствія былъ предпринятъ рядъ

мѣръ, вытекавшихъ изъ слѣдующихъ главныхъ соображеній: 1) до переправы черезъ Нѣманъ надо жить средствами страны; при переправѣ—имѣть продовольствіе по крайней мѣрѣ на 24 дня—въ томъ числѣ на 4 дня на людяхъ и на 20-ть дней въ войсковыхъ обозахъ и обозныхъ баталіонахъ; 2) слѣдуетъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ использовать водные пути для подвоза довольствія вслѣдъ за арміей, а сверхъ того сформировать транспорты изъ обывательскихъ повозокъ. Отмѣтимъ кстати, что, предпринимая походъ въ Россію, Наполеонъ озаботился выработкой возможно совершеннаго типа повозки, при чемъ наиболѣе удовлетворительными оказались повозки-двуколки съ подъемной силой около 25 пудовъ. Наконецъ, для быстраго передвиженія арміи при ней были 3 понтонныхъ и одинъ инженерный паркъ, снабженные всѣмъ необходимымъ для наводки мостовъ и пріученные къ быстротѣ и подвижности въ дѣйствіяхъ. Наполеонъ справедливо придавалъ большое значеніе этимъ качествамъ своихъ спеціальныхъ войскъ. „Весь мой планъ войны“,—говорилъ онъ,—„основывается на наличіи понтоннаго парка, обладающаго хорошей запряжкой и столь же подвижнаго, какъ орудіе“.

Мѣры, принятыя Наполеономъ, показываютъ, что его геній нисколько не ослабѣлъ къ 1812 году, что духъ императора французовъ былъ по прежнему бодръ, что умъ его сохранилъ былую остроту и свѣжесть. Эти геніальныя способности Наполеона составляли главную силу его многочисленной и хорошо вооруженной арміи. Но Великая армія имѣла рядъ слабыхъ сторонъ, на которыя намъ надо обратить свое вниманіе. Необыкновенная пестрота національнаго состава арміи была первымъ и, пожалуй, самымъ существеннымъ ея недостаткомъ, такъ какъ и по военнымъ качествамъ и по одушевленію войска разныхъ народностей, поведенныя Наполеономъ на Россію, были далеко не равны другъ другу. На первомъ мѣстѣ стояли французы, обожавшіе своего „маленькаго капрала“ и обладавшіе высокими воинскими доблестями, старая же гвардія императора была выше всякой похвалы. Но избалованные побѣдами французы высокомѣрно


Карта
театра войны
1812 г.
ГУМБИНЕНЪ
КОВНО
ВИЛЬНО
ГРОДНО
МИНСКЪ
ВИТЕБСКЪ
СМОЛЕНСКЪ
МОГИЛЕВЪ
МОСКВА
КАЛУГА
Тильзитъ
Кейданы
Вилькомиръ
Р. Итманъ
Кочергишки
Видзы
Даугелишки
Свенцяны
Жижморы
Британишки
Любово
Вилькавишки
Кальвари
Высокій дворъ
Ново Троки
Олита
Ораны
Ошмяны
Августовъ
Сокулка
Мосты
Бѣлостокъ
Волковискъ
Гродненъ
Ружаны
Пружаны
Городечна
Антополь
Брестъ-Литовскъ
Кобринъ
Пинскъ
Высь
Припять
Мозырь
Лида
Виленка
Итманъ
Бакшты
Новогрудокъ
Кареличи
Миръ
Несвижъ
Слуцкъ
Гуськъ
Березина
Ръчица
Бобруйскъ
Рогачевъ
Старые Быховъ
Игуменъ
Бѣлыничи
Шабашевичи
Борисовъ
Бобръ
Стар.
Борисовъ
Ст. Ушачи
Бриллы
Зембинъ
Площеница
Вилейка
Ош. Нарочь
Карковщина
Ушачъ
Полоцкъ
Дисна
Боярщина
Головщицы
Друя
Друя
Дрисса
Видзы
Ольмонтъ
Опса
Ивенецъ
Невель
Велижъ
Сураж
Порѣчье
Рудня
Духовщина
Вопь
Ельня
Дорогобужъ
Ярцево
Вязьма
Сѣнно
Бабиновичи
Чашники
Нов. Лепель
Орша
Ржевка
Красный
Ляхово
Мстиславль
Чаусы
Горикова
Рославль
Ключевичи
Мглинъ
Новозыбковъ
Стародубъ
Бѣлица
Сосна
Ржевъ
Зубцовъ
Волга
Ватлой
Сѣчевка
Игнатова
Волоколамскъ
Покровъ
Гжатскъ
Колоцкій-Монастырь
Царево-займище
Можайскъ
Бородино
Москва
Клинъ
Александровъ
Дмитровъ
Воскресенскъ
Звенигородъ
Руза
Кржемечъ
Богородскъ
Подольскъ
Бронницы
Егорьевскъ
Красная Пахра
Спасъ-Купля
Тарутино
Боровскъ
Кременское
Медынь
Ярополецъ
Юхновъ
Масальскъ
Серпейскъ
Мещовскъ
Тарусса
Алексинъ
Серпуховъ
Коломна
Кашира
Зарайскъ
Ока
Захарьино
Горки
Бородино
Валуева
Князьково
Семеновская
Шевардино
Доронино
Утица
Атченково
Стонецъ
Колоча
Гременковка
Ратаринова

БИБЛИОТЕКА
Института Атомной Физики
ОТДЕЛ
№
№ инвент

относились къ своимъ соратникамъ и не пользовались поэтому ихъ любовью. За французами надо поставить поляковъ. Имъ не доставало искусства, но у нихъ была масса энтузіазма и храбрости. Остальныя войска или шли въ походъ равнодушно, какъ итальянцы, баварцы и т. д., или съ явной неохотой; это были пруссаки и австрійцы. Притомъ разноплеменной арміи „двадесяти языковъ“ не хватало дисциплины. Лишь немногіе маршалы и генералы умѣли удерживать свои войска отъ мародерства и соединенныхъ съ нимъ насилій надъ мирнымъ населеніемъ. Въ войну 1812 года, несмотря на строгіе приказы и мѣры взысканія, налагаемыя Наполеономъ, это зло обнаружилось еще до открытія военныхъ дѣйствій и мало-по-малу приняло ужасающіе размѣры. Третьимъ недостаткомъ Великой арміи слѣдуетъ считать то, что у ея маршаловъ и высшихъ генераловъ было мало самодѣятельности и иниціативы. Исключеніе представляли два, три лица, между которыми выдавался суровый Даву. Огромное же большинство высшихъ начальниковъ Великой арміи при личной храбрости и распорядительности на поляхъ битвъ было весьма посредственными самостоятельными вождями. Это не мѣшало имъ дѣйствовать самоувѣренно и заносчиво, не считаясь съ пользой дѣла, а преслѣдуя личные интересы или выдвигая на первый планъ вопросы самолюбія. Среди офицеровъ къ 1812 году не насчитывалось уже многихъ опытныхъ служакъ, павшихъ со славой на поляхъ брани. Интендантство тоже не могло похвалиться удачнымъ подборомъ своихъ служащихъ, отчего далеко не всѣ распоряженія Наполеона выполнялись съ необходимой быстротой и точностью, и Великая армія еще задолго до сколько-нибудь рѣшительныхъ столкновеній съ врагомъ стала терпѣть нужду въ довольствіи, съ каждымъ днемъ обострявшуюся.

Несмотря на указанные недочеты, прекрасно сознаваемые Наполеономъ, онъ смѣло началъ войну, разсчитывая на относительную слабость русской арміи, выставленной противъ него. Положеніе же русскихъ силъ передъ войной было очень хорошо извѣстно императору французовъ, который въ широ-

кихъ размѣрахъ организовалъ шпіонство, пользуясь при этомъ самыми разнообразными способами—до нескромности и болтливости нѣкоторыхъ лицъ русскаго командnаго состава включительно. Главными же агентами по собиранію свѣдѣній для Наполеона служили поляки, подстрекаемые ненавистью къ Россіи. Но такъ какъ добровольцы-шпіоны изъ поляковъ отличались склонностью къ преувеличиваніямъ и недостаточнымъ пониманіемъ того, какія данныя наиболѣе важны, Наполеонъ поспѣшилъ организовать спеціальную агентуру для добыванія нужныхъ свѣдѣній, а передъ началомъ военныхъ дѣйствій при главномъ штабѣ Великой арміи было сформировано особое развѣдочное бюро. Самъ же императоръ французовъ тщательно изучилъ театръ предстоящихъ военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ къ началу войны Наполеонъ имѣлъ достаточныя свѣдѣнія и о той мѣстности, гдѣ должны были дѣйствовать его войска, и о тѣхъ силахъ, съ которыми ему предстояло столкнуться. И пока Великая армія не вступила въ предѣлы коренной Россіи, ея полководецъ имѣлъ хорошія извѣстія о своихъ врагахъ отъ мѣстныхъ поляковъ и евреевъ. Развѣдочная же часть самой Великой арміи за недостаткомъ кавалеріи была не блестяща, что и отразилось на дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ.

Мы знаемъ теперь, что сдѣлано было Наполеономъ для его похода въ Россію. Надо сказать, что и русскія военныя приготовленія шли съ большой энергіей съ самаго начала разсмотрѣнныхъ нами предшествовавшихъ войнѣ переговоровъ. Прежде чѣмъ говорить объ этихъ приготовленіяхъ, предстоитъ нѣсколько остановиться на вопросѣ объ общемъ планѣ военныхъ дѣйствій. Какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ лучшихъ военныхъ изслѣдователей Отечественной войны, покойный генералъ Харкевичъ, оборонительная война и даже самый ея характеръ подсказаны были изученіемъ походовъ Наполеона. „Геній Наполеона, быстрота и блескъ его дѣйствія, громовые удары, приводившіе къ крушенію арміи и уничтоженію государствъ, поражали современниковъ и естественно должны были сдѣлаться предметомъ изученія“,—говоритъ названный писатель и продол-

жаетъ.—„Нѣтъ ничего удивительнаго, если такое изученіе привело выдающіеся военные умы къ одинаковому выводу относительно наиболѣе цѣлесообразнаго способа борьбы съ Наполеономъ. Наполеонъ стремится къ быстрому рѣшенію участи войны, ищетъ боя—нужно затягивать войну, уклоняясь отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Французская армія совершаетъ быстрые марши, живетъ реквизиціями—нужно лишать ее средствъ продовольствія, дѣйствуя на нее пространствомъ и неблагопріятнымъ временемъ года, и, только когда противникъ будетъ ослабленъ, переходить къ энергическимъ дѣйствіямъ всѣми силами". Подобный способъ веденія войны, имѣвшій въ Россіи и оправдывавшее его историческое прошлое, приведшее русскихъ къ Полтавской побѣдѣ 1709 года, очень гармонировалъ съ обширностью Руси, бѣдностью ея продовольственныхъ средствъ и суровостью климата. Поэтому мысль о завлеченіи противника въ глубь страны въ случаѣ войны съ Наполеономъ имѣла въ 1812 году рядъ сторонниковъ. Такъ еще въ 1807 году Барклай-де-Толли говорилъ извѣстному историку Нибуру, что, если бы онъ былъ главнокомандующимъ русской арміи въ войнѣ съ Наполеономъ, онъ увлекъ бы французскую армію къ берегамъ Волги и тамъ бы заставилъ враговъ найти вторую Полтаву. Съ этимъ мнѣніемъ можно сопоставить и слова извѣстнаго графа Ростопчина, написанныя имъ императору Александру I въ самый день начала военныхъ дѣйствій: „Ваша имперія имѣетъ двухъ могучихъ защитниковъ—пространство и климатъ. Императоръ русскій будетъ опасенъ въ Москвѣ, грозенъ въ Казани и непобѣдимъ въ Тобольскѣ". Подобныя мнѣнія были высказаны и другими лицами. Однако императоръ Александръ въ концѣ 1810 года склоненъ былъ, повидимому, къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Впрочемъ онъ скоро отказался отъ своихъ первоначальныхъ предположеній, въ виду враждебности къ Россіи поляковъ, королемъ которыхъ онъ думалъ было себя провозгласить, а главное, чтобы не показаться зачинщикомъ войны. Поэтому Александръ I рѣшилъ держаться принциповъ оборонительной войны и разработку плана ея поручилъ генералъ-лейтенанту Фулю, который

вскорѣ послѣ Іенскаго разгрома Пруссіи перешелъ съ прусской службы на русскую и былъ наставникомъ нашего государя въ военномъ искусствѣ. Генералъ Фуль, пользовавшійся у себя на родинѣ славой знатока военнаго дѣла, былъ типичнѣйшимъ теоретикомъ, разсматривавшимъ дѣйствительность сквозь призму своихъ излюбленныхъ теорій. Въ личной жизни онъ былъ неловокъ и непрактиченъ въ высшей степени. Такъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Россіи онъ не только не успѣлъ изучить русскій языкъ, но не сумѣлъ завести знакомствъ и связей въ высшей военной средѣ. Впрочемъ, послѣднее могло быть порождено простыми самомнѣніемъ и чванливостью; если вѣрить злымъ словамъ Ермолова, послѣ неудачи своего плана, когда „исчезло рабственное къ нему почтеніе“, Фуль „готическую свою важность, вывѣску общаго ко всѣмъ неуваженія, перемѣнивши на придворную вѣжливость“, „не ожидая въ дань приносимыхъ поклоновъ, предупреждалъ всѣхъ поклонами“. Относительно же военныхъ теорій Фуля, который вѣрилъ въ нихъ съ узостью и жаромъ фанатика, можно сказать, что онѣ заключались главнымъ образомъ въ слѣпомъ преклоненіи передъ принципами веденія войны Фридрихомъ Великимъ. Изъ современныхъ себѣ военныхъ дѣятелей Фуль очень уважалъ Бюлова; онъ взялъ у этого авторитета слѣдующую идею: оборонительную войну надо вести двумя арміями, дѣйствующими въ эксцентрическихъ направленіяхъ, изъ нихъ одна оказывала сопротивленіе противнику, а другая нападала на его флангъ и тылъ. Мнѣнія Фуля, высказываемыя имъ необычайно увѣренно, оказали большое вліяніе на первоначальный планъ войны 1812 года, который и былъ разработанъ сообразно указаніямъ этого генерала. Поэтому около западной русской границы были сосредоточены 2 арміи, а на одномъ изъ притоковъ Зап. Двины, Дриссѣ, былъ устроенъ укрѣпленный лагерь, позиція котораго была избрана однимъ изъ ближайшихъ къ Фулю людей, флигель-адъютантомъ Вольцогеномъ. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ намъ всѣ неудобства этого плана. Теперь же намъ предстоитъ выясненіе того, сколько русскихъ

войскъ было расположено въ раіонѣ будущихъ военныхъ дѣйствій, какія мѣры принимались къ ихъ укомплектованію и приведенію въ боевую готовность, вообще прослѣдить приготовленія Россіи къ одной изъ величайшихъ войнъ въ ея историческомъ прошломъ. Къ началу 1811 года, т. е. ко времени возникновенія враждебныхъ отношеній къ Франціи, значительная часть вооруженныхъ силъ Россіи была сосредоточена противъ турокъ, такъ что на западной границѣ стояло лишь три корпуса, въ которыхъ было немногимъ болѣе 100.000 человѣкъ. Благодаря принятымъ мѣрамъ къ началу войны русскія полевыя вооруженныя силы на западной границѣ достигли вдвое большей численности. Кромѣ того можно было разсчитывать по заключеніи мира съ Турціей на дѣйствующую дунайскую армію, которая впрочемъ была очень далеко, да нѣсколько тысячъ солдатъ могло быть взято изъ корпуса Штейнгеля, стоявшаго въ Финляндіи. Пополняться и усиливаться русская армія должна была резервными баталіонами, которые формировались изъ особыхъ, незадолго до войны учрежденныхъ, рекрутскихъ депо. Кавалерія русская благодаря казачьему донскому войску превосходила французскую и составляла болѣе, чѣмъ $^1/_5$ всей арміи. Французская же конница не превышала $^1/_6$ общаго количества солдатъ Великой арміи. За то русскіе имѣли очень мало войскъ спеціальнаго назначенія. Въ общемъ же передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій составъ нашихъ войскъ на западной границѣ равнялся 249 баталіонамъ пѣхоты, 262 эскадронамъ конницы, 36 казачьимъ полкамъ и 906 орудіямъ; численность этой воинской силы доходила до 218.000 человѣкъ. Особыхъ обозныхъ баталіоновъ наши войска не имѣли, довольствуясь обыкновенными войсковыми обозами и формируя въ случаяхъ надобности подвижные „магазины“ изъ обывательскихъ повозокъ. Главнымъ же образомъ для снабженія войскъ всѣмъ необходимымъ были устроены въ тылу ихъ и по линіямъ предполагаемаго отступленія огромные „магазины“ со всевозможными запасами. Въ возможности устройства такихъ неподвижныхъ „магазиновъ“ сказывалась положительная сторона оборонитель-

ной войны. Уступая врагу численностью, русскія войска превосходили его своей сплоченностью и общимъ подъемомъ духа. Они горѣли желаньемъ посчитаться съ непріятелемъ и готовы были грудью стать на защиту родины отъ вражескаго нашествія. Изъ любопытнаго „Наставленія г.г. пѣхотнымъ офицерамъ въ день сраженія", разосланнаго въ войсковыя части передъ началомъ военныхъ дѣйствій, видно, что завѣты Суворова господствовали тогда въ русской арміи и закаляли ее. Между прочимъ изъ обязанностей офицеровъ на первый планъ въ „Наставленіи" ставится заботливость о солдатахъ, о ихъ пищѣ и здоровьѣ, а затѣмъ проводится интересная мысль о томъ, что „храбрый никогда не можетъ быть отрѣзанъ". „Откуда бы ни зашелъ непріятель"— говорится въ „Наставленіи",—„повернуться къ нему грудью, идти и рубить". „Упрямство и неустрашимость больше выиграли сраженій, нежели всѣ таланты и все искусство". Наставленіе это не было мертвой буквой въ русской арміи, гдѣ большинство высшихъ начальниковъ и многіе офицеры были испытаны въ бояхъ; не мало было и такихъ, кто имѣлъ счастье сражаться подъ начальствомъ славнаго Суворова.

Такимъ образомъ уступая храброй Великой арміи численностью и техническими средствами, русскія войска превосходили ее сплоченностью и нравственнымъ подъемомъ, а также и дисциплиной: случаи мародерства у насъ были сравнительно очень рѣдки. За то больное мѣсто нашей воинской силы, выставленной противъ непріятеля, представлялъ вопросъ о высшемъ командованіи. Верховный надзоръ за дѣйствіями войскъ и верховное распоряженіе взялъ на себя самъ императоръ. Его присутствіе придавало войскамъ еще больше одушевленія, но не было полезно для дѣла: русскій государь не былъ рожденъ полководцемъ. Впослѣдствіи онъ винилъ свое воспитаніе, считая его причиной своей неспособности командовать большой арміей. Намъ кажется проще и вѣрнѣе объяснить этотъ фактъ тѣмъ, что не всѣ люди отличаются разносторонностью дарованій Наполеона. Великій въ дипломатіи, Александръ былъ посредственнымъ, какъ стратегъ: ему не хватало быстрой рѣ-

шительности на полѣ брани, и онъ, хотя часто и вѣрно, медленно соображалъ сложныя тактическія и стратегическія движенія; притомъ онъ не отличался увѣренностью въ своихъ сужденіяхъ о военной обстановкѣ. Въ то же время, считая своей обязанностью находиться при войскахъ и, быть можетъ, не вполнѣ довѣряя,—это видно и изъ его переписки съ Великой княгиней Екатериной Павловной,— своимъ главнымъ военачальникамъ, Александръ первое время войны самъ руководилъ своей арміей, да и впослѣдствіи, будучи уже въ Петербургѣ, зорко слѣдилъ за ходомъ военныхъ дѣйствій. Говоря о томъ, что Александръ руководилъ своей *арміей*, мы выразились не совсѣмъ точно. Какъ уже было упомянуто выше, на западной границѣ были по плану Фуля сформированы двѣ арміи. Одна, подъ начальствомъ осторожнаго Барклая-де-Толли, должна была принять на себя главныя силы врага и, не втягиваясь въ рѣшительный бой, притянуть его къ укрѣпленному лагерю на рѣкѣ Дриссѣ. Другая, которой командовалъ пылкій Багратіонъ, имѣла своей задачей дѣйствовать на пути сообщенія противника, зайдя ему въ тылъ. Оба полководца не были подчинены другъ другу и, когда императоръ уѣхалъ изъ арміи, остались совершенно самостоятельными начальниками своихъ войскъ, причемъ Барклай имѣлъ пріоритетъ военнаго министра, а князь Багратіонъ—старшинство по времени производства въ чинъ. И Барклай, и Багратіонъ, поставленные во главѣ русскихъ армій въ началѣ Отечественной войны, имѣютъ право на наше вниманіе. Мих. Богд. Барклай-де-Толли, не отличаясь геніальными дарованіями, былъ выдающимся человѣкомъ. Съ огромной личной храбростью онъ соединялъ большую выдержку, хладнокровіе и проницательность. Свое основательное образованіе онъ стремился пополнить съ свойственнымъ ему трудолюбіемъ. Выдѣлившись во время послѣдней шведской войны, много потрудившись на посту военнаго министра, Барклай не сумѣлъ да и не стремился пріобрѣсти популярности въ войскахъ. Сухой, холодный въ обращеніи, замкнутый Барклай не былъ любимъ ни офицерствомъ, ни солдатами. Обладая, какъ мы

Князь М. Б. Барклай де Толли.

Князь П. И. Багратіонъ.

видѣли, правильными сужденіями о способѣ веденія войны съ Наполеономъ, главнокомандующій первой арміи не имѣлъ сначала должной самостоятельности, стѣсняемый распоряженіями свыше и планомъ Фуля. Да и вообще Барклай-де-Толли не могъ бы довести своего плана до конца: главный его недостатокъ состоялъ въ томъ, что онъ былъ *нѣмецъ*. Во время такой войны, какъ Отечественная, когда солдаты рвутся въ бой, чтобъ остановить нашествіе дерзкаго врага, на отступательную тактику могъ отважиться только русскій по происхожденію. Нашему же полководцу, любившему Россію, пришлось испить чашу горечи: его чуть не открыто называли измѣнникомъ. Другой русскій полководецъ, главнокомандующій второй арміи, пользовался за то любовью въ своихъ войскахъ и обожаніемъ солдатъ. Любимый сподвижникъ великаго Суворова, князь Петръ Ив. Багратіонъ рожденъ былъ для битвъ. Пылкій, рыцарски прямой и открытый онъ былъ великъ на полѣ битвы, гдѣ обнаруживалъ огромную прозорливость и львиную отвагу. Къ сожалѣнію, богатыя способности Багратіона не были развиты образованіемъ: оно оставляло желать очень многаго.

Не трудно замѣтить, что для выполненія плана Фуля оба военачальника были совершенно на мѣстѣ. Но обстоятельства скоро поставили и ихъ и самого государя передъ другими задачами. Представляется лишь страннымъ, какъ Фуль, если только онъ не былъ ослѣпленъ своимъ кабинетнымъ доктринерствомъ, могъ разсчитывать на успѣхъ своего плана при такомъ неравенствѣ силъ. Дѣло въ томъ, что и русское правительство обладало хорошими свѣдѣніями относительно численности и состава французской Великой арміи. И у насъ были свои агенты и шпіоны изъ мѣстныхъ жителей: тѣхъ поляковъ, которые были преданы Россіи, и евреевъ, зарабатывавшихъ на этомъ опасномъ ремеслѣ большія деньги. Но лучшія свѣдѣнія доставилъ русскому правительству извѣстный уже намъ гвардейскій полковникъ Чернышевъ. Этотъ блестящій и молодой офицеръ не разъ въ теченіе 1811—1812 годовъ побывалъ въ Парижѣ съ письмами императора Александра. Вкрадчивый и свѣт-

ски обворожительный собесѣдникъ, ловкій и неутомимый танцоръ, русскій полковникъ усердно подвизался на балахъ, гдѣ имѣлъ шумный успѣхъ. Не сразу догадались, что у молодого офицера были на умѣ не одни танцы. Чернышевъ, какъ оказалось, не терялъ времени даромъ и организовалъ шпіонство черезъ посредство одного изъ служащихъ военнаго министерства, Мишеля. Послѣдній подкупилъ того агента, который относилъ къ брошюровщику и слѣдилъ за брошюровкой подробныхъ росписаній французской арміи, ея численности и расквартированія. Такія свѣдѣнія представлялись два раза въ мѣсяцъ Наполеону.— Агентъ заносилъ эти росписанія Мишелю, а тотъ снималъ съ нихъ копіи и доставлялъ послѣднія Чернышеву, который раньше, чѣмъ самъ императоръ французовъ, получалъ точныя данныя относительно формированія и численнаго состава Великой арміи. Когда французская полиція обратила наконецъ вниманіе на дѣятельность Чернышева, то она уже въ февралѣ 1812 года произвела тайный обыскъ въ его квартирѣ и убѣдилась, что русскій офицеръ добылъ весьма цѣнныя и секретныя данныя. Однако источникъ этихъ данныхъ не былъ тогда узнанъ, и виновность Мишеля обнаружилась позднѣе, когда Чернышевъ окончательно покинулъ Францію. Онъ затерялъ одно изъ компрометирующихъ писемъ своего сообщника, которое было найдено въ его квартирѣ подъ ковромъ, и Мишель поплатился жизнью за свою измѣну.

Итакъ французское и русское правительства дѣятельно готовились къ войнѣ. Эти приготовленія мало-по-малу приходили къ концу, и часъ кроваваго столкновенія уже былъ недалекъ. 9-го апрѣля 1812 года императоръ Александръ, отслушавъ молебенъ въ Казанскомъ соборѣ, выѣхалъ въ Вильну, куда повелѣлъ прибыть цѣлому ряду высшихъ сановниковъ, въ томъ числѣ государственному канцлеру Румянцеву, государственному секретарю Шишкову, графу Бенигсену, графу Аракчееву, генералъ-лейтенанту Фулю, генералъ-адъютанту Балашову и мн. др. Передъ отъѣздомъ государя въ виду продолжающагося сосредото-

ченія Великой арміи на русскихъ границахъ русскому послу въ Парижѣ былъ отправленъ отвѣтъ на послѣднія предложенія Наполеона. Этотъ отвѣтъ, полученный княземъ Куракинымъ 12 апрѣля и немедленно сообщенный имъ французскому правительству, былъ, какъ правильно замѣчаетъ военный историкъ Харкевичъ, „по рѣшительности и категоричности требованій“ „настоящимъ ультиматумомъ“. Россія соглашалась на дальнѣйшіе переговоры „подъ непремѣннымъ предварительнымъ условіемъ уменьшенія гарнизона Данцига и очищенія французскими войсками Пруссіи и Шведской Помераніи“. Въ расчеты Наполеона не входило немедленное объявленіе войны. Опасаясь, что русскія войска перейдутъ границу и помѣшаютъ выполнить намѣченное сосредоточеніе Великой арміи, императоръ французовъ сталъ хитрить и тянуть время. Онъ послалъ въ Вильну своего генералъ-адъютанта графа Нарбонна съ письмомъ къ русскому государю, причемъ помѣтилъ это письмо заднимъ числомъ, сдѣлавъ такимъ образомъ видъ, что оно написано до полученія „ультиматума“. А герцогъ Бассано по приказанію своего повелителя всѣми способами уклонялся отъ объясненій съ Куракинымъ послѣ аудіенціи послѣдняго у Наполеона. На этой аудіенціи Наполеонъ то старался запугать русскаго посла, то льстилъ его надеждой на мирный исходъ франко-русскихъ разногласій. Прошло 2 недѣли послѣ бесѣды Куракина съ императоромъ французовъ. Куракинъ, видя, что его стараются обмануть, потребовалъ свои паспорты и по полученіи ихъ покинулъ Парижъ, а затѣмъ и Францію. Между тѣмъ Наполеонъ какъ разъ въ тотъ день, когда русскій посолъ потерялъ терпѣніе, т. е. 27-го апрѣля 1812 года, выѣхалъ въ Дрезденъ, направляясь къ Великой арміи. Его генералъ-адъютантъ, графъ Нарбоннъ, находился тогда на пути въ Вильну, гдѣ былъ 6-го мая принятъ императоромъ Александромъ и выслушалъ подтвержденіе требованій, заявленныхъ въ Парижѣ черезъ князя Куракина. Русскій государь при этомъ заявилъ еще разъ, что не обнажитъ оружія первымъ, чтобъ не быть виновникомъ въ пролитой крови, и продолжалъ такъ: „Но

я не сдѣлаю ничего посягающаго на честь управляемаго мной народа. Русскій народъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые отступаютъ передъ опасностью". При этихъ словахъ Александръ развернулъ передъ Нарбонномъ карту Россіи и быстрымъ жестомъ указалъ ему на берега Берингова пролива, сказавъ: „Если императоръ Наполеонъ рѣшился на войну, и счастье будетъ не на сторонѣ праваго дѣла, ему придется дойти до сихъ поръ, чтобы заключить миръ".

Наполеонъ не придалъ значенія заявленіямъ русскаго императора. Не вѣря въ твердость Александра I, онъ счелъ ихъ пустой декламаціей и поспѣшилъ отвѣтить на нихъ красивой фразой. „Хотятъ войны, я начну ее"—замѣтилъ Наполеонъ, выслушавъ докладъ своего генералъ-адъютанта о поѣздкѣ, и приказалъ ускорить движеніе Великой арміи къ русской границѣ. 4-го іюня, находясь уже въ Кенигсбергѣ, императоръ французовъ отдалъ приказаніе о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Россіей, а 9-го іюня въ Вильковишкахъ въ торжественномъ воззваніи къ войскамъ, возвѣстилъ имъ о приступѣ къ военнымъ дѣйствіямъ. Такъ началась Отечественная война.

Видъ Москвы до пожара.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отъ начала военныхъ дѣйствій до назначенія Кутузова главнокомандующимъ.

Расположеніе русскихъ войскъ передъ войной.—3 дѣйствующія арміи.—Генералъ Тормасовъ, главнокомандующій 3-ей арміей.—Начало войны.—Переправа Наполеона черезъ Нѣманъ.—Распредѣленіе французскихъ силъ.—Задачи, поставленныя имъ Наполеономъ.—Отступленіе русскихъ армій.—Удачный маршъ Дорохова.—Первая армія въ Дрисскомъ лагерѣ.—Крушеніе плана войны, предложеннаго Александру I Фулемъ.—Рядъ важныхъ распоряженій и назначеній по арміи, сдѣланныхъ Александромъ I.—Прибытіе первой арміи къ Полоцку.—Отъѣздъ Государя изъ арміи.—Отсутствіе полнаго единства въ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ.—Отступленіе первой арміи къ Смоленску.—Вторая армія и Багратіонъ.—Его удачныя распоряженія.—Его недовольство дѣйствіями Барклая.—Соединеніе 22-го іюня 1812 года 2-хъ русскихъ армій подъ Смоленскомъ.—Положеніе дѣлъ на главномъ театрѣ войны къ 22 іюля 1812 года.—Взрывъ патріотизма въ Россіи.—Воззваніе и манифестъ императора Александра.—Государь на пути въ Москву.—Воодушевленіе жителей Смоленска.—Положеніе дѣлъ въ Москвѣ.—Графъ Ростопчинъ и его дѣйствія.—Государь въ Москвѣ.—Пожертвованія москвичей.—Общее

ополченіе и его размѣры.—Удачныя дѣйствія арміи Тормасова и соединеніе ея съ Дунайской арміей Чичагова.—Отдѣльный корпусъ графа Витгенштейна, защищавшій подступы къ Петербургу.—Свиданіе Барклая и Багратіона.—Багратіонъ подчиняетъ себя Барклаю.—Попытка русскихъ войскъ перейти въ наступленіе.—Наступленіе Великой арміи.—Отступленіе дивизіи Невѣровскаго отъ Краснаго.—Геройская защита Смоленска войсками Раевскаго и Дохтурова.—Отступленіе русскихъ войскъ по Московской дорогѣ.—Французы въ Смоленскѣ.—Рѣшеніе Наполеона преслѣдовать русскую главную армію.

Въ мартѣ 1812 года русскія войска, сосредоточенныя на нашей западной границѣ, были, какъ намъ уже извѣстно, раздѣлены на двѣ арміи: первая подъ начальствомъ Барклая-де-Толли была предназначена къ веденію отступательной войны, а вторая, имѣя полководцемъ князя Багратіона, должна была дѣйствовать въ тылъ наступающему противнику. Къ маю было рѣшено перераспредѣлить эти войска нѣсколько иначе, выдѣливъ изъ нихъ третью, обсерваціонную, армію. Начальникомъ этой арміи, численностью до 43.000 человѣкъ, расположенныхъ въ Волыни, былъ назначенъ генералъ Тормасовъ. Это былъ искусный военный администраторъ, строгій, но справедливый къ своимъ подчиненнымъ. Онъ имѣлъ большой боевой опытъ, командовавъ передъ своимъ новымъ назначеніемъ нѣсколько лѣтъ войсками на Кавказѣ.

За выдѣленіемъ арміи Тормасова въ 2-хъ западныхъ арміяхъ осталось всего лишь около 175.000 человѣкъ. Первая армія, численностью въ 127.000 человѣкъ, имѣла къ началу войны главную квартиру въ Вильнѣ и растянута была отъ Кейданъ до Лиды, т. е. на 170 верстъ. Крайній правый флангъ ея составлялъ корпусъ графа Витгенштейна, получившій вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій самостоятельное назначеніе прикрывать дорогу къ Петербургу. Во второй арміи насчитывалось къ іюню 1812 года не болѣе 48.000 человѣкъ. Эта армія съ главной квартирой въ Волковыскѣ имѣла стратегическій фронтъ, пространствомъ на 40 верстъ. Между обѣими арміями не было къ началу военныхъ дѣйствій связи, и ближайшіе фланги ихъ отстояли другъ отъ друга на 100 верстъ.

Таково было расположеніе русскихъ военныхъ силъ, предназначенныхъ къ дѣйствію противъ Наполеона, къ моменту переправы Великой арміи черезъ Нѣманъ. Она началась въ ночь на 12-е іюня и совершена была въ полномъ порядкѣ и безпрепятственно подъ руководствомъ маршала Даву. Затѣмъ Наполеонъ устремился къ овладѣнію Вильной, принимая при этомъ извѣстныя предосторожности.

„Нельзя слишкомъ торопиться и вести наступленіе противъ неразбитой арміи такъ, какъ будто бы она потерпѣла пораженіе“, совершенно справедливо замѣтилъ онъ. Что же касается распредѣленія силъ наступающей Великой арміи, то въ общемъ оно было таково. Главная масса войскъ, численностью въ 218 тысячъ человѣкъ, и въ томъ числѣ гвардія, подъ личнымъ начальствомъ Наполеона находилась на лѣвомъ флангѣ и должна была нанести рѣшающій ударъ. Центръ состоялъ изъ 79.000 человѣкъ подъ командой вице-короля Евгенія Богарнэ. Онъ предназначался для того, чтобы облег-

чить выполненіе задачъ, какъ лѣвому, такъ и правому крылу арміи. Послѣднее находилось подъ начальствомъ вестфальскаго короля Іеронима, брата Наполеона, и должно было демонстраціями отвлечь вниманіе русскихъ отъ лѣваго крыла, а также и прикрывать его въ случаѣ перехода второй нашей арміи въ наступленіе. Кромѣ этихъ главныхъ силъ корпуса Макдональда и Шварценберга получили назначеніе дѣйствовать на крайнихъ лѣвомъ и правомъ флангахъ, прикрывая собой остальную армію.

Распредѣливъ очень удачно свои войска, Наполеонъ старался, кромѣ того, обмануть бдительность русскихъ ложными движеніями на правомъ флангѣ, а также и слухами о томъ, что онъ самъ будетъ находиться при арміи Іеронима. Планъ великаго полководца былъ чрезвычайно цѣлесообразенъ, противъ нашихъ 2-хъ главныхъ армій были выставлены прямо подавляющія силы, а именно: 375 тысячъ противъ 175-ти, и императоръ французовъ могъ съ торжествомъ говорить: „Теперь Багратіонъ съ Барклаемъ болѣе не увидятся“. Къ счастію для Россіи главные помощники Наполеона стояли далеко не на высотѣ своего положенія. Императоръ французовъ при назначеніи Богарнэ и Іеронима увлекся родственными и политико-династическими соображеніями: вестфальскаго короля онъ хотѣлъ поставить во главѣ проектированнаго имъ польскаго королевства. А такъ какъ „поляки любятъ славу“, то и надо было, чтобы будущій польскій „круль“ выдѣлился, какъ самостоятельный военачальникъ. Но, если назначеніе вице-короля Евгенія можно было съ грѣхомъ пополамъ объяснить его выдающейся храбростью, то во всякомъ случаѣ вестфальскій король оказался совершенно непригоднымъ къ командованію самостоятельной арміей. Это обнаружилось съ особенной яркостью, когда по выяснившимся обстоятельствамъ на долю арміи Іеронима выпала задача настигнуть и разбить армію Багратіона. Вслѣдствіе медлительности вестфальскаго короля хорошо задуманный планъ Наполеона не имѣлъ успѣха.

Другой и, быть можетъ, не менѣе важной причиной того, что намѣренія и предположенія императора францу-

зовъ не сбылись, было полное крушеніе плана войны, принятаго первоначально въ русскихъ войскахъ по настояніямъ и указаніямъ генерала Фуля. Уже съ первыхъ дней войны выяснившаяся колоссальная разница въ численности заставила русскихъ отказаться отъ немедленнаго приложенія идей названнаго генерала въ полномъ ихъ объемѣ. Правда, несмотря на всяческое противодѣйствіе Барклая, желавшаго отступленія съ боемъ, первая армія отступала, слѣдуя указаніямъ Фуля, т. е. не втягиваясь по возможности въ сраженія съ противникомъ и направляясь прямо къ укрѣпленному лагерю на Дриссѣ. За то и вторая армія, предназначенная по плану Фуля къ нападеніямъ на врага, вынуждена была несмотря на всю пылкость и отвагу Багратіона къ быстрому отступленію. При отступленіи обѣихъ русскихъ армій было рѣшено дѣйствовать на наступающаго врага порчей путей сообщенія и уничтоженіемъ заготовленныхъ запасовъ, уводомъ перевозочныхъ средствъ и силъ и т. д. Это рѣшеніе и было приведено въ исполненіе съ большимъ успѣхомъ.

Не встрѣчая почти никакого сопротивленія, Наполеонъ 16-го іюня былъ уже въ Вильнѣ, съ восторгомъ привѣтствованный польскимъ и полонофильскимъ обществомъ этого города. Въ древней столицѣ Литвы императоръ французовъ пробылъ 18 дней, давъ отдыхъ значительной части своихъ силъ, уже поразстроенныхъ отъ тягостей похода. Въ Вильнѣ же Наполеонъ принялъ и генералъ-адъютанта Балашова, посланнаго Александромъ I уже по полученіи извѣстій о переправѣ французовъ черезъ Нѣманъ для того, чтобы показать миролюбіе русскихъ. На предложеніе Балашова отвести войска за Нѣманъ Наполеонъ отвѣчалъ насмѣшливымъ отказомъ.

Изъ другихъ событій на театрѣ военныхъ дѣйствій въ началѣ войны надо отмѣтить образцовое отступленіе маленькаго отряда генерала Дорохова. Онъ стоялъ въ мѣстечкѣ Оранахъ и, принадлежа къ составу первой арміи, во время не получилъ приказа объ отступленіи. Узнавъ, наконецъ, что французы придвинулись уже значительно дальше занимаемаго отрядомъ мѣстечка и отрѣзали его та-

кимъ образомъ отъ первой арміи, Дороховъ форсированнымъ маршемъ двинулся на соединеніе съ Багратіономъ и послѣ ряда утомительнѣйшихъ переходовъ блестяще выполнилъ свою задачу.

Не нанеся русскимъ ни одного пораженія, къ 19-му іюня Наполеонъ пріобрѣлъ значительныя выгоды въ стратегическомъ отношеніи. Русскія арміи отступали, все болѣе удаляясь одна отъ другой, и разстояніе между ними дошло уже до 250 верстъ. Слова Наполеона о томъ, что Багратіонъ и Барклай уже не увидятся, казалось, начали сбываться. Однако вскорѣ произошло событіе, кореннымъ образомъ измѣнившее дальнѣйшій ходъ войны: русскіе отказались отъ первоначальнаго плана веденія военныхъ дѣйствій, и „Фулевщина была отброшена“, какъ мѣтко выразился покойный генералъ Харкевичъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Отъ Нѣмана до Смоленска“.

Отказъ отъ плана, предложеннаго Фулемъ, произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 26-го іюня государь, опередивъ головную часть арміи, прибылъ въ укрѣпленный лагерь при Дриссѣ. Въ этотъ самый день флигель-адъютантъ полковникъ графъ Мишо, опытный и дѣльный военный инженеръ, испросилъ аудіенцію у императора. Принятый Александромъ I, онъ высказалъ свое мнѣніе о недостаткахъ избранной позиціи. Они, дѣйствительно, были очень существенны. Во первыхъ, лагерь былъ тѣсенъ для арміи, которую онъ долженъ былъ оберегать, и не имѣлъ достаточной внутренней поддержки. Во вторыхъ, спуски къ тремъ изъ четырехъ мостовъ лагеря были настолько круты, что артиллерію приходилось спускать на рукахъ. Въ третьихъ, передъ лѣвымъ флангомъ Дрисскихъ укрѣпленій находился густой лѣсъ, за которымъ противникъ могъ передвигаться совершенно незамѣтно для защитниковъ лагеря. Государь выслушалъ графа Мишо съ большимъ вниманіемъ, но въ приказѣ, отданномъ 27-го іюня въ день Полтавской битвы, выражалась увѣренность въ прекращеніи отступленія и перехода къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Конецъ приказа гласилъ: „Нынѣшній день, ознаменованный Полтавскою

побѣдою, да послужитъ вамъ примѣромъ. Память побѣдоносныхъ предковъ вашихъ да возбудитъ васъ къ славнѣйшимъ подвигамъ! Они мощною рукою разили враговъ своихъ; вы, слѣдуя по стезямъ ихъ, стремитесь къ уничтоженію непріятельскихъ покушеній на Вѣру, Честь, Отечество и семейства ваши. Правду нашу видитъ Богъ и ниспошлетъ на васъ свое благословеніе".

Несмотря на увѣренный тонъ приказа, Александръ сомнѣвался уже въ пригодности Дрисскаго лагеря. Онъ предпринялъ тщательный осмотръ его, сопровождаемый своей свитой, въ которой находился и Фуль. Послѣдній подробно объяснялъ всѣ преимущества лагерныхъ укрѣпленій, но не нашелъ себѣ поддержки въ окружающихъ государя. А маркизъ Паулуччи, исполнявшій тогда обязанности начальника штаба первой арміи со свойственной ему рѣзкостью и несдержанностью сказалъ Фулю, что подобный укрѣпленный лагерь могъ устроить лишь „или сумасшедшій, или измѣнникъ". Въ это же время были получены извѣстія, что Багратіонъ вынужденъ къ поспѣшному отступленію. Надежды же на усиленіе первой арміи значительными подкрѣпленіями не оправдались: прибывшія 10-ть тысячъ солдатъ пополнили лишь убыль, происшедшую съ начала войны. Планъ Фуля оказывался несостоятельнымъ. При томъ и главнокомандующій первой арміи Барклай-де-Толли высказалъ свои сомнѣнія въ стратегической пригодности Дрисскихъ укрѣпленій, предлагая сосредоточить большую часть войскъ внѣ лагеря въ виду того, что противникъ угрожаетъ лѣвому флангу.

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ Александръ I собралъ военный совѣтъ, въ которомъ участвовали Барклай, Волконскій, Аракчеевъ, принцъ Георгій Ольденбургскій, Мишо и Вольцогенъ, какъ выбравшій мѣсто для Дрисскихъ укрѣпленія. Мишо доложилъ собравшимся о результатахъ своего осмотра Дрисскаго лагеря. Затѣмъ Вольцогенъ по предложенію императора высказалъ мысль, что при выяснившейся обстановкѣ и громадномъ численномъ превосходствѣ противника дальнѣйшее пребываніе въ Дриссѣ опасно и

что надлежитъ немедленно покинуть Дрисскій лагерь. Послѣ этого Барклай предложилъ отступить на Витебскъ, гдѣ имѣлась хорошая позиція для войскъ, и ждать тамъ соединенія съ Багратіономъ. Это предложеніе было принято. Результаты его были очень важны. Правда, предположенія Барклая не сбылись, и русскимъ арміямъ удалось соединиться лишь подъ Смоленскомъ. Однако идеи Фуля были оставлены навсегда, и арміямъ были поставлены новыя цѣли: соединеніе и прикрытіе Москвы. Бородинскій бой и въ конечномъ итогѣ полное крушеніе расчетовъ Наполеона были слѣдствіемъ рѣшенія, принятаго въ Дриссѣ.

Во время пребыванія первой арміи въ Дриссѣ былъ сдѣланъ рядъ важныхъ распоряженій, имѣвшихъ большое вліяніе на дальнѣйшее теченіе военныхъ дѣйствій. Такъ ближайшими помощниками Барклая по управленію первой арміей были назначены: генералъ А. П. Ермоловъ—начальникомъ штаба и полковникъ К. Ѳ. Толь—генералъ-квартирмейстеромъ. Первый изъ нихъ отличался выдающимися военными достоинствами, рѣшительностью и энергіею. Въ его замѣчательныхъ запискахъ о войнѣ проявляется его здравый, язвительный умъ и пониманіе имъ своего дѣла; впрочемъ записки не лишены нѣкоторой пристрастности и духа самовосхваленія, скрытаго подъ видомъ скромности. Во всякомъ случаѣ распорядительности, присутствію духа и отвагѣ А. П. Ермолова русская армія въ 1812 году была обязана очень многимъ. Не менѣе услугъ оказалъ Россіи въ Отечественную войну и высокодаровитый К. Ѳ. Толь, обладавшій громадной проницательностью и умѣніемъ оріентироваться въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Подчиненные Толя обожали его. По мнѣнію одного изъ нихъ К. Ѳ. Толь воинскими талантами не уступалъ самому Наполеону. Такое мнѣніе, конечно, преувеличиваетъ способности Толя, но и Ермоловъ, имѣвшій съ нимъ столкновенія и считавшій генералъ-квартирмейстера первой арміи очень заносчивымъ, признаетъ его выдающіяся военныя качества. Поэтому назначенія, сдѣланныя въ Дриссѣ, надо признать весьма удачными.

Не менѣе успѣшны были и распоряженія, касавшіяся сосредоточенія и усиленія дѣйствующихъ военныхъ силъ. Во первыхъ, Дунайская армія, находившаяся тогда подъ начальствомъ адмирала Чичагова, получила приказаніе двинуться въ Волынь на соединеніе съ арміей генерала Тормасова. Далѣе, въ Смоленскѣ рѣшено было образовать изъ резервныхъ частей обсерваціонный корпусъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ былъ предписанъ дополнительный рекрутскій наборъ. Наконецъ, было рѣшено объявить во многихъ русскихъ губерніяхъ о созывѣ ополченія, ядромъ котораго долженъ былъ служить резервный корпусъ, формировавшійся тогда въ Калугѣ подъ наблюденіемъ знаменитаго боевого генерала Милорадовича.

О томъ, съ какой стихійной силой откликнулся русскій народъ на призывъ къ упорной борьбѣ съ врагомъ, предстоитъ разсказать нѣсколько позднѣе. Теперь обратимся къ обзору военныхъ дѣйствій до соединенія нашихъ западныхъ армій. Прежде всего прослѣдимъ движенія первой русской арміи. До 2-го іюля она продержалась въ Дриссѣ, а затѣмъ стала отходить къ Полоцку. Передъ дальнѣйшимъ отступленіемъ Барклай далъ порученіе Витгенштейну держаться съ своимъ корпусомъ у Дриссы и прикрывать дорогу къ Петербургу, отступая, если это окажется необходимымъ, на Псковъ и Новгородъ. Это распоряженіе, сдѣланное, по замѣчанію Ермолова, изъ придворныхъ соображеній, имѣло, конечно, болѣе глубокія основанія: столицу и ближайшія къ ней области нельзя было оставить безъ всякаго прикрытія. Сверхъ того противъ Витгенштейна французы должны были выставить корпусъ Великой арміи подъ начальствомъ маршала Удино, и такимъ образомъ съ своей стороны ослабить свои главныя силы. Съ тѣхъ поръ какъ главная масса русскихъ войскъ ушла изъ Дриссы, корпусъ Витгенштейна пріобрѣлъ самостоятельное значеніе, и съ дѣйствіями его намъ еще удастся ознакомиться.

Если Витгенштейнъ имѣлъ своей задачей прикрывать подступы къ Петербургу, то цѣлью остальной арміи сдѣлалось соединеніе съ Багратіономъ и прегражденіе дальнѣйшаго движенія врага къ Москвѣ. Къ этой цѣли и напра-

влены были помыслы Барклая, который съ 6-го іюля получилъ большую самостоятельность въ своихъ распоряженіяхъ: въ этотъ именно день, когда русскія войска находились въ Полоцкѣ, императоръ Александръ рѣшилъ временно покинуть армію. Не безъ боли въ сердцѣ предпринялъ русскій государь этотъ шагъ. Долгъ Его, какъ Вер-

ховнаго Вождя русской арміи, повелѣвалъ ему дѣлить съ послѣдней всѣ опасности боевого времени, какъ казалось Александру I. Удаленіе же изъ арміи могло, по его мнѣнію, почесться актомъ трусости. Однако въ свитѣ императора были люди, къ счастью не раздѣлявшіе его образа мыслей въ этомъ отношеніи. Они понимали, что государь, не имѣвшій талантовъ полководца, можетъ стѣснять командующихъ войсками. При томъ пораженіе арміи, при которой находился императоръ, могло гибельно отразиться на исходѣ войны. Конечно,

присутствіе царя воодушевляло солдатъ, но духъ арміи и безъ того былъ превосходенъ. Пребываніе же государя въ одной изъ столицъ могло быть и дѣйствительно стало очень полезнымъ для дѣла. Александръ I съ его чарующимъ обращеніемъ какъ разъ необходимъ былъ въ то время въ Москвѣ для пробужденія въ сердцахъ москвичей, а затѣмъ и остальныхъ русскихъ энтузіазма, сдѣлавшаго въ скоромъ времени войну народной. Всѣ эти соображенія пришли въ голову государственному секретарю, адмиралу Шишкову, человѣку кристальной честности и истиннаго патріотизма. Онъ написалъ государю письмо, въ которомъ умолялъ его не подвергать свою жизнь, а вмѣстѣ съ ней и отечество, неминуемой опасности и, покинувъ войска, принять мѣры для усиленія арміи созданіемъ народнаго ополченія, а своимъ присутствіемъ воодушевить сердца своихъ подданныхъ для борьбы съ дерзкимъ и отважнымъ врагомъ. Это письмо было подписано также Балашовымъ и Аракчеевымъ, который выказалъ себя при этомъ узкимъ и низкимъ царедворцемъ. Когда ему сказали, что отъѣздъ государя въ Москву является единственнымъ средствомъ спасти отечество, Аракчеевъ закричалъ: „Что мнѣ до отечества! Скажите мнѣ, не въ опасности ли государь, оставаясь долѣе при арміи“.

„Конечно, ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, что тогда будетъ съ государемъ? А если онъ побѣдитъ Барклая, то бѣда еще не велика“, единодушно отвѣтили Балашовъ и Шишковъ.

Послѣ этого Аракчеевъ подписалъ письмо и положилъ его съ вечера на письменный столъ государя. На другой день утромъ императоръ сказалъ Аракчееву: „Я читалъ ваше посланіе“. Это было 5 іюля, а 6-го въ ночь государь отправился черезъ Смоленскъ въ Москву.

При своемъ отъѣздѣ изъ арміи государь не назначилъ никого главнокомандующимъ всѣми арміями, и такимъ образомъ Барклай, Багратіонъ, Тормасовъ остались совершенно независимыми другъ отъ друга, что, конечно, могло только быть вреднымъ для хода военныхъ дѣйствій. За то Барклай получилъ большую самостоятельность, которой у него не

было вслѣдствіе присутствія при арміи государя и его свиты. Надо отмѣтить, впрочемъ, что на всю послѣдующую дѣятельность Барклая оказали сильное вліяніе прощальныя слова Александра I: „Поручаю вамъ мою армію, и не забывайте отнюдь, что у меня нѣтъ другой“.

По отъѣздѣ императора дѣла первой арміи до соединенія ея со второй шли слѣдующимъ образомъ. 7-го іюля Барклай получилъ донесеніе о томъ, что непріятель двигается къ Витебску. Тогда, боясь быть обойденнымъ Наполеономъ, главнокомандующій первой арміей отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія дать войскамъ болѣе продолжительный отдыхъ и быстрымъ маршемъ отвелъ ихъ къ Витебску, около котораго они расположились. 11-го іюля Наполеонъ намѣревался атаковать русскую армію на маршѣ и принудить ее къ рѣшительному бою, но не успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Подъ Витебскомъ все-таки произошелъ рядъ арріергардныхъ боевъ, которые Барклай далъ съ цѣлью нѣсколько задержать дальнѣйшее движеніе французовъ. Багратіона же главнокомандующій первой арміей настоятельно просилъ идти скорѣе на Оршу для соединенія съ главными русскими силами. Узнавъ затѣмъ, что Багратіонъ не смогъ пробиться къ Могилеву и долженъ отступать къ Смоленску, Барклай тоже рѣшился на дальнѣйшее отступленіе. Оно было совершено въ полномъ порядкѣ и замѣчательно быстро. 20 іюля войска первой русской арміи стянулись уже къ Смоленску. Наполеонъ, ожидавшій генеральнаго сраженія, былъ жестоко обманутъ въ своихъ надеждахъ: армія отступила внезапно, не оставивъ по себѣ ни малѣйшаго слѣда. Въ Смоленскѣ Барклай встрѣтился и увидѣлся съ Багратіономъ, и Наполеонъ оказался лжепророкомъ.

Отступленіе второй арміи къ Смоленску было гораздо болѣе труднымъ и опаснымъ. Чтобъ познакомиться съ нимъ хотя бы въ общихъ чертахъ, намъ придется вернуться къ началу военныхъ дѣйствій. По предположенію Наполеона Іеронимъ долженъ былъ, занявъ Гродну, удерживать Багратіона демонстративными дѣйствіями, а затѣмъ перейти въ рѣшительное наступленіе всѣми силами и раздавить вторую

армію. Но Іеронимъ промедлилъ въ Гроднѣ до 22 іюня и далъ Багратіону возможность начать свое отступленіе.

Главнокомандующій второй арміей направился сперва къ Минску. Его войска на этомъ отступленіи усилились отрядомъ Дорохова, о которомъ мы уже упоминали, и казачьимъ корпусомъ донского атамана Платова, не успѣвшаго соединиться съ первой арміей. Іеронимъ съ своей стороны началъ, наконецъ, наступленіе. Въ то же время, находясь на пути къ Минску въ Кореличахъ, Багратіонъ узналъ о приближеніи къ этому городу корпуса маршала Даву численностью въ 60.000 человѣкъ. Храбрый ученикъ Суворова думалъ атаковать этотъ значительный отрядъ, превосходящій числомъ солдатъ вторую армію, и отдалъ замѣчательный приказъ. „Г.г. начальникамъ войскъ вселить въ солдатъ“,—писалъ собственноручно Багратіонъ,—„что всѣ войски непріятельскія не иначе что, какъ сволочь со всего свѣта, мы же—русскіе и единовѣрные. Они храбро драться не могутъ, особливо же боятся нашего штыка. Наступайте на него. Пуля мимо. Подойди къ нему—онъ побѣжитъ. Пѣхота коли, кавалерія руби и топчи“. Въ обращеніи къ солдатамъ старый воинъ напоминалъ про прежнія дѣла, въ особенности же про подвиги 4.000 отряда подъ Голлабрюномъ: „Тридцать лѣтъ моей службы и тридцать лѣтъ, какъ я враговъ побѣждаю черезъ вашу храбрость. Я всегда съ вами и вы со мною... мы, бывъ окружены стотысячной арміей въ числѣ 4.000 и безъ провіанта, пробились сквозь и взяли въ плѣнъ французовъ. Теперь насъ пятьдесятъ тысячъ, у насъ, кромѣ провіанта, есть вино и мясо, есть и того болѣе—доброй воли служить Государю Императору вѣрно“.

И, дѣйствительно, войскамъ стали выдавать два раза въ день мясную и винную порціи; за то Багратіонъ велъ ихъ „распашнымъ шагомъ“, желая предупредить Даву въ Минскѣ. Это все же не удалось, а армія Іеронима стала насѣдать на русскихъ съ тылу. Находчивый Багратіонъ быстро принялъ рѣшеніе уклониться къ Бобруйску, куда и устремился со свойственной ему энергіей. Между тѣмъ казаки Платова имѣли блестящее кавалерійское дѣло подъ Миромъ

27 и 28 іюня. Донцамъ удалось заманить въ засаду бригаду Турно, а затѣмъ съ успѣхомъ выдержать бой съ кавалерійской дивизіей генерала Рожнецкаго и разбить ее на голову. Багратіонъ въ это время далъ своимъ войскамъ отдыхъ въ Несвижѣ: жара была палящая, и солдаты были утомлены. Но преслѣдующія ихъ войска Іеронима были въ гораздо

худшемъ состояніи. Они шли на войну безъ одушевленія, и трудности похода довели ихъ до отчаянія; были случаи самоубійствъ.

Отдохнувъ въ Несвижѣ, Багратіонъ быстро достигъ Бобруйска, куда прибылъ 6 іюля. Казаки Платова прикрывали отступленіе и имѣли еще одно удачное дѣло съ непріятелемъ на правомъ берегу рѣки Морочи. Прибытіе второй арміи въ Бобруйскъ давало ей возможность избѣжать

опасности быть окруженной превосходными силами противника. Въ арміи послѣдняго произошли событія, повліявшія на успѣшность ея дѣйствій въ теченіе нѣсколькихъ дней. Дѣло въ томъ, что Наполеонъ, недовольный Іеронимомъ, подчинилъ его Даву, и далъ послѣднему тайный приказъ, составленный въ этомъ смыслѣ. Когда вестфальскій король получилъ отъ Даву извѣстіе объ этомъ приказѣ Наполеона, онъ обидѣлся, отказался отъ командованія ввѣренными ему войсками и уѣхалъ изъ арміи. Его войска въ теченіе цѣлой недѣли оставались фактически безъ общаго руководства. Однако Даву дѣйствовалъ со свойственной ему распорядительностью и неуклонно подвигался къ Могилеву, чтобы предупредить на этомъ пути Багратіона.

Послѣдній, дѣйствительно, своей ближайшей цѣлью поставилъ отступленіе къ Могилеву. Состояніе духа его было въ это время, какъ и въ продолженіе всего движенія второй арміи къ Смоленску, крайне безпокойно. Онъ постоянно получалъ требованія идти на соединеніе съ первой арміей, обстоятельствами былъ вынуждаемъ къ отступленію, но не могъ мириться съ подобнымъ положеніемъ дѣлъ. Онъ всячески старался понудить первую армію къ наступленію. Въ письмѣ къ Аракчееву, написанномъ еще въ іюнѣ, онъ жалуется, что его армію „растянули“ „сперва какъ кишку“, что онъ „одинъ всю Россію защищать“ не можетъ, что „1-я армія тотчасъ должна идти и наступать къ Вильнѣ непремѣнно; чего бояться?“ Далѣе, говоря, что онъ „весь окруженъ“, Багратіонъ добавляетъ: „Русскіе не должны бѣжать. Это хуже Пруссаковъ мы стали. Я найду себѣ пунктъ продраться, конечно, и съ потерею, но вамъ стыдно, имѣвши въ заду укрѣпленный лагерь, фланги свободные, а противъ васъ слабые корпуса. Надобно атаковать... Совѣтую наступать сейчасъ. Пуля баба—штыкъ молодецъ!.. Пожалѣйте Государя и Россію... я васъ увѣряю, вы не удержитесь и въ укрѣпленномъ лагерѣ. Онъ на васъ не нападетъ въ лобъ, но обойдетъ. Наступайте, ради Бога! Войско ободрится. Уже нѣсколько приказовъ даю, чтобы драться, а мы бѣжимъ... видно есть злодѣй Государю и Россіи, что гибель намъ

предлагаетъ". Въ болѣе позднемъ письмѣ къ Ермолову, посланномъ, повидимому, уже изъ Бобруйска, Багратіонъ писалъ: „Бойтесь Бога, стыдитесь! Россіи жалко!.. Войско ихъ шапками бы закидало. Писалъ я, слезно просилъ: наступайте, я помогу. Нѣтъ! Куда вы бѣжите? За что вы срамите Россію и армію? Наступайте, ради Бога! Ей Богу, непріятель мѣста не найдетъ, куда ретироваться... Нѣтъ, мой милый, я служилъ моему природному государю, а не Бонапарте. Мы проданы, я вижу, насъ ведутъ на гибель... Стыдно носить мундиръ. Ей Богу, я боленъ! А ежели наступать будете съ первой арміей, тогда я здоровъ... мой маневръ—искать и бить!"

Однако, первая армія, какъ мы видѣли, не могла дать боя Наполеону и продолжала отступленіе, увлекая за собой и вторую. Багратіонъ поспѣшилъ къ Могилеву, который оказался уже занятымъ войсками Даву. Багратіонъ, подойдя къ Днѣпру, выслалъ къ Могилеву корпусъ Раевскаго, который имѣлъ у деревень Салтановки и Фатовой упорный бой съ передовыми силами французовъ, причемъ наши потери простирались до 2.500 человѣкъ. Но благодаря этому бою, бывшему 11 іюля, и дальнѣйшей стоянкѣ корпуса Раевскаго подъ Могилевомъ, Багратіонъ совершилъ переправу черезъ Днѣпръ у Стараго Быхова и двинулся къ Смоленску. Даву могъ бы помѣшать дальнѣйшему движенію второй арміи, но былъ введенъ въ заблужденіе донесеніями генерала Груши о появленіи русскихъ по направленію отъ Смоленска къ Оршѣ. Это движеніе, дѣйствительно, было; но его произвелъ авангардъ резервнаго корпуса, сформированнаго въ Смоленскѣ. Французскій же маршалъ счелъ его за передовой отрядъ первой арміи и ожидалъ потому генеральнаго сраженія. Багратіонъ могъ безпрепятственно идти на соединеніе съ Барклаемъ. Оно произошло 22 іюля.

Къ этому времени положеніе дѣлъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій было въ общихъ чертахъ слѣдующимъ. Французы заняли огромную территорію между Двиной, Нѣманомъ и Полѣсьемъ, остановившись на линіи Суражъ-Могилевъ. Русскія войска повсюду отступали, ограничиваясь

лишь арріергардными боями. Это обстоятельство должно было внушать Великой арміи большую увѣренность въ своихъ силахъ. Такимъ образомъ въ моральномъ и политическомъ отношеніи перевѣсъ былъ на сторонѣ Наполеона. Но этотъ перевѣсъ былъ лишь кажущимся. Въ стратегическомъ отношеніи французы много потеряли. Во-первыхъ, утомительные переходы, недостатокъ въ продовольствіи, которое уничтожалось русскими по мѣрѣ ихъ отступленія, и необходимость оставлять гарнизоны въ занятыхъ областяхъ сильно понизили численность французской Великой арміи, и Наполеонъ могъ выставить противъ 2-хъ русскихъ армій не болѣе 200.000 человѣкъ. При этомъ императору французовъ не удалось помѣшать соединенію нашихъ армій, въ которыхъ было около 130.000 человѣкъ, и это было крупнымъ успѣхомъ русскихъ и неудачей Великой арміи. Главное же затрудненіе Наполеона еще только стало обнаруживаться: французы вступали въ коренную Русь, гдѣ ихъ ожидала народная война. Къ первымъ симптомамъ этой войны, въ которой русскіе старались, кто чѣмъ могъ, бороться противъ вражескаго нашествія, намъ и надлежитъ теперь обратиться.

Намъ придется въ своемъ изложеніи вернуться нѣсколько назадъ. Такое отступленіе совершенно неизбѣжно и законно. Событія, на которыхъ мы должны теперь нѣсколько остановиться, случившіяся въ іюлѣ 1812 года, были слѣдствіемъ непріятельскаго вторженія и въ то же время оказали большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣлъ. Надо сказать, что настроеніе русскаго общества и русскаго народа ко времени войны съ Наполеономъ было очень приподнято. Къ французамъ, побѣдившимъ насъ въ 2-хъ войнахъ, относились въ высшей степени враждебно, что сказалось и на тѣхъ, кого подозрѣвали въ франкофильствѣ. Съ началомъ войны, когда врагъ вторгся въ Россію, русскій патріотизмъ сталъ еще больше напряженнымъ. Отступленіе нашихъ войскъ передъ врагомъ, породивши затѣмъ общій ропотъ и толки объ измѣнѣ, на первыхъ порахъ вызывало въ громадномъ большинствѣ русскаго народа лишь все болѣе и болѣе

сильное желаніе подкрѣпить силы арміи и готовность на жертвы для родины, находившейся въ опасности.

При такихъ обстоятельствахъ императоромъ Александромъ были подписаны передъ отъѣздомъ изъ арміи, составленные по его порученію Шишковымъ воззваніе „Первопрестольной столицѣ Нашей Москвѣ“ и „Высочайшій Манифестъ“ о всеобщемъ ополченіи. Воззваніе гласило: „Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любимое Наше Отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе, однако же по отеческому сердоболію и попеченію Нашему о всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, не можемъ Мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности. Да не возникнетъ изъ неосторожности Нашей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны собрать новыя внутреннія силы, напервѣе, обращаемся Мы къ древней столицѣ предковъ Нашихъ, Москвѣ. Она была всегда главою прочихъ городовъ Россійскихъ: она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны Отечества, для защиты онаго. Никогда не настояло вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе Вѣры, Престола, Царства того требуютъ. Итакъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства Нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная Наша Церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи. Мы не умедлимъ Сами стать посреди народа Своего въ сей столицѣ и въ другихъ Государства Нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи“. Подобныя

мысли были изложены и въ „Высочайшемъ Манифестѣ“, обращенномъ ко всей Россіи. Указавъ въ немъ на то, что Наполеонъ „положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу“ Россіи „и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ, несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы“, императоръ Александръ высказывалъ надежду на Божію помощь и „на силу и крѣпость“ собранныхъ войскъ, но считалъ своимъ долгомъ извѣстить своихъ вѣрныхъ „подданныхъ, что собранныя имъ (т. е. Наполеономъ) разнодержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ нея бодрствованія“. Поэтому далѣе въ „Манифестѣ“ объявлялось о необходимости собрать новыя силы, причемъ шло обращеніе къ людямъ всѣхъ званій и состояній съ приглашеніемъ „вмѣстѣ“ съ государемъ „единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній... Соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцахъ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ“. Заканчивался Манифестъ практическимъ указаніемъ, какъ дѣйствовать: „Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ, предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты Отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми предводитель“.

Уже на своемъ пути въ Москву, Государь могъ убѣдиться въ томъ, какое дѣйствіе его воззванія произведутъ въ патріотически и самоотверженно настроенномъ народѣ. Александръ I ѣхалъ въ древнюю столицу Россіи почти безостановочно, отдохнувъ лишь день въ Смоленскѣ. Здѣсь къ государю обратилось мѣстное дворянство съ просьбой объ организаціи ополченія. Дворянство предлагало выставить не менѣе 20.000 людей на защиту родины и снабдить ихъ на мѣсяцъ провіантомъ. Просили только оружія, которымъ бы эти ратники могли дѣйствовать противъ врага. Отставные военные вызывались обучить ополченцевъ ратному дѣлу. Одушевленіе было громадное.

Еще большій подъемъ духа въ русскомъ народѣ обнаружился во время пребыванія императора Александра въ Москвѣ, главнокомандующимъ которой былъ съ конца мая 1812 года графъ Ѳед. Вас. Ростопчинъ. Это былъ человѣкъ очень способный и ловкій, не чуждый актерства и любви къ красивой позѣ, самонадѣянный и пылкій, увлекающійся иногда фантазіями. Путемъ хитрости и лицемѣрной преданности онъ сталъ любимцемъ императора Павла, былъ въ нѣкоторой тѣни при его преемникѣ и съ большой ревностью отнесся къ новому своему назначенію. Онъ подтянулъ ввѣренное ему чиновничество и полицію, нѣсколько распущенныя при его престарѣломъ предшественникѣ, графѣ Гудовичѣ, и своей энергіей, неутомимостью и доступностью скоро пріобрѣлъ большую популярность въ Москвѣ, чего, надо сказать, и добивался. Въ этой популярности и довѣріи къ нему, какъ представителю власти, твердому и любимому, были очень хорошія стороны: Москва была спокойна несмотря на приближеніе грознаго врага и мирное теченіе жизни въ этомъ важномъ для всей Россіи городѣ долго не нарушалось. Надо отмѣтить, что Ростопчинъ былъ самъ настроенъ въ это время черезчуръ оптимистически. Онъ увлекался съ одной стороны неисполнимой мыслью въ критическую минуту раздать московскому простонародію оружіе, хранившееся въ Московскомъ арсеналѣ, и подкрѣпить этимъ импровизированнымъ ополченіемъ русскія арміи. Главнокомандующій московскій такъ былъ проникнутъ этой идеей, что ввелъ даже, какъ мы увидимъ, въ заблужденіе главнокомандующаго дѣйствующими арміями. Съ другой стороны онъ увлекался несбыточной въ то время затѣей построить воздушный корабль, который по замыслу нѣкоего иностраннаго прожектёра Леппиха долженъ былъ поднимать до 50 человѣкъ и летѣть по какому-угодно направленію. Леппихъ предложилъ свои услуги русскому правительству, и послѣднее, оцѣнивъ всю важность этого предпріятія въ случаѣ его удачи, увлеклось заманчивымъ изобрѣтеніемъ. Дѣло было поручено сперва Гудовичу, а затѣмъ Ростопчину. Послѣдній отнесся къ нему съ обычнымъ жаромъ и долгое

время, какъ это видно изъ переписки графа съ государемъ, увѣренъ былъ въ успѣхѣ затѣи, кончившейся полнымъ крахомъ и подавшей впослѣдствіи лишь поводъ къ клеветамъ на Ростопчина, обвиняемаго Наполеономъ въ подготовкѣ къ поджогамъ.

Во всякомъ случаѣ въ первый періодъ войны графъ Ростопчинъ оказалъ Россіи большія услуги, которыя самъ склоненъ былъ переоцѣнивать. Онъ считалъ себя вдохновителемъ и направителемъ душевнаго подъема въ народѣ. Мы знаемъ, дѣйствительно, что онъ старался повліять на общественное мнѣніе Москвы разными способами. На широкія массы московскаго населенія онъ не безъ успѣха воздѣйствовалъ литературнымъ путемъ: сперва присказками и лубочными картинками, а съ августа мѣсяца знаменитыми афишами, о которыхъ рѣчь впереди. Изъ присказокъ съ картинками надо отмѣтить одну, появившуюся 1-го іюля. Картинка изображала кабакъ съ двуглавымъ орломъ на дверяхъ; за прилавкомъ цѣловальникъ, въ дверяхъ стоитъ подвыпившій Корнюшка Чихиринъ, московскій мѣщанинъ, бывшій въ ратникахъ; вокругъ толпятся крестьяне. Картинка снабжена была подписью, которую приводимъ въ извлеченіяхъ. Корнюшка, услыхавъ, что Бонапартъ идетъ на Москву, держитъ рѣчь: „Какъ! къ намъ? Милости просимъ, хоть на святкахъ, хоть на масляницу; да и тутъ жгутами дѣвки такъ припопонятъ, что спина вздуется горой... Полно тебѣ фиглярить: вишь солдаты-то твои карлики, да щегольки; ни тулупа, ни рукавицъ, ни малахая, ни онучъ не надѣнутъ. Ну, гдѣ имъ Русское житье-бытье вынести?.. а которые въ зиму-то и останутся, такъ крещенскіе морозы поморозятъ... Карлъ-то Шведскій пожилистѣй тебя былъ, да чистой царской крови, да уходился подъ Полтавой, ушелъ безъ возврату... Ну, и матушка Москва! Вѣдь, это не городъ, а царство. У тебя дома-то слѣпой да хромой, старуха да ребятишки остались, а на нѣмцахъ не выѣдешь: они тебя съ маху осѣдлаютъ. А на Руси что, знаешь ли ты, забубенная голова? Выведено 600.000, да забритыхъ 300.000, да старыхъ рекрутъ 200.000. А всюду молодцы: одному Богу вѣруютъ, одному царю служатъ,

однимъ крестомъ молятся, всѣ братья родные... Ну, какъ же тебѣ къ намъ забраться? Не токмо что Ивана Великаго, да и Поклонной во снѣ не увидишь. Бѣлорусцовъ возьмемъ, да тебя въ Польшѣ и погребемъ. Ну, и поминай какъ звали! Посему и прочее разумѣвай, не наступай, не начинай, а направо кругомъ домой ступай и узнай, изъ роду въ родъ, каковъ Русскій народъ". Послѣ рѣчи Чихиринъ пошелъ бодро и запѣлъ: „Во полѣ березынька стояла", а народъ, смотря на него, говорилъ: „откуда берется? А что говоритъ дѣло, то ужъ дѣло".

Такого рода прибаутки и похвальба, конечно, имѣли свое дѣйствіе на невзыскательную публику, но не ими главнымъ образомъ создавалось патріотическое настроеніе. Народъ изъ предшествующей исторіи Руси вынесъ инстинктивное сознаніе своей силы и могущества, а также и чувство патріотизма и національзма, вражеское нашествіе казалось ему дерзкимъ посягательствомъ, на которое надо было дать возможно скорѣе внушительный отпоръ. Быстрые успѣхи врага, занятіе имъ русскихъ областей, движеніе къ Москвѣ еще больше волновали населеніе и возбуждали его противъ непріятелей. При такихъ обстоятельствахъ понятенъ тотъ чисто стихійный энтузіазмъ, съ которымъ былъ встрѣченъ въ Первопрестольной императоръ Александръ I. Вѣсть о его прибытіи разнеслась по городу 11 іюля. Воззваніе государя къ Москвѣ было уже отпечатано и обнародовано и возымѣло свое дѣйствіе. Пылкій С. Н. Глинка, издатель „Русскаго Вѣстника", въ тотъ же день первымъ записался въ ратники московскаго ополченія и пожертвовалъ 300 рублей серебромъ „на алтарь отечества". Онъ же участвовалъ въ народномъ порывѣ броситься на встрѣчу Государю съ тѣмъ, чтобы на своихъ рукахъ внести коляску его въ Кремль. Народныя толпы устремились уже за заставу, но принуждены были воротиться, узнавъ отъ кого-то изъ ѣхавшихъ въ Москву, что государь будетъ ночевать въ селѣ Перхушковѣ. Между тѣмъ, Ростопчинъ встрѣтилъ императора Александра въ Перхушковѣ и бесѣдовалъ съ нимъ болѣе часа наединѣ. Государь, какъ писалъ Ростопчинъ, „казалось, былъ увѣренъ,

что арміи Барклая и Багратіона соединятся, вовсе не казался унылымъ, но былъ спокоенъ и въ хорошемъ расположеніи духа". Онъ разспрашивалъ графа о „настроеніи умовъ, сообщилъ" „свое намѣреніе обратиться къ дворянству съ предложеніемъ образовать земское ополченіе и хотѣлъ остановиться въ Москвѣ въ Слободскомъ дворцѣ, находящемся на одной изъ городскихъ окраинъ. По совѣту Ростопчина, государь рѣшилъ, по пріѣздѣ въ Москву, имѣть пребываніе „въ Кремлѣ, во дворцѣ своихъ предковъ и средоточіи города".

Около 9-ти часовъ вечера императоръ Александръ выѣхалъ изъ Перхушкова, отправивъ за часъ до своего отъѣзда Ростопчина въ Москву, и въ полночь пріѣхалъ въ Кремль. На Поклонной горѣ государь былъ встрѣченъ частью москвичей. Священникъ въ полномъ облаченіи вышелъ на встрѣчу царю, неся на серебряномъ блюдѣ крестъ и сопровождаемый старикомъ діакономъ, который держалъ въ рукахъ зажженую свѣчу. Государь, подъѣхавъ къ нимъ, вышелъ изъ экипажа, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ приложился къ кресту. Священникъ при этомъ возгласилъ: „Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его!"

12-го іюля народъ съ ранняго утра устремился въ Кремль, гдѣ не только наполнилъ всѣ площади, но занялъ даже кровли зданій. День былъ жаркій и солнечный. Въ 9-ть часовъ утра на Красномъ Крыльцѣ появился императоръ, шедшій въ Успенскій соборъ къ литургіи. Лишь только государь поклонился ожидавшему его выхода народу, послышались бурные клики многотысячной толпы: „Ура! Ура! веди насъ, куда хочешь; веди насъ, отецъ нашъ; умремъ или побѣдимъ". Государь лишь медленно подвигался къ собору, такъ какъ десятки и „сотни торопливыхъ рукъ хватались за ноги государя, за полы мундира, цѣловали и орошали ихъ слезами". Сопровождавшіе царя хотѣли раздвинуть ряды, но онъ, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: „не тревожьте, не троньте ихъ, я пройду". При этомъ одинъ изъ толпы, купецъ или мѣщанинъ, осмѣлился сказать: „Не уны-

вай! Видишь сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько же по всей Россіи? Всѣ умремъ за тебя!“ Въ соборѣ богослуженіе совершалъ архіепископъ Августинъ, викарій престарѣлаго митрополита Платона, знаменитаго витіи временъ Екатерины II, и самъ недурной, хотя и нѣсколько напыщенный, духовный ораторъ. Старый митрополитъ порывался

пріѣхать въ Москву, привѣтствовать государя, но дряхлость и болѣзни воспрепятствовали этому намѣренію. Владыка ограничился поэтому присылкой образа св. Сергія и трогательнаго письма государю. На долю его викарія выпало привѣтствовать императора въ его древней столицѣ патетической рѣчью. Въ ней послѣ указаній на войну, начатую противъ Россіи Наполеономъ, Августинъ восклицалъ: „Тамъ, среди мощныхъ и храбрыхъ ополченій своихъ, ты мещешь перуны на дерзкаго врага, здѣсь воспламеняешь

души наши любовью къ тебѣ и отечеству. Тамъ двигаешь громы на пораженіе злобы, здѣсь возбуждаешь и движешь сердца наши на защищеніе возлюбленной тебѣ Россіи. Тамъ казнишь, здѣсь покоишь; тамъ мертвишь, здѣсь оживляешь. Государь, оружіемъ ты побѣдилъ тысящи, а благостію тьмы. Наша благодарность, наша любовь къ тебѣ не имѣютъ предѣловъ, но твоя отеческая къ намъ любовь превосходитъ всѣ чувствія нашего къ тебѣ усердія и признательности. Ты и надъ нами побѣдитель, ты торжествуешь и надъ своими. Царю! Господь съ тобою: Онъ гласомъ твоимъ повелитъ бурѣ, и станетъ въ тишину, и умолкнутъ волны потопныя. — Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!“

Спустя 3 дня послѣ пріѣзда царя въ Москву, онъ созвалъ дворянство и купечество въ залахъ Слободскаго дворца. Еще задолго до прибытія государя собрались въ назначенныхъ пунктахъ дворяне и купцы. Среди дворянъ шла оживленная и горячая бесѣда. „Мы должны спросить у государя, сколько у насъ войскъ и гдѣ наше войско“,—сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, на что генералъ Апраксинъ возразилъ:—„Еслибы мы и въ правѣ были спрашивать объ этомъ государя, то онъ не могъ бы дать намъ удовлетворительнаго отвѣта: войска наши двигаются сообразно движеніямъ непріятеля...; также можетъ измѣняться и число войскъ“. „Теперь не время разсуждать“,— замѣтилъ третій дворянинъ,—„надобно дѣйствовать. Кипитъ война необычайная, война нашествія, война внутренняя. Она изроетъ могилы и городамъ и народу. Россія должна выдержать сильную борьбу, и эта война требуетъ и небывалой доселѣ мѣры. Двинемся сотнями тысячъ, вооружимся, чѣмъ можемъ. Двинемся быстро въ тылъ непріятеля, составимъ конныя дружины, будемъ вездѣ тревожить Наполеона, отрѣжемъ его отъ Европы и покажемъ, что Россія возстаетъ за Россію“. Тогда бывшій въ числѣ дворянъ С. Н. Глинка съ жаромъ замѣтилъ: „Адъ должно отражать адомъ“ и, развивая свою мысль о необходимости чрезвычайныхъ мѣръ, воскликнулъ: „Мы не должны ужасаться, Москва будетъ сдана!“ На негодующіе вопросы. „Кто вамъ сказалъ, почему вы это знаете?“ Глинка продол-

жалъ: „Милостивые государи, во-первыхъ, отъ Нѣмана до Москвы нѣтъ ни природной, ни искусственной обороны, достаточной для того, чтобы остановить сильнаго непріятеля. Во-вторыхъ, всѣ отечественныя лѣтописи наши свидѣтельствуютъ, что Москва привыкла страдать за Россію, и въ третьихъ—и дай Богъ, чтобы сбылись мои слова,—сдача Москвы будетъ спасеніемъ Россіи и Европы". На этихъ словахъ рѣчь Глинки была прервана появленіемъ Ростопчина и Шишкова, пріѣхавшихъ по приказанію государя, чтобы отъ его имени прочитать уже извѣстный намъ Манифестъ. Входя въ залъ и указывая на комнаты, гдѣ были собраны купцы, главнокомандующій Москвы сказалъ: „Отсюда польются къ намъ милліоны, а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя".

Съ глубокимъ вниманіемъ былъ выслушанъ „Высочайшій Манифестъ". Въ залѣ, гдѣ было собрано дворянство, „все происходило тихо и въ порядкѣ", по словамъ графа Ростопчина, „за то буря негодованія противъ врага поднялась среди собравшагося купечества". Вскорѣ пріѣхалъ самъ Государь. Онъ вышелъ къ дворянству и, милостиво поклонившись собранію, произнесъ одушевленную рѣчь: „Вамъ извѣстна, знаменитое дворянство, причина моего сюда пріѣзда. Императоръ Французовъ, вѣроломнымъ образомъ, безъ объявленія войны, съ многочисленною арміею, составленною изъ порабощенныхъ имъ народовъ, вторгся въ наши границы. Всѣ средства были истощены, сохраняя однако же достоинство имперіи, къ отвращенію бѣдствія, но властолюбивый духъ Наполеона, не знающій предѣловъ, не внималъ никакимъ предложеніямъ. Настало время для Россіи показать свѣту ея могущество и силу. Я въ полной увѣренности взываю къ вамъ: вы, подобно предкамъ вашимъ, не потерпите ига чуждаго, и непріятель да не восторжествуетъ въ своихъ дерзкихъ замыслахъ. Сего ожидаютъ отъ васъ отечество и государь". На эту рѣчь престарѣлый графъ Гудовичъ отвѣчалъ государю, что „императоръ нисколько не долженъ сомнѣваться въ успѣхѣ дѣла, которое всѣ Русскіе считаютъ священнымъ. Они готовы жертвовать всѣмъ своимъ

состояніемъ и пролить свою кровь до послѣдней капли и предлагаютъ императору по одному ратнику съ 25-ти душъ, одѣтому и снабженному на мѣсяцъ провіантомъ". „Нѣтъ, не по одному съ 25-ти, но по одному съ 10-ти, обмундированныхъ и снабженныхъ провіантомъ на три мѣсяца", раздались голоса дворянъ и были поддержаны большинствомъ собранія. Государь былъ растроганъ: „Я много ожидалъ отъ Московскаго дворянства",—сказалъ онъ въ отвѣтъ на предложеніе дворянъ,—„но оно превзошло мои ожиданія. Благодарю Васъ именемъ Отечества". Послѣ этого государь прошелъ къ купечеству и сказалъ ему нѣсколько лестныхъ словъ, объявивъ и о пожертвованіяхъ дворянства. Затѣмъ государь отбылъ изъ собранія, гдѣ продолжалась подписка, начавшаяся еще до его прихода въ залъ, гдѣ собрались купцы. Въ короткое время было собрано до 2.400.000 рублей серебромъ.

Государь былъ радъ результатамъ своего пріѣзда въ Москву. Это выразилось и въ письмѣ, написанномъ въ тотъ же день Н. П. Салтыкову, предсѣдателю Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ. Въ этомъ письмѣ императоръ исчисляетъ силы будущаго московскаго ополченія въ 80.000 человѣкъ, а пожертвованія считаетъ въ 13 милліоновъ ассигнаціями, изъ нихъ 10.000.000 пожертвовали купцы, а 3.000.000 дворяне. Удовольствіе государь высказалъ также самому Ростопчину, котораго съ чувствомъ поцѣловалъ къ зависти Аракчеева. Наконецъ, за обѣдомъ, который былъ данъ въ этотъ день во дворцѣ, Александръ I нѣсколько разъ проговорилъ: „Этого дня я никогда не забуду".

И, дѣйствительно, великъ былъ энтузіазмъ населенія и склонность его къ самопожертвованію за Отечество. Къ сожалѣнію, нѣкоторые поступки высшей администраціи нѣсколько омрачаютъ это свѣтлое благодаря подъему народнаго духа время. Такъ рязанское дворянство прислало своихъ уѣздныхъ предводителей въ Москву для заявленія государю, что оно готово выставить на защиту родины 60.000 ратниковъ вооруженныхъ и обмундированныхъ. Министръ полиціи Балашовъ принялъ ихъ очень недружелюбно, накричалъ на нихъ и чуть не выгналъ. Когда огорченные и

обиженные дворяне отправились къ Ростопчину, то были встрѣчены имъ весьма привѣтливо. Имъ было обѣщано всяческое содѣйствіе, но на другой день они получили черезъ полицію приказаніе немедленно покинуть Москву. Но подобные случаи, хотя и прискорбные, не могли повліять на исходъ великаго дѣла, поощряемаго самимъ государемъ, который во время своего пребыванія въ Москвѣ не переставалъ заботиться о правильной организаціи народнаго ополченія. Съ этой цѣлью былъ составленъ и 18-го іюля въ послѣдній день пребыванія государя въ Москвѣ обнародованъ слѣдующій Высочайшій Манифестъ: „По воззваніи ко всѣмъ вѣрноподданнымъ Нашимъ о составленіи внутреннихъ силъ для защиты Отечества и по прибытіи Нашемъ въ Москву, нашли Мы, къ совершенному удовольствію Нашему, во всѣхъ сословіяхъ и состояніяхъ такую ревность и усердіе, что предлагаемыя добровольно приношенія далеко превосходятъ потребное къ ополченію число людей. Сего ради пріемля таковое рвеніе съ отеческимъ умиленіемъ и признательностью, обращаемъ Мы попеченіе Наше на то, чтобы, составя достаточныя силы изъ однѣхъ губерній, не тревожить безъ нужды другихъ. Для того учреждаемъ:

1) Округъ, состоящій изъ Московской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Рязанской, Тульской, Калужской и Смоленской губерній, приметъ самыя скорыя и дѣятельныя мѣры къ собранію, вооруженію и устроенію внутреннихъ силъ, долженствующихъ охранять первопрестольную столицу Нашу Москву и предѣлы сего округа.

2) Округъ, состоящій изъ С.-Петербургской и Новгородской губерній, сдѣлаетъ то же самое для охраненія С.-Петербурга и предѣловъ сего округа.

3) Округъ, состоящій изъ Казанской, Нижегородской, Пензенской, Костромской, Симбирской и Вятской губерній, приготовится расчислить и назначить людей, но до повелѣнія не собирать ихъ и не отрывать отъ сельскихъ работъ.

4) Всѣ прочія губерніи остаются безъ всякаго по онымъ дѣйствія, доколѣ не будетъ надобности употребить ихъ къ равномѣрнымъ Отечеству жертвамъ и услугамъ.

Ополченецъ 1812 г.

Наконецъ, 5) вся составляемая нынѣ внутренняя сила не есть милиція или рекрутскій наборъ, но временное вѣрныхъ сыновъ Россіи ополченіе, устраиваемое изъ предосторожности, въ подкрѣпленіе войскамъ и для надежнаго охраненія Отечества. Каждый изъ военачальниковъ и воиновъ при новомъ званіи своемъ сохраняетъ прежнее, даже не принуждается къ перемѣнѣ одежды, и по прошествіи надобности, то есть по изгнаніи непріятеля изъ земли Нашей, всякій возвратится съ честію и славою въ первобытное свое состояніе и къ прежнимъ своимъ обязанностямъ. Государственные, экономическіе и удѣльные крестьяне, въ тѣхъ губерніяхъ, изъ коихъ составляется временное внутреннее ополченіе, не участвуютъ въ ономъ, но представляются для обыкновеннаго съ нихъ набора рекрутъ по установленнымъ правиламъ".

Создавая ополченіе, Государь долженъ былъ подумать о финансовой сторонѣ войны, почему для усиленія средствъ Государственнаго Казначейства было повелѣно: 1) остановить всѣ казенныя строенія и работы, 2) прекратить впредь до разрѣшенія выдачу ссудъ частнымъ лицамъ изъ казенныхъ мѣстъ и т. д.

Начальнику казеннаго оружейнаго завода въ Тулѣ генералу Воронову было приказано приготовлять и передѣлывать на этомъ заводѣ ежемѣсячно не менѣе 13.000 ружей. Сверхъ того Воронову поручалось возбудить рвеніе и усердіе частныхъ тульскихъ оружейныхъ фабрикантовъ и мастеровъ.

Такимъ образомъ озаботились и о вооруженіи создававшагося ополченія. Самое сформированіе и снаряженіе относится къ болѣе позднему періоду войны, а именно къ августу и отчасти къ сентябрю мѣсяцамъ 1812 года.

Но мы теперь же дадимъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ его организаціи, а также и о томъ, въ какихъ приблизительно цифрахъ выразился этотъ видъ народнаго участія въ войнѣ съ тѣмъ, чтобы потомъ не возвращаться къ этому предмету. Что же касается войны чисто народной, то первые симптомы ея обнаружились съ момента вступленія Великой арміи въ коренныя русскія губерніи, но развитіе этой войны относится къ временамъ занятія непріятелемъ Москвы и даже отступленія вражескихъ войскъ. Поэтому о ней пока не будемъ распространяться.

Возвращаясь къ ополченіямъ, укажемъ, что цѣлью ихъ было или укомплектовывать русскую армію, или, главнымъ образомъ, помогать ей въ дѣлахъ противъ врага. Во всякомъ случаѣ, ополченцы нуждались въ извѣстномъ руководствѣ и должны были имѣть организацію, соотвѣтствующую ихъ боевому назначенію. Прежде всего былъ учрежденъ Комитетъ, въ который вошли Аракчеевъ, Балашовъ и Шишковъ. Этотъ Комитетъ вѣдалъ всѣ дѣла по ополченію. Затѣмъ въ каждой изъ тѣхъ губерній, которыя выставили ополченія, былъ выбранъ дворянствомъ и утвержденъ правительствомъ особый начальникъ ополченцевъ. Каждое ополченіе дѣлилось на полки[1]): пѣшіе и конные, въ нѣкоторыхъ

---

[1]) Не вездѣ было проведено дѣленіе ополченій на полки. Такъ въ Петербургской губерніи, по мысли завѣдующаго ополченіемъ М. И. Кутузова, впослѣдствіи главнокомандующаго русскими арміями, ополченіе дѣлилось на дружины по 820 человѣкъ.

была и артиллерія. Высшіе начальники, т. е. командующіе ополченіями, полковые и ротные командиры, начальники дружинъ и т. д., были преимущественно изъ отставныхъ генераловъ и офицеровъ, а также и изъ чиновниковъ, иногда высокихъ ранговъ. Численность выставленныхъ ополченій превосходила въ 3-хъ округахъ 220.000 человѣкъ. Сверхъ того губерніи, не призванныя къ составленію ополченій, выставили все же до 100.000 ратниковъ. Всего же по приблизительному и крайне неточному подсчету генерала Богдановича было добровольно выставлено не менѣе 320.000 человѣкъ ополченцевъ, изъ которыхъ 50.000 составляло конницу, деньгами же и разнаго рода вещами и провіантомъ было пожертвовано не менѣе 100.000.000 рублей; сумма громадная, если принять во вниманіе тогдашнія цѣнность денегъ и количество населенія Россіи. Изъ ополченцевъ многіе участвовали въ сраженіяхъ, между прочимъ въ Бородинскомъ бою, и отличились впослѣдствіи въ войнѣ за освобожденіе Европы.

Говоря про ополченія и матеріальныя пожертвованія, нельзя не отмѣтить той ревности, съ которой и бѣднякъ, и богачъ, и знатный, и простолюдинъ шли на помощь родинѣ въ годину страшной опасности. Такъ Великая Княгиня Екатерина Павловна, которой одной изъ первыхъ пришла мысль объ ополченіи, на свои средства снарядила и выставила особый баталіонъ солдатъ. Графы Дмитріевъ-Мамоновъ и Салтыковъ такимъ же образомъ сформировали на свой счетъ 2 конныхъ полка. Московскій городской голова пожертвовалъ половину своего капитала, т. е. 50.000 рублей. Малоимущіе шли добровольно въ ополченцы или жертвовали послѣднимъ изъ своего скуднаго достатка. Особенно трогателенъ поступокъ многосемейнаго бѣдняка, рабочаго Барнаульскаго завода Бѣлкина, пожертвовавшаго 5 рублей серебромъ. Чиновникъ, принимавшій это пожертвованіе, зналъ трудное положеніе Бѣлкина и удивился его щедрости. „Эти деньги“,—отвѣтилъ Бѣлкинъ,—„оставилъ мнѣ отецъ при смерти своей, завѣщая, чтобы я берегъ ихъ на черный день. Слыша, въ какомъ положеніи наша святая Русь, я

разсудилъ, что для всѣхъ насъ не можетъ быть дней чернѣе нынѣшнихъ, и потому, исполняя послѣднее желаніе родителя моего, прошу принять мои деньги".

Въ Москвѣ, а затѣмъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи кипѣла дѣятельная работа надъ отраженіемъ грознаго непріятеля. Въ то же время военныя дѣйствія шли своимъ чередомъ. Мы остановились въ своемъ очеркѣ на моментѣ соединенія 2-хъ нашихъ западныхъ армій. Прежде чѣмъ говорить о томъ, что произошло послѣ этого соединенія на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, посмотримъ, какія событія разыгрались въ іюлѣ и августѣ 1812 года на второстепенныхъ театрахъ войны: на Волыни и въ Западномъ краѣ. Первую область, какъ мы знаемъ, занимала 3-я, обсерваціонная армія генерала Тормасова, численностью въ 43.000 человѣкъ. Противъ нея дѣйствовалъ корпусъ Шварценберга. Не полагаясь на австрійцевъ, Наполеонъ приказалъ Шварценбергу двигаться на соединеніе съ главными силами Великой арміи, а противъ Тормасова отрядилъ корпусъ генерала Ренье. Этотъ отрядъ былъ крайне незначителенъ для выполненія своей задачи, но наши войска были растянуты, такъ какъ имъ приходилось охранять громадное пространство. Тормасовъ намѣревался вторгнуться съ частью своихъ войскъ въ герцогство Варшавское, но получилъ 5-го іюля Высочайшее повелѣніе направиться въ тылъ непріятелю, дѣйствовавшему противъ Багратіона. Во исполненіе этого повелѣнія командующій 3-ей арміей двинулся на встрѣчу Ренье. Русскій авангардъ во время этого движенія 15-го іюля отрѣзалъ при Кобринѣ передовую колонну войскъ Ренье и принудилъ ее къ сдачѣ. Плѣнныхъ было взято: 2 генерала, 76 офицеровъ и 2.382 чел. нижнихъ чиновъ; русскимъ досталось нѣсколько знаменъ и 8 орудій. Уронъ побѣдителей не превышалъ 260 чел. убитыми и ранеными. Ренье, подошедшій уже къ Антополю, въ 20 верстахъ отъ Кобрина, узналъ объ участи своего авангарда и поспѣшилъ на соединеніе съ Шварценбергомъ, который долженъ былъ отказаться отъ мысли идти на соединеніе съ Великой арміей.

Такимъ образомъ побѣда при Кобринѣ имѣла большое практическое значеніе. Она имѣла бы еще болѣе важныя послѣдствія, если бы Тормасовъ тотчасъ послѣ одержанной побѣды перешелъ въ рѣшительное наступленіе противъ Ренье, но недостатокъ въ продовольствіи былъ главной причиной медленности въ движеніи нашихъ войскъ. Моральное же значеніе нашей первой большой удачи въ эту войну было велико: поляки герцогства Варшавскаго были перепуганы и пали духомъ. Въ Россіи извѣстіе о побѣдѣ произвело большое впечатлѣніе, и Тормасовъ, а также и главный герой Кобринской битвы графъ Ламбертъ были щедро награждены. Въ дальнѣйшемъ, послѣ нерѣшительнаго сраженія при Городечнѣ Тормасовъ отступилъ за рѣку Стырь и дождался тамъ въ началѣ сентября прибытія Дунайской арміи. Главныя же силы Ренье и Шварценберга заняли выжидательное положеніе между Стырью и Бугомъ.

Во время іюльскихъ сраженій и передвиженій Волынской арміи шли упорные бои и на крайнемъ правомъ флангѣ нашихъ войскъ, на которомъ былъ расположенъ корпусъ графа Витгенштейна. Это былъ бодрый и дѣятельный воинъ, не блещущій особеннымъ умомъ и познаніями, но храбрый и великодушный. Онъ не любилъ стѣснять иниціативы своихъ подчиненныхъ, и это часто приводило къ хорошимъ результатамъ, хотя по отзыву современниковъ штабъ ввѣреннаго графу отряда отличался распущенностью и излишней самонадѣянностью. Изъ ближайшихъ сотрудниковъ Витгенштейна выдѣлялся начальникъ его авангарда генералъ Кульневъ, весь ушедшій въ любимое имъ военное дѣло и павшій жертвой своей неукротимой отваги. Главной задачей Витгенштейна было охранять подступы къ Петербургу. Противъ ввѣреннаго ему корпуса дѣйствовалъ отрядъ маршала Удино. Съ этимъ отрядомъ Витгенштейнъ выдержалъ упорный бой у Клястицъ, продолжавшійся два дня (18 и 19 іюля) и кончившійся отступленіемъ французовъ. Затѣмъ послѣ неудачи нашего авангарда у Боярщины и дивизіи французскаго генерала Вердье при Головщицахъ Удино отступилъ къ Полоцку. Здѣсь къ войскамъ Удино былъ присланъ для подкрѣпле-

нія корпусъ Сенъ-Сира. Пылкій Витгенштейнъ двинулся къ Полоцку, но послѣ ряда боевъ долженъ былъ отступить за Дриссу. Во время этихъ сраженій маршалъ Удино былъ раненъ, и начальство перешло къ Сенъ-Спру. Пожалованный Наполеономъ въ маршалы Сенъ-Спръ перешелъ въ наступленіе, но вскорѣ долженъ былъ отойти къ Полоцку. Послѣ этого и на западномъ флангѣ военныя дѣйствія почти пре-

кратились до октября мѣсяца. Витгенштейнъ благодаря своей храбрости и военному счастью сталъ необыкновенно популяренъ, особенно среди псковичей, близкихъ свидѣтелей его подвиговъ.

Если упомянуть про вялыя попытки передовыхъ отрядовъ маршала Макдональда осадить Ригу, то этимъ мы исчерпаемъ обзоръ военныхъ дѣйствій на второстепенныхъ театрахъ войны почти до октября 1812 года и можемъ съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдить за событіями, разыгравшимися подъ Смоленскомъ, при Бородинѣ и въ Москвѣ.

22-го іюля наши главныя арміи соединились у Смоленска. Естественно возникалъ вопросъ, кому изъ главнокомандующихъ отдѣльными арміями будетъ принадлежать руководство соединенными войсками. Багратіонъ былъ старше въ чинѣ и не разъ былъ начальникомъ Барклая; послѣдній за то былъ военнымъ министромъ, командовалъ большей арміей и пользовался особой довѣренностью государя. Это затрудненіе разрѣшено было при свиданіи нашихъ полководцевъ. 21-го іюля, опередивъ свою армію, Багратіонъ пріѣхалъ въ Смоленскъ и немедленно отправился къ Барклаю. Тотъ съ своей стороны, узнавъ о пріѣздѣ къ нему князя, вышелъ на встрѣчу ему въ полной парадной формѣ, какъ къ старшему. „Узнавши о вашемъ пріѣздѣ въ Смоленскъ, я уже готовъ былъ ѣхать къ вамъ“, сказалъ хозяинъ гостю. При дальнѣйшемъ свиданіи Багратіонъ добровольно подчинилъ себя Барклаю, чѣмъ очень обрадовалъ Александра I. „Я весьма обрадовался, услышавъ о добромъ согласіи вашемъ съ княземъ Багратіономъ“,—писалъ государь Барклаю.—„Вы сами чувствуете всю важность настоящаго времени, и что всякая личность должна быть устранена, когда дѣло идетъ о спасеніи Отечества“. Въ такомъ же почти смыслѣ отвѣчалъ императоръ Александръ и въ своемъ письмѣ-рескриптѣ Багратіону: „Зная ваше усердіе къ службѣ и любовь къ Отечеству, Я увѣренъ, что въ настоящее, столь важное для онаго, время вы отстраните всѣ личныя побужденія, имѣвъ единственнымъ предметомъ пользу и славу Россіи. Вы будете къ сей цѣли дѣйствовать единодушно и съ непрерывнымъ согласіемъ, чѣмъ пріобрѣтете новое право на Мою признательность“.

По соединеніи армій положеніе Барклая становилось, какъ это ни странно на первый взглядъ, очень затруднительнымъ. Онъ зналъ, что несмотря на уменьшеніе численности Великой арміи французы имѣютъ болѣе 180.000 противъ 120.000 русскихъ. Притомъ во главѣ арміи стоялъ великій Наполеонъ. Благоразуміе велѣло отступать, стягивать подкрѣпленія и, растянувъ и ослабивъ еще болѣе Великую армію, тогда уже дать сраженіе. Съ другой сто-

роны войска и пылкій Багратіонъ рвались въ бой, начинались толки объ измѣнѣ, Государь понуждалъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. „Вы развязаны во всѣхъ Вашихъ дѣйствіяхъ“, — писалъ государь Барклаю, — „безъ всякаго препятствія, а потому и надѣюсь Я, что вы не пропустите ничего къ пресѣченію намѣреній непріятельскихъ и къ нанесенію ему всевозможнаго вреда... Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о вашихъ наступательныхъ движеніяхъ“...

При такихъ обстоятельствахъ былъ созванъ 25 іюля военный совѣтъ, на которомъ присутствовали Барклай и Багратіонъ, Великій Князь Константинъ Павловичъ, начальникъ штабовъ арміи Ермоловъ и графъ Сенъ-При, генералъ-квартирмейстеры полковникъ Толь и генералъ-маіоръ Вистицкій и полковникъ Вольцогенъ. На этомъ совѣтѣ всѣ за исключеніемъ Барклая и Вольцогена были за переходъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, причемъ Толь совѣтовалъ самое рѣшительное наступленіе къ Руднѣ съ цѣлью разъединенія французской арміи и пораженія ея по частямъ. Барклай уступилъ общему настроенію, но не вполнѣ. Онъ рѣшилъ двинуться съ первой арміей къ Руднѣ, оставивъ вторую у Смоленска, затѣмъ уже, если дѣла примутъ удачный оборотъ, дѣйствовать рѣшительно. Планъ Барклая уже сталъ приводиться въ исполненіе, когда обнаружено было движеніе сильныхъ французскихъ отрядовъ по направленію къ Порѣчью съ цѣлью обхода нашихъ арміи съ праваго фланга. Тогда осторожный Барклай пріостановилъ наступленіе и сосредоточилъ первую армію по Порѣчской дорогѣ, а вторую перевелъ къ мѣстечку Приказъ-Выдра, гдѣ, по его мнѣнію, была хорошая боевая позиція.

Въ арміи были страшно недовольны такимъ оборотомъ дѣла, тѣмъ болѣе, что войска Платова въ одной изъ передовыхъ сшибокъ нанесли непріятелю довольно значительный уронъ. Багратіонъ перевелъ свою армію изъ Приказъ-Выдры въ Смоленскъ, ссылаясь на недостатокъ въ занятой имъ по указанію Барклая позиціи хорошей воды. Барклай же занялъ съ первой арміей отличную позицію у деревни Волковой и готовился встрѣтить на ней врага. Это было 2 ав-

густа. До этого времени не принималось никакихъ мѣръ на случай движенія русскихъ по Московской дорогѣ, такъ какъ о дальнѣйшемъ отступленіи никто почти не хотѣлъ и слышать. Только въ виду близости рѣшительнаго боя стали заготовлять продовольствіе на путяхъ, ведущихъ къ Москвѣ.

Наполеонъ въ свою очередь готовился къ рѣшительному удару. Онъ вознамѣрился обойти наши войска съ праваго ихъ фланга, какъ и предполагалъ Багратіонъ, овладѣть Смоленскомъ и принудить тѣмъ Барклая къ генеральному сраженію. Наполеонъ переправилъ главныя силы своей арміи на лѣвый берегъ Днѣпра и двинулъ ихъ 2 августа къ Смоленску. Изъ русскихъ войскъ только 27-ая дивизія генерала Невѣровскаго, подкрѣпленная Харьковскимъ драгунскимъ и 3 казачьими полками, оставалась на лѣвомъ

берегу Днѣпра у города Краснаго. Узнавъ о приближеніи громадныхъ непріятельскихъ силъ, Невѣровскій вывелъ свою пѣхоту, состоявшую изъ молодыхъ солдатъ, изъ го-

рода, построилъ ее въ карре и сталъ отступать по дорогѣ къ Смоленску, неоднократно атакуемый кавалеріей Мюрата. Мужество Невѣровскаго и храбрость солдатъ, отражавшихъ въ теченіе дня бѣшеныя атаки французовъ, спасли отрядъ, хотя онъ и понесъ значительныя потери, между про-

чимъ лишился нѣсколькихъ орудій. Самъ Невѣровскій признавался впослѣдствіи, что онъ не использовалъ своей артиллеріи. Ермоловъ въ своихъ запискахъ желчно осуждаетъ отступленіе этого генерала, говоря: „сіе во всякомъ другомъ войскѣ подвергло-бы генералъ-маіора Невѣровскаго весьма невыгодному для него изслѣдованію; у насъ отнесли его къ его чести“, и называя его движеніе къ Смоленску бѣгствомъ. Впрочемъ, Ермоловъ отдаетъ должное личной храбрости Невѣровскаго. Иностранцы на этотъ разъ снисходительнѣе въ своихъ отзывахъ о русскомъ военачальникѣ, чѣмъ его сослуживецъ. „Невѣровскій отступалъ, какъ левъ“, пишетъ графъ Сегюръ. Шамбре замѣчаетъ, что отступленіе Невѣровскаго „представляетъ достопамятный примѣръ превосходства хорошо обученной и предводимой искуснымъ начальникомъ пѣхоты“.

Во время отступленія Невѣровскаго вторая армія шла на соединеніе съ первой, и лишь корпусъ генерала Раевскаго находился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Смоленска. Въ ночь на 3-е августа Раевскій получилъ приказаніе вернуться въ Смоленскъ и подкрѣпить Невѣровскаго. Дѣльный и мужественный Раевскій немедленно выполнилъ порученіе. По прибытіи къ Смоленску онъ соединился съ Невѣровскимъ, который донесъ ему о движеніи къ этому городу значительныхъ непріятельскихъ силъ. Къ ночи выяснилось, что около Смоленска сосредоточена почти вся французская армія, у Раевскаго же было не болѣе 13.000 человѣкъ. „Но Раевскому не трудно казалось исполнить то, что немногіе рѣшились бы сдѣлать“. Самъ Наполеонъ въ своихъ запискахъ говоритъ: „15-ти тысячной русской дивизіи, случайно находившейся въ Смоленскѣ, удалось защищать сей городъ въ продолженіе сутокъ, что дало время прибыть на слѣдующій день Барклаю-де-Толли. Еслибы французская армія успѣла врасплохъ овладѣть Смоленскомъ, то она переправилась бы тамъ черезъ Днѣпръ и атаковала бы съ тыла русскихъ, еще не успѣвшихъ сосредоточить свои силы“. Приведенныя слова въ достаточной мѣрѣ выясняютъ значеніе битвы, выдержанной 4 августа русскими.

Въ ночь передъ битвой Раевскій созвалъ подчиненныхъ ему генераловъ на совѣщаніе. Онъ думалъ было обороняться на занятой имъ позиціи, но знаменитый впослѣдствіи Паскевичъ убѣдилъ своего начальника отступить къ самому Смоленску, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ города, На новой позиціи въ предмѣстьяхъ древняго русскаго го-

рода и былъ данъ нашими войсками 4 августа упорный бой грозному противнику. Въ самомъ началѣ боя была получена Раевскимъ отъ Багратіона записка: „Другъ мой! я не иду, а бѣгу; желалъ бы имѣть крылья, чтобы скорѣе соединиться съ тобою. Держись. Богъ тебѣ помощникъ!“ И Раевскій сумѣлъ удержаться на своихъ позиціяхъ до самаго вечера, такъ какъ войска его сражались съ удивительнымъ мужествомъ и упорствомъ.

Между тѣмъ обѣ русскія арміи спѣшили къ Смоленску. Вторая армія прибыла туда вечеромъ 4-го, а первая—

въ ночь на 5-е августа. Казалось, надежды Наполеона сбудутся, и генеральное сраженіе будетъ дано; желая принудить русскихъ къ этому бою, онъ съ этой цѣлью рѣшилъ возобновить свои попытки овладѣть Смоленскомъ. Этотъ городъ теперь должна была защищать 1-ая армія. Такъ рѣшилъ Барклай, предложившій Багратіону перейти со 2 арміей на Московскую дорогу въ виду возможнаго обхода французами нашихъ войскъ съ лѣваго фланга. Весьма возможно, что, видя необходимость пожертвовать Смоленскомъ, осторожный Барклай съ намѣреніемъ далъ пылкому Багратіону такое порученіе.

Непосредственную защиту Смоленска Барклай ввѣрилъ Дм. С. Дохтурову, одному изъ славнѣйшихъ героевъ Отечественной войны. Дохтуровъ только что оправлялся отъ опасной болѣзни; тѣмъ не менѣе, съ радостью принялъ возложенное на него порученіе. „Братцы“,—сказалъ онъ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ,—„если умереть мнѣ, такъ лучше умереть на полѣ чести, чѣмъ безславно на кровати“. И Дохтуровъ съ честью выдержалъ испытаніе. Его войска цѣлый день дрались съ величайшей храбростью. Генералъ Коновницынъ, раненый пулей въ руку, не оставилъ поля сраженія до самаго конца боя и не сдѣлалъ себѣ даже перевязки, пока продолжалась битва. Городъ представлялъ собой пекло: стояла страшная жара, усилившаяся до крайнихъ предѣловъ отъ ожесточенной канонады. Испуганные этой канонадой жители усердно молились. Въ сумерки чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери былъ вынесенъ изъ города и вручен на охраненіе войскамъ. Между тѣмъ начались сильнѣйшіе пожары. Наконецъ, послѣ того какъ французы ворвались въ предмѣстья и сражались уже на улицахъ съ храбрыми защитниками города, Барклай приказалъ Дохтурову очистить Смоленскъ.

На другой день, 6-го августа, вся первая армія начала отступленіе по Московской дорогѣ. Такъ какъ ей приходилось идти нѣсколько верстъ по правому берегу Днѣпра, то на пути отступленія она должна была выдержать упорный бой съ врагами. Если бы Наполеонъ зналъ, что первая

армія не отступила 5 августа отъ Смоленска, онъ могъ нанести ей страшный уронъ. Къ счастью, императоръ французовъ счелъ сраженіе 6 августа арріергарднымъ боемъ и поручилъ веденіе его своимъ маршаламъ. Тѣ не сумѣли согласовать своихъ дѣйствій, чѣмъ и воспользовался Барклай, распоряжавшійся съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ.

Къ сожалѣнію во время этого боя былъ взятъ въ плѣнъ храбрый русскій генералъ Тучковъ 3-й, шедшій во главѣ одного изъ своихъ полковъ противъ непріятеля. Когда этотъ полкъ дрогнулъ, Тучковъ былъ раненъ, окруженъ и принужденъ къ сдачѣ. Наполеонъ вернулъ ему шпагу и обошелся съ нимъ въ высшей степени милостиво.

Бои подъ Смоленскомъ ставили передъ императоромъ французовъ дилемму: идти ли впередъ и принудить наконецъ русскихъ къ рѣшительному сраженію, или же остаться зимовать въ занятомъ городѣ и укрѣпить за собой захваченныя области. Мнѣнія его ближайшихъ сподвижниковъ раздѣлились: Богарнэ, Бертье, Даву, Коленкуръ предлагали

остановиться на второмъ рѣшеніи, другіе предпочитали первое. Къ ихъ мнѣнію склонился и Наполеонъ. Ему казалось необходимымъ принудить русскихъ къ генеральной битвѣ, и онъ не сомнѣвался, что для защиты Москвы русскіе не пожалѣютъ своей арміи, примутъ бой и будутъ разбиты. Упорство битвъ подъ Смоленскомъ внушало геніальному полководцу эту увѣренность, а политическія обстоятельства заставляли его искать возможности побѣдить русскихъ и заключить съ императоромъ Александромъ почетный миръ. И Наполеонъ предпринялъ свой роковой для него походъ на Москву.

Князь М. И. Кутузовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отъ назначенія Кутузова до оставленія русскими войсками Москвы. Бородино.

Комитетъ для выбора главнокомандующаго.—Кандидатура князя Кутузова.—Его дарованія и карьера.—Его назначеніе и прибытіе къ арміи въ Царево-Займище.—События отъ оставленія Смоленска до прихода русскихъ войскъ къ Цареву-Займищу.—Осмотръ Кутузовымъ позиціи.—Дальнѣйшее отступленіе.—Бородинская позиція.—Бой 24 августа за Шевардинское укрѣпленіе.—День 25 августа.—Бородинскій бой.—Утро передъ нимъ.—Пріѣздъ Наполеона.—Геройство сражающихся.—Рана Багратіона.—Смерть Кутайсова.—Подвиги Ермолова.—Плѣненіе генерала Бонами.—Потеря русскими Семеновскихъ флешей и Курганной батареи.—Отказъ Наполеона пустить въ дѣло старую гвардію.—Конецъ боя.—Уходъ французовъ съ Курганной батареи.—Приказъ Кутузова объ отступленіи.—Донесеніе его о боѣ.—Награды за Бородинскій бой.—Движеніе русской арміи къ Москвѣ.—Позиція передъ столицей, избранная Бенигсеномъ.—Недостатки ея.—Военный совѣтъ въ Филяхъ.—Приказъ объ отступленіи арміи черезъ Москву на Рязанскую дорогу.—Москва въ августѣ 1812 года.—Выѣздъ жителей.—Вывозъ присутственныхъ мѣстъ и т. д.—Ростопчинъ и его афиши.—Его воззванія объ ополченіи москвичей.—Отступленіе нашей арміи черезъ Москву.

Когда русскія войска отступали отъ Смоленска по Московской дорогѣ, когда въ нихъ царило глубокое недовольство Барклаемъ, котораго порицали за трусливую осторожность и чуть не открыто обвиняли въ измѣнѣ, въ Петербургѣ уже былъ рѣшенъ вопросъ о назначеніи одного главнокомандующаго всѣми дѣйствующими арміями. Государь, какъ мы уже знаемъ, былъ очень доволенъ согласіемъ, наступившимъ было у Барклая съ Багратіономъ. Это согласіе не могло быть продолжительнымъ при несходствѣ характеровъ у обоихъ главнокомандующихъ и различіи ихъ взглядовъ на способъ веденія борьбы съ Наполеономъ. Какъ

Барклай, такъ и Багратіонъ въ своихъ донесеніяхъ поэтому обвиняли другъ друга. Багратіонъ по своей несдержанности жаловался на Барклая въ частныхъ письмахъ къ Аракчееву, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Ему казалось, что Россія гибнетъ, что Барклай ее губитъ, и пылкій кавказецъ давалъ волю своему раздраженію. Въ письмахъ и донесеніяхъ другихъ генераловъ также сказывалось болѣе или менѣе замѣтно возмущеніе дѣйствіями Барклая. Самъ Государь, до соединенія русскихъ армій бывшій сторонникомъ главнокомандующаго первой арміей, теперь по мѣрѣ приближенія непріятеля къ Москвѣ терялъ душевное спокойствіе и готовъ былъ обвинять Барклая. Какъ онъ писалъ позднѣе Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, Барклай по его мнѣнію „дѣлалъ около Смоленска глупость за глупостью“. Вполнѣ естественно было придти къ заключенію о необходимости назначить одно лицо главнокомандующимъ всѣми дѣйствующими войсками. Это важное назначеніе Александръ I не взялъ на себя лично. Онъ образовалъ для этой цѣли Комитетъ, въ который вошли предсѣдатель Государственнаго Совѣта генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ, главнокомандующій въ С.-Петербургѣ, генералъ отъ инфантеріи Вязмитиновъ, генералы: графъ Аракчеевъ и Балашовъ, дѣйствительные тайные совѣтники: князь Лопухинъ и графъ Кочубей.

Комитетъ собрался вечеромъ 5-го августа у Салтыкова. Прежде всего рѣшено было назначить общаго главнокомандующаго всѣми дѣйствующими арміями, затѣмъ освободить главнокомандующаго первой арміей отъ управленія военнымъ министерствомъ. Наконецъ, приступили къ назначенію общаго главнокомандующаго, который согласно предварительному постановленію Комитета долженъ былъ обладать извѣстной опытностью въ военномъ искусствѣ, отличными дарованіями, общимъ довѣріемъ и старшинствомъ службы. Названы были Бенигсенъ, Багратіонъ, Тормасовъ и графъ Паленъ, давно уже бывшій въ отставкѣ; ни одинъ изъ названныхъ кандидатовъ не отвѣчалъ по мнѣнію Комитета указаннымъ условіямъ. Когда же было произнесено

имя Кутузова, всѣ члены Комитета единогласно постановили ввѣрить этому генералу начальствованіе всѣми арміями.

Нельзя не сознаться, что Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ былъ въ то время единственнымъ человѣкомъ, котораго можно было поставить во главѣ русской арміи и заслужить этимъ выборомъ общее одобреніе. Престарѣлому вождю было въ то время уже 67 лѣтъ. Онъ началъ свою долгую и славную служебную дѣятельность еще въ 1760 году. Отличенный самой императрицей Екатериною II, которая ласково говорила впослѣдствіи: „мой Кутузовъ“, онъ былъ выдвинутъ Румянцевымъ и сталъ затѣмъ любимцемъ Суворова. Раненый 2 раза въ голову, лишившись въ одномъ изъ боевъ глаза, Кутузовъ отличился рядомъ военныхъ подвиговъ. Онъ былъ при взятіи Измаила, причемъ по выраженію Суворова „шелъ“ „на лѣвомъ крылѣ“, „но былъ правой рукой“ великаго вождя. Затѣмъ, проявивъ свои большія дипломатическія способности въ бытность посломъ въ Константинополѣ, Кутузовъ показалъ себя умѣлымъ педагогомъ, когда былъ назначенъ директоромъ Сухопутнаго Шляхетскаго Корпуса.

При императорѣ Александрѣ Кутузовъ командовалъ русской арміей подъ Аустерлицемъ. Здѣсь онъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе императора и былъ назначенъ послѣ войны виленскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ послѣднее передъ Отечественной войной время Кутузовъ командовалъ русской арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ, и заключилъ съ ними выгодный для Россіи миръ. Пожалованный титуломъ графа, онъ не заслужилъ все же полной благосклонности государя, такъ какъ не могъ заключить съ Турціей союза, къ которому стремился Александръ I. Поэтому Кутузовъ пріѣхалъ въ Петербургъ лишь тогда, когда императоръ уже отбылъ въ армію. Во время организаціи народныхъ ополченій Кутузовъ былъ единогласно избранъ начальникомъ Петербургскаго ополченія и съ жаромъ отдался своимъ сравнительно скромнымъ новымъ обязанностямъ. Видя популярность престарѣлаго генерала,

государь осчастливилъ его знакомъ своей милости. Онъ возвелъ Кутузова въ іюлѣ 1812 г. въ княжеское достоинство и пожаловалъ ему титулъ Свѣтлости.

Такимъ образомъ для Комитета было ясно, что намѣченный имъ кандидатъ будетъ съ удовольствіемъ утвержденъ государемъ, какъ это и не замедлило произойти. Надо остановить наше вниманіе еще и на томъ обстоятельствѣ, что Кутузовъ былъ природный русскій. Въ такую эпоху, какъ Отечественная война, это было отнюдь немаловажно.

На новаго вождя возлагали большія надежды. По своимъ способностямъ онъ вполнѣ могъ оправдать ихъ. Одаренный въ молодости большой личной храбростью и энергіей, Кутузовъ къ старости, конечно, поодряхлѣлъ и поотяжелѣлъ. Взамѣнъ этого онъ пріобрѣлъ громадную опытность, а его былая отвага давно смѣнилась хладнокровнымъ мужествомъ. Онъ не искалъ уже опасностей, но и не боялся ихъ. Съ годами возросъ также и его безспорно большой, тонкій и гибкій умъ. „Уменъ, очень уменъ“,—говаривалъ неоднократно Суворовъ про своего любимца,—„его и Рибасъ (славившійся своимъ изворотливымъ умомъ адмиралъ временъ Екатерины II) не обманетъ“. Наполеонъ называлъ Кутузова старой „сѣверной лисицей“. Это прозвище льстило русскому главнокомандующему, который зналъ свои способности. „Неужели вы, дядюшка, надѣетесь разбить Наполеона?“,—спросилъ Кутузова кто-то изъ его ближайшей родни.—„Разбить?.. Нѣтъ! А обмануть надѣюсь“, былъ остроумный отвѣтъ главнокомандующаго. Кутузовъ вообще былъ очень находчивъ. Это сказывалось и въ его рѣчахъ, которыя онъ импровизировалъ съ рѣдкимъ искусствомъ. Его тонкій умъ давалъ ему возможность властвовать надъ умами и сердцами другихъ. Несмотря на его скрытность, Кутузова очень любили его подчиненные, къ которымъ онъ былъ ласковъ и щедръ, хотя и взыскателенъ. Давая иногда волю своей природной вспыльчивости, Свѣтлѣйшій умѣлъ въ такихъ случаяхъ и загладить ея послѣдствія. Къ числу недостатковъ Кутузова надо отнести его угодливость лицамъ, выше его стоящимъ. Въ немъ придворный позволялъ себѣ иногда

брать верхъ надъ полководцемъ. Кромѣ того обвиняли Кутузова, какъ человѣка, и въ другихъ недостаткахъ. На такія обвиненія можно замѣтить, что эти недостатки, если они и существовали, не имѣютъ значенія для оцѣнки исторической роли нашего вождя, такъ какъ ничѣмъ не отразились на судьбѣ ввѣренныхъ Кутузову армій.

Переходя къ вопросу о томъ, оправдалъ ли Кутузовъ своей дѣятельностью возложенныя на него надежды, прежде всего отмѣтимъ, что гибель почти всей Великой арміи и крушеніе послѣ этого факта могущества Наполеона, казалось, освобождаютъ насъ отъ необходимости отвѣчать на него. Однако уже въ 1812 году и самъ императоръ и ближайшій его другъ—сестра Великая Княгиня Екатерина Павловна считали Кутузова „недостойнымъ“ славы, выпавшей на его долю, хотя государь и осыпалъ старика фельдмаршала знаками своего благоволенія. И среди генералитета были порицатели Кутузова и его тактики, слишкомъ по мнѣнію многихъ осторожной и трусливой. Такъ Ермоловъ, имѣвшій впрочемъ поводы къ личнымъ неудовольствіямъ на фельдмаршала, даетъ довольно ѣдкую характеристику дѣятельности и свойствъ главнокомандующаго. Порицатели Кутузова указываютъ рядъ промаховъ Свѣтлѣйшаго и полагаютъ, что не онъ, а обстоятельства дали благопріятный исходъ Отечественной войнѣ. И безспорно, обстоятельства складывались такъ, а не иначе, конечно, не только и не столько по волѣ одного фельдмаршала; здѣсь дѣйствовалъ цѣлый рядъ причинъ. Но нужно было имѣть громадное нравственное мужество, чтобы сдать Москву, сберегая армію, и цѣлый мѣсяцъ терпѣть присутствіе врага въ Первопрестольной. Да и во время преслѣдованія русскими войсками Великой арміи требовалась большая выдержка, чтобы однимъ ложнымъ шагомъ не погубить всего дѣла. Въ свое время мы увидимъ, что столь порицаемая осторожность Кутузова имѣла свои основанія. Во всякомъ случаѣ нельзя забывать, что обаянію имени любимаго сподвижника Суворова Россія обязана многимъ: оно спасло дѣйствующую армію отъ деморализаціи и отчаянія въ критическій моментъ Отече-

ственной войны. Поэтому, повторимъ еще разъ, Комитетъ, предназначившій Кутузова на должность главнокомандующаго, не могъ сдѣлать болѣе удачнаго выбора.

Самое назначеніе Кутузова состоялось 8-го августа. Государь призвалъ его къ себѣ и объявилъ ему, что онъ назначается главнокомандующимъ всѣми арміями и ополченіями. Въ тотъ же день новый главнокомандующій былъ удостоенъ слѣдующаго рескрипта: „Князь Михаилъ Иларіоновичъ! Настоящее положеніе военныхъ обстоятельствъ Нашихъ дѣйствующихъ армій, хотя и предшествуемо было начальными успѣхами, но послѣдствія оныхъ не открываютъ еще той быстрой дѣятельности, съ каковою надлежало бы дѣйствовать на пораженіе непріятеля. Соображая сіи послѣдствія и извлекая истинныя тому причины, Я нахожу нужнымъ назначеніе надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго, котораго избраніе сверхъ воинскихъ дарованій, основывалось бы и на самомъ старшинствѣ. Извѣстныя достоинства ваши, любовь къ Отечеству, неоднократные опыты отличныхъ вашихъ подвиговъ, пріобрѣтаютъ вамъ истинное право на сію Мою довѣренность. Избирая васъ для сего важнаго дѣла, Я прошу Всемогущаго Бога, да благословитъ дѣянія ваши къ славѣ Россійскаго оружія, и да оправдаетъ тѣмъ счастливыя надежды, которыя Отечество на васъ возлагаетъ“. Одновременно съ этимъ ко всѣмъ главнокомандующимъ отдѣльными арміями, т. е. къ Барклаю, Багратіону, Тормасову и Чичагову, были отправлены слѣдующіе рескрипты: „Разныя важныя неудобства, происшедшія послѣ соединенія двухъ армій, возлагаютъ на Меня необходимую обязанность назначить одного надъ всѣми оными главнаго начальника. Я избралъ для сего генерала-отъ-инфантеріи, Князя Кутузова, которому и подчиняю всѣ четыре арміи, вслѣдствіе чего предписываю вамъ со ввѣренною вамъ арміею состоять въ точной его командѣ. Я увѣренъ, что любовь ваша къ Отечеству и усердіе къ службѣ откроютъ вамъ и при семъ случаѣ путь къ новымъ заслугамъ, которыя Мнѣ весьма пріятно будетъ отличать подлежащими наградами“.

Немедленно по назначеніи Кутузовъ сталъ готовиться къ отъѣзду въ армію. Вечеромъ 8-го же августа въ кругу родныхъ онъ говорилъ, что „услышалъ повелѣніе Государя съ христіанскимъ смиреніемъ, но безъ робости, какъ призваніе свыше“, а 11-го утромъ выѣхалъ изъ Петербурга, отслушавъ молебенъ въ Казанскомъ соборѣ, и сопровождаемый несмѣтными толпами народа, желавшаго ему счастливаго пути и побѣдъ. Выходя изъ собора, Кутузовъ сказалъ духовенству: „Молитесь обо мнѣ; меня посылаютъ на великое дѣло“. На первой же станціи, въ Ижорѣ, главнокомандующій встрѣтилъ курьера изъ арміи. Имѣя право распечатывать шедшія оттуда бумаги, онъ узналъ изъ нихъ о паденіи Смоленска и проговорилъ: „Ключъ къ Москвѣ взятъ“. 12-го пріѣхалъ Кутузовъ въ Крестцы, а 16-го въ Торжокъ. Здѣсь встрѣтилъ онъ генерала Бенигсена, который былъ въ дѣйствующей арміи, позволилъ себѣ вмѣшаться въ распоряженія Барклая и ѣхалъ вслѣдствіе ссоры съ нимъ въ Петербургъ. Именемъ государя Кутузовъ пригласилъ его возвратиться въ армію. 17-го августа въ 11-ть часовъ утра главнокомандующій былъ уже вблизи Гжатска. Всюду на своемъ пути онъ встрѣчалъ толпы жителей, которые благословляли его на трудный подвигъ. Чѣмъ ближе былъ князь къ театру войны, тѣмъ тревожнѣе становилось настроеніе встрѣчавшихъ. При приближеніи къ Гжатску виднѣлись уже толпы разоренныхъ, бѣжавшихъ отъ врага, людей. „Спаси насъ! Побей супостата“—слышались постоянные клики. Когда же Кутузовъ былъ въ 5-ти верстахъ отъ города, высыпавшій къ нему на встрѣчу народъ выпрягъ лошадей изъ кареты главнокомандующаго и на себѣ ввезъ ее въ Гжатскъ.

Отдохнувъ здѣсь часа полтора и сдѣлавъ нѣсколько дѣловыхъ распоряженій, Кутузовъ отправился къ мѣсту стоянки русской арміи, Цареву-Займищу, куда и прибылъ въ три часа дня. Новый періодъ войны начался.

Ко времени прибытія Кутузова къ арміи положеніе дѣлъ на театрѣ войны было таково. Послѣ отступленія первой арміи отъ Смоленска войска наши соединились

близъ Умолья. Барклай, уступая общему настроенію, рѣшилъ дать генеральное сраженіе. Офицеры генеральнаго штаба, посланные имъ по Московской дорогѣ для пріисканія удобныхъ позицій, выбрали между Смоленскомъ и Гжатскомъ два пункта: Усвятье и Царево-Займище. Первая мѣстность, въ общемъ очень выгодная для обороны, подвергалась опасности обхода съ праваго фланга. Поэтому вторая армія расположилась у Дорогобужа съ цѣлью противодѣйствовать этой возможности обхода, а первая съ 11-го августа готовилась принять на себя главный ударъ врага на избранной Барклаемъ позиціи. Но уже 12-го августа подъ вліяніемъ движенія французовъ къ Дорогобужу и настоянія Багратіона всѣ наши войска сосредоточились у этого города. Однако новая позиція оказалась крайне неудобной для русскихъ войскъ, и они отступили къ Цареву-Займищу, гдѣ и сосредоточились 17-го августа. Отступали съ боемъ, думая даже перейти при случаѣ въ наступленіе, чего нельзя было, впрочемъ, выполнить. Изъ арріергардныхъ боевъ по своему упорству особенно выдѣлились столкновенія при рѣкѣ Осьмѣ, близъ Вязьмы.

Царево-Займище, въ которомъ произошло прибытіе Кутузова къ войскамъ, какъ позиція отличалось тѣмъ достоинствомъ, что ее трудно было обойти вслѣдствіе открытой мѣстности. Но это обстоятельство имѣло и невыгодную сторону: открытую позицію, лишенную естественныхъ средствъ защиты, нельзя было оборонять безъ искусственныхъ укрѣпленій, возвести которыя въ достаточномъ количествѣ не было тогда времени въ виду упорнаго наступленія французовъ. Впрочемъ вопросъ о томъ, быть или не быть въ этомъ пунктѣ сраженію, зависѣлъ уже не отъ Барклая, а отъ новаго главнокомандующаго.

Кутузовъ первыми своими распоряженіями и замѣчаніями хотѣлъ, несомнѣнно, поселить въ войскахъ мысль, что онъ противникъ отступленія. Такъ встрѣтивъ въ Гжатскѣ офицеровъ, высланныхъ Барклаемъ для отысканія новыхъ позицій между Царевымъ-Займищемъ и Москвой, старый сподвижникъ Суворова отослалъ ихъ назадъ въ армію. При

видѣ же почетнаго караула, выстроеннаго для его встрѣчи, Кутузовъ сказалъ, какъ бы про себя: „Ну! какъ можно отступать съ такими молодцами!“ Подобные намеки съ жадностью ловились арміей, которая и безъ того воспрянула духомъ при появленіи любимаго полководца. „Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ“, сложилась необыкновенно быстро поговорка у солдатъ. Тогда же распространился и разсказъ, быть можетъ, и недостовѣрный, но въ высшей степени характерный, о громадномъ орлѣ, взвившемся надъ головой престарѣлаго вождя во время объѣзда имъ нашихъ позицій у Царева-Займища.

Этотъ объѣздъ, дѣйствительно, имѣлъ мѣсто въ самый день прибытія Кутузова къ войскамъ. Съ главнокомандующимъ ѣздилъ и Барклай. Этотъ генералъ принесъ тогда въ жертву Россіи свое истерзанное несправедливыми упреками и подозрѣніями сердце и свое оскорбленное самолюбіе. Онъ оставался до половины сентября въ дѣйствующей арміи, тщетно искалъ смерти при Бородинѣ и имѣлъ позднее утѣшеніе въ полномъ признаніи своихъ заслугъ сначала императоромъ, а затѣмъ и многими современниками. Съ обычнымъ по виду хладнокровіемъ сопровождалъ Барклай своего новаго начальника. Кутузовъ одобрилъ его распоряженія и нашелъ позицію при Царевѣ-Займищѣ очень выгодной. Всѣ въ арміи ожидали уже рѣшительнаго сраженія. Вдругъ 19-го августа состоялся приказъ объ отступленіи. Наши войска отошли еще на нѣсколько переходовъ и наконецъ остановились у села Бородина. Терялись въ догадкахъ о причинахъ, заставившихъ Кутузова рѣшиться на дальнѣйшее отступленіе. Важнѣйшей надо считать вполнѣ справедливое желаніе выиграть время и дать арміи возможность усилиться подкрѣпленіями. Въ нашей главной дѣйствующей арміи [1]), считая и 7.000 казаковъ, было не болѣе 103.000 человѣкъ. Въ Гжатскѣ ее ожидало подкрѣпленіе въ 15.500 че-

[1]) Хотя дѣленіе арміи на первую и вторую держалось еще довольно долго, но, для краткости и принимая во вниманіе дѣйствительное положеніе дѣлъ, можно прибѣгать къ термину, употребленному въ текстѣ.

ловѣкъ, приведенныхъ Милорадовичемъ. Это подкрѣпленіе пошло на укомплектованіе отдѣльныхъ частей дѣйствующей арміи. Такое распоряженіе Кутузова въ виду боевой закалки главныхъ нашихъ силъ и недостатка командиаго состава въ приведенныхъ войскахъ нельзя не признать удачнымъ. Не менѣе предусмотрительно было и приказаніе всему командному составу корпуса Милорадовича удалиться изъ дѣйствующей арміи для обученія новыхъ

Бородино.

рекрутъ: Россія нуждалась въ опытныхъ инструкторахъ-воспитателяхъ молодыхъ солдатъ. Самъ же Милорадовичъ, какъ генералъ выдающейся храбрости, получилъ назначеніе въ дѣйствующей арміи. И часть ополченія была употреблена на время военныхъ дѣйствій для укомплектованія регулярныхъ войскъ, часть же дѣйствовала, какъ самостоятельный отрядъ. Мѣры, принятыя Кутузовымъ, требовали нѣсколькихъ дней для того, чтобы вновь прибывшіе солдаты и ратники могли быть размѣщены по отдѣльнымъ частямъ и хоть немного свыкнуться съ боевой обстановкой. Кромѣ того важно было выиграть время и для дальнѣйшаго усиленія арміи подкрѣпленіями, которыя подвигались къ ней изъ разныхъ губерній. Надо было принять мѣры и для лучшей органи-

зацiи продовольственной части, которая не стояла на высотѣ со времени отступленія нашей главной арміи отъ Смоленска къ Москвѣ. Поэтому усилилось мародерство, прежде совсѣмъ почти не имѣвшее мѣста. Правда, оно и теперь благодаря духу войскъ и распоряженіямъ Барклая не было значительнымъ, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства того времени, но все же вызывало необходимость нѣкоторой строгости.

Итакъ наши войска отступали въ теченіе 3-хъ дней до 22-го августа. Въ этотъ день они заняли позиціи, прославленныя въ скоромъ времени героическими боями 24 и 26 августа. Расположеніе этихъ позицій было въ общихъ чертахъ слѣдующимъ. Прикрытіемъ позицій, въ частности праваго фланга, очень недостаточнымъ по случаю осенняго мелководья, была рѣка Калоча, впадающая въ Москву. Около села Бородина, лежащаго на Калочѣ, въ нее впадаетъ ручей Стонецъ, между которымъ и рѣкой идетъ узкій хребетъ съ высокими курганами у селенія Горокъ. Выше Бородина въ Калочу впадаютъ рѣчки Война и Семеновка. Въ нижней части послѣдней рѣчки берега ея довольно круты. Между Семеновкой, Калочей и Стонцомъ находится высота, которая господствуетъ надъ окрестностями. На ней была расположена знаменитая Курганная батарея, иначе называемая батареей Раевскаго. Лѣвѣе деревни Утицы идетъ мелкій кустарникъ, а самая Утица, составлявшая крайній лѣвый флангъ нашихъ войскъ, окружена съ 3-хъ сторонъ лѣсомъ. Передъ лѣвымъ же флангомъ, нѣсколько ближе къ центру, близъ селенія Шевардино высятся три кургана. На нихъ долженъ былъ быть устроенъ люнетъ съ 18-ю орудіями. Относительно Шевардина существовали разныя мнѣнія среди русскихъ военачальниковъ: Бенигсенъ, назначенный къ тому времени начальникомъ штаба при главнокомандующемъ, стоялъ за то, чтобы изъ Шевардина сдѣлать очень сильное передовое укрѣпленіе. Толь предлагалъ нѣсколько укрѣпить названный пунктъ, включивъ его въ общій планъ позиціи. Это мнѣніе восторжествовало. Впрочемъ по новѣйшимъ даннымъ можно думать, что былъ и такой проектъ:

протянуть позицію отъ Горокъ къ Шевардину; въ такомъ случаѣ это мѣсто являлось бы крайнимъ лѣвымъ флангомъ нашихъ позицій, чѣмъ оно, быть можетъ, представлялось и Наполеону.

Позиція, выбранная русскими войсками у Бородина, „вовсе не представляла“, какъ замѣчаетъ генералъ Богдановичъ, „важныхъ мѣстныхъ удобствъ въ оборонительномъ отношеніи“ въ виду того, что „центръ и лѣвое крыло“ „не были прикрыты никакой мѣстной преградой, и что лѣвый флангъ подвергался обходу по старой Смоленской дорогѣ“. Кромѣ того, по мнѣнію названнаго военнаго историка, позицію очень растянули, расположивъ на правомъ флангѣ ея за рѣкой Калочей вправо отъ Горокъ значительныя войска вмѣсто того, чтобы помѣстить лишь обсерваціонный отрядъ. Этимъ русскіе „въ самомъ началѣ сраженія лишили себя содѣйствія цѣлой трети войска“. Надо впрочемъ принять во вниманіе, что, строго говоря, рѣка Калоча, какъ выше и было уже отмѣчено, не представляла въ концѣ августа 1812 года достаточной защиты нашему правому флангу, гдѣ, какъ и въ центрѣ, расположилась, главнымъ образомъ, армія Барклая-де-Толли. На долю войскъ Багратіона выпала оборона лѣваго фланга позиціи.

Недостатки позиціи, выбранной потому, что лучшей не было и что дальнѣйшее отступленіе представлялось, по многимъ соображеніямъ [1]), совершенно нежелательнымъ, пытались исправить путемъ сооруженія искусственныхъ укрѣпленій. Что можно было сдѣлать, сдѣлали. Многое осталось лишь въ предположеніяхъ: непріятель настоятельно насѣдалъ.

Мы уже знаемъ, что Наполеонъ въ Смоленскѣ предпринялъ рѣшеніе идти на Москву и тѣмъ принудить русскихъ къ генеральному сраженію. Свое рѣшеніе великій полководецъ сталъ выполнять съ присущей ему энергіей.

---

[1]) Боялись возможнаго въ такомъ случаѣ упадка духа въ войскахъ, или даже возмущенія въ нихъ и не хотѣли дальнѣйшаго отступленія въ виду близости Москвы, принимая во вниманіе ожиданія народа.

Къ этому вынуждали его и обстоятельства. Трудности похода и скудость продовольствія развили въ Великой арміи сильнѣйшее дезертирство и мародерство. По вступленіи враговъ въ чисто русскіе предѣлы они почти не встрѣчали доброжелателей. Было, конечно, нѣсколько случаевъ забвенія, вольнаго или невольнаго, долга передъ родиной и любви къ ней. Такъ даже архіепископъ могилевскій, человѣкъ далеко не дурной, измѣнилъ отечеству и торжественно привѣтствовалъ Наполеона. Но такіе факты были рѣдкими исключеніями. Почти всѣ русскіе люди дѣйствовали съ трогательнымъ единодушіемъ и часто уничтожали свое имущество, чтобы врагъ не пользовался имъ. Никто не шелъ въ проводники французамъ, никто не давалъ свѣдѣній о нашихъ войскахъ, и Великая армія должна была подвигаться какъ бы ощупью, что стѣсняло ея дѣйствія. При этомъ въ тылу непріятелей въ Смоленской губерніи разгоралась мало-по-малу народная война, о которой рѣчь пойдетъ ниже, но зловѣщіе симптомы которой должны были повергать въ раздумье императора французовъ. Понятно поэтому, какъ спѣшилъ онъ. Маршалы его все болѣе и болѣе настойчиво звали своего императора назадъ къ Смоленску, ссылаясь не безъ основанія на начинавшуюся распутицу, затруднявшую движеніе Великой арміи. Наполеонъ не хотѣлъ уступить и 24-го августа, сблизясь послѣ ряда арріергардныхъ стычекъ съ главной нашей арміей, видѣлъ себя у цѣли своихъ стремленій.

Лишь только французскія войска стали подходить къ нашимъ позиціямъ, разыгрался бой за Шевардинскій редутъ. Русскими войсками, предназначенными въ числѣ 11-ти тысячъ защищать это укрѣпленіе, командовалъ князь Горчаковъ, имѣя въ своемъ распоряженіи дивизіи такихъ боевыхъ генераловъ, какъ Невѣровскій и Паскевичъ. Французы по приказанію Наполеона атаковали Шевардинское укрѣпленіе 3 пѣхотными дивизіями и 2 кавалерійскими корпусами, которые поддерживалъ корпусъ Понятовскаго. 35.000 французскихъ войскъ обрушились на русскій отрядъ. Долго шелъ упорный бой; наконецъ, около 8-ми часовъ

вечера французы завладѣли и редутомъ и селеніемъ Шевардино. Въ это время на смѣну утомленнымъ нашимъ войскамъ подошла дивизія принца Карла Мекленбургскаго. Самъ Багратіонъ повелъ вновь прибывшія войска въ атаку и выбилъ французовъ изъ занятыхъ ими позицій. Между тѣмъ настала ночь. Непріятельскія войска въ большомъ количествѣ стали обходить Шевардинскую позицію. Не представлялось возможнымъ удержать недостроенный и полуразрушенный редутъ въ рукахъ русскихъ войскъ. Тогда Багратіонъ сообразно приказанію Кутузова отступилъ на главную позицію. По свидѣтельству Барклая въ этомъ дѣлѣ русскими было потеряно всего лишь три орудія.

Слѣдующій день прошелъ въ приготовленіяхъ къ битвѣ, одной изъ славнѣйшихъ въ исторіи начала XIX столѣтія по числу сражавшихся и по проявленной ими храбрости. Число русскихъ солдатъ, включая и нерегулярныя войска, доходило до 128.000 человѣкъ; Великая армія насчитывала около 140.000 солдатъ. Въ нашей арміи за то до 1/5 всего состава ея было новобранцевъ и ополченцевъ; войска же Наполеона состояли сплошь изъ людей, вынесшихъ всѣ тягости утомительнаго похода и бывшихъ неоднократно въ бояхъ съ храбрыми русскими солдатами; а первое мѣсто въ Великой арміи занимала пользовавшаяся громкой и заслуженной славой грозная старая гвардія императора французовъ. Уступая французамъ въ числѣ и силѣ пѣхоты, русскія войска были нѣсколько сильнѣе кавалеріей и безусловно превосходили Великую армію числомъ и качествомъ орудій: противъ 587 французскихъ орудій большей частью легкихъ, мы выставили 640 пушекъ, изъ которыхъ было до 160 батарейныхъ. Впрочемъ по несчастной случайности, а именно смерти въ началѣ боя начальника артиллеріи русской первой арміи, молодого и блестящаго графа Кутайсова, мы не могли 26-го августа использовать въ достаточной мѣрѣ нашего превосходства въ этомъ отношеніи.

Одушевленіе, съ какимъ бились оба войска, было, пожалуй, одинаковымъ. Солдаты Великой арміи готовились къ битвѣ, видя въ ней конецъ лишеніямъ. Имъ грезилась

Москва и богатая добыча. Русскіе сражались съ ожесточеніемъ за святую Русь и за Бѣлокаменную, въ которой видѣли воплощеніе могущества своей родины. Многіе солдаты отказывались вечеромъ 25-го августа отъ обычной передъ сраженіемъ чарки водки. „Не такой завтра день; не къ тому готовимся“, говорили они на призывъ квартирге-

Кутузовъ на молебнѣ.

ровъ къ угощенію. 25-го войска, дѣйствительно, готовились къ смертной сѣчѣ не пирами, а жаркой молитвой. Служили молебны, обносили по рядамъ чудотворную икону Смоленской Божіей Матери. Кутузовъ, подъѣзжая къ нѣкоторымъ полкамъ, говорилъ съ солдатами, ободряя ихъ и возбуждая ихъ ревность. „Вамъ придется защищать землю родную“,—сказалъ онъ пѣхотному Симбирскому полку,—„послужить вѣрой и правдой до послѣдней капли крови, каждый полкъ будетъ употребленъ въ дѣло. Васъ будутъ смѣнять, какъ часовыхъ черезъ каждые два часа. Надѣюсь на васъ. Богъ намъ поможетъ, отслужите молебенъ“. Наконецъ настала ночь. Полная тишина господствовала въ русскомъ лагерѣ.

Даже костры солдаты зажигали какъ бы нехотя, не желая нарушать торжественности момента.

Въ войскахъ Великой арміи весь день 25-го августа шли передвиженія и подготовка къ бою. Наполеонъ рѣшилъ бить въ центръ и лѣвый флангъ нашихъ позицій, т. е. въ Курганную батарею и лежавшія влѣво отъ нея флеши Багратіона, и затѣмъ обойти нашу армію съ лѣваго фланга. Для этого были сдѣланы надлежащія распоряженія, а гвардія была сосредоточена у Шевардина, гдѣ и простояла весь день 26-го августа въ полной парадной формѣ, не двинувшись противъ русскихъ. У Шевардина же находился во время перваго періода Бородинскаго боя и самъ Наполеонъ. Войска Наполеона 25-го августа съ охотой занимали свои позиціи, ожидая давно желаннаго боя. Всю ночь буйно пировали они у разложенныхъ ими огромныхъ костровъ.

Въ 3-мъ часу утра Наполеонъ проснулся бодрый, какъ всегда, несмотря на мучившую его простуду. „Что дѣлается у русскихъ“, были первыя слова императора. Съ радостью узнавъ, что наши войска ждутъ сраженія, Наполеонъ вышелъ изъ своей палатки и сказалъ собравшимся около него офицерамъ: „Сегодня немножко холодно, но ясно; это солнце Аустерлица“. Въ 5 час. утра Наполеонъ отправился къ Шевардину; армія строилась къ бою; всюду читался знаменитый приказъ: „Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы столько желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ; она доставитъ намъ все нужное, удобныя квартиры и

скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою".

Наши войска тоже были готовы къ сраженію; первый выстрѣлъ раздался съ одной изъ русскихъ батарей, еще до разсвѣта, когда показалось, что непріятель собирается обойти нѣкоторыя изъ нашихъ позицій. Тревога оказалась ложной, но вызвала движеніе въ нашемъ лагерѣ. Кутузовъ направился къ деревнѣ Горки, гдѣ на превосходнѣйшей для наблюденія позиціи провелъ все время сраженія. Самый бой изобиловалъ драматическими эпизодами и моментами, позиціи переходили изъ рукъ въ руки, герои гибли жертвой своего долга и своей храбрости и тщетно старались склонить боевое счастье на ту или другую сторону. Ходъ сраженія былъ таковъ. Дѣло началось сильнѣйшей канонадой, послѣ которой корпусъ Даву двинулся въ атаку на Багратіоновы флеши. Долго оборонялись русскіе на этихъ флешахъ [1]). Багратіонъ получилъ отъ Барклая резервъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ гвардейскихъ полковъ и съ помощью его держался противъ повторныхъ атакъ Даву. Самъ Даву былъ контуженъ, многіе изъ французскихъ генераловъ ранены, но бой продолжался. Французы получили наконецъ подкрѣпленія и бросились въ новую атаку, во время которой былъ тяжело раненъ въ берцовую кость Багратіонъ. Онъ думалъ скрыть свою рану отъ солдатъ, но адская боль свалила его съ лошади. Былъ контуженъ и начальникъ его штаба, графъ Сенъ-При. Генералъ Коновницынъ, оставшійся старшимъ, пригласилъ Раевскаго принять командованіе второй арміей и просилъ у Кутузова подкрѣпленій. Въ это время непріятель овладѣлъ уже Бородинымъ и направилъ свои атаки противъ центра русскихъ войскъ. Опасаясь ослабить центръ посылкой войскъ на лѣ-

---

[1]) Флешь—рядъ легкаго временнаго укрѣпленія, приспособленнаго для защиты его артиллеріей.

вый флангъ, Кутузовъ отказалъ въ подкрѣпленіяхъ, а начальство надъ второй арміей ввѣрилъ генералу Дохтурову. Мужественный Коновницынъ продержался еще около часу противъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ, подкрѣпленныхъ кавалеріей Мюрата, а затѣмъ былъ вынужденъ очистить и флеши, и село Семеновское, лежавшее за ними.

Въ это время въ центрѣ шло жаркое дѣло. Французы двинулись къ Курганной батареѣ и, воспользовавшись ея временнымъ бездѣйствіемъ за недостаткомъ снарядовъ, овладѣли было ею. На наше счастье начальникъ штаба первой арміи, рѣшительный и находчивый Ермоловъ, ѣхалъ въ то время по порученію Кутузова на лѣвый флангъ посмотрѣть, въ какомъ положеніи армія раненаго Багратіона. Онъ велѣлъ слѣдовать за собой двумъ артиллерійскимъ ротамъ Никитина. Къ Ермолову присоединился и графъ Кутайсовъ. Замѣтивъ опасность, грозившую всей арміи отъ занятія Курганной батареи, Ермоловъ остановилъ бѣгущихъ въ паникѣ солдатъ, ободрилъ ихъ, прихватилъ 3-й баталіонъ Уфимскаго пѣхотнаго полка и бросился въ атаку. Батарея была вновь занята русскими; и тутъ же былъ взятъ въ плѣнъ весь израненый штыками генералъ Бонами, назвавшійся для спасенія жизни Мюратомъ. Вѣсть о плѣненіи Мюрата была съ ликованіемъ встрѣчена штабомъ Кутузова. „Подождемъ подтвержденія“, замѣтилъ осторожный главнокомандующій и былъ правъ. Атака Курганной батареи стоила французамъ 3.000 людей, но и съ нашей стороны потери были велики. Особенно отозвалась на нашемъ успѣхѣ ранняя смерть даровитаго Кутайсова, начальника артиллеріи первой арміи, погибшаго во время Ермоловской контръ-атаки.

Барклай, бывшій во время Бородинскаго боя на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, не преминулъ пріѣхать на Курганную батарею, гдѣ и сдѣлалъ весьма дѣльныя распоряженія. Барклай бросалъ вызовъ смерти, не дорожа въ то время жизнью: подъ нимъ убито было 5 лошадей, около него переранены почти всѣ его адъютанты, но судьба хранила его для лучшихъ дней. Впрочемъ, мужество его было оцѣнено и въ день битвы: раненый левъ русской арміи, Багратіонъ про-

силъ одного изъ адъютантовъ Барклая выразить тому свое уваженіе, а полки первой арміи привѣтствовали своего главнокомандующаго криками: „ура!“, а не провожали обычнымъ для него въ послѣднее время безмолвіемъ.

Первый періодъ боя кончился взятіемъ французами Семеновскаго. Во второмъ, продолжавшемся до вечера, слѣдуетъ отмѣтить демонстративную атаку Уварова, котораго Кутузовъ отправилъ въ обходъ лѣваго фланга Великой арміи. Ермоловъ въ своихъ запискахъ критикуетъ эту атаку, какъ безполезную. Тѣмъ не менѣе, она сдѣлала свое дѣло: отвлекла въ жаркій моментъ боя силы французовъ и не дала въ полной мѣрѣ осуществиться задуманному Наполеономъ обходу лѣваго крыла русскихъ войскъ. Въ центрѣ же нашихъ позицій шелъ упорнѣйшій бой, кончившійся занятіемъ французами Курганной батареи.

Въ этомъ упорномъ бою[1]) были использованы почти всѣ силы русской арміи за исключеніемъ нѣсколькихъ егерскихъ полковъ. У Наполеона стояла нетронутой его старая гвардія. Съ опасеніемъ ожидали ея атаки русскіе вожди, но тщетно взывали къ императору его маршалы. Наполеонъ самъ осмотрѣлъ позицію, видѣлъ, какъ русскіе, отступивъ нѣсколько, ожидаютъ новаго боя, и твердо сказалъ: „Я не дамъ разстроить мою гвардію. Въ 8 стахъ лье (около 3.000 верстъ) отъ Франціи, нельзя рисковать послѣднимъ резервомъ“.

Между тѣмъ бой, безпримѣрный по упорству сражавшихся, стоившій и русскимъ и французамъ по 50 слишкомъ тысячъ выбывшихъ изъ строя убитыми, ранеными и плѣнными, которыхъ было сравнительно очень немного, затихалъ, и лишь канонада гремѣла, да и та ослабѣвала. Барклай послалъ Вольцогена къ Кутузову съ донесеніемъ о положеніи дѣлъ и для испрошенія приказаній. Вольцогенъ изоб-

---

[1]) Ожесточеніе сражавшихся дошло до того, что русскій генералъ Костенецкій вооружился банникомъ (металлической щеткой для чистки орудій) и благодаря своей силѣ отбивалъ на своей батареѣ нападенія враговъ до прихода подкрѣпленія.

разилъ положеніе первой арміи въ самомъ мрачномъ видѣ, чѣмъ вызвалъ неудовольствіе Свѣтлѣйшаго. „Что касается до сраженія, то ходъ его извѣстенъ мнѣ самому какъ нельзя лучше“, — возразилъ Кутузовъ.—„Непріятель отраженъ на всѣхъ пунктахъ; завтра погонимъ его изъ священной земли русской“. По просьбѣ Вольцогена главнокомандующій далъ ему письменный приказъ Барклаю, въ которомъ одобрялъ его дѣйствія и предписалъ сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія къ возобновленію на другой день битвы. Подобное предписаніе получилъ и временно-начальствующій второй арміей генералъ Дохтуровъ. Кромѣ того адъютантъ Ермолова штабсъ-капитанъ Граббе былъ посланъ предварить войска о предстоящемъ боѣ. Вѣстника этого встрѣчали съ радостью, а между тѣмъ послѣ личныхъ донесеній Дохтурова и Толя о совершенномъ разстройствѣ второй арміи, Кутузовъ далъ приказъ готовиться къ отступленію.

По всей вѣроятности хитрый и умный старикъ хотѣлъ своими распоряженіями поддержать бодрость русскихъ войскъ, хотя и безъ того очень стойкихъ. Отступить сразу послѣ битвы—значитъ признать себя побѣжденнымъ; готовность къ бою и затѣмъ отказъ отъ своего намѣренія можно истолковать какъ примѣненіе къ вновь выяснившимся обстоятельствамъ, а не позорное оставленіе поля битвы.

Впрочемъ французы поддержали Свѣтлѣйшаго, отступивъ подъ прикрытіемъ ночи съ важнѣйшей изъ занятыхъ ими нашихъ позицій, т. е. Курганной батареи. Такимъ образомъ вопросъ о побѣдѣ остался подъ сомнѣніемъ. Что касается мужества и храбрости, проявленныхъ обѣими арміями, то справедливо мнѣніе одного изъ участниковъ боя: „Если бы мы, воины обѣихъ сторонъ, забывъ на время вражду нашихъ повелителей, предстали на другой день передъ алтаремъ правды, то Слава, конечно, признала бы насъ братьями“. Во всякомъ случаѣ отступленіе Кутузова позволяло Наполеону представить Бородинскій бой своей побѣдой. Однако самъ императоръ французовъ высказалъ впослѣдствіи мнѣніе, по которому изъ 50-ти сраженій, имъ

данныхъ, „въ битвѣ подъ Москвою выказано наиболѣе доблести и достигнутъ наименьшій успѣхъ". И дѣйствительно, одержавъ тактическую побѣду, Наполеонъ понесъ стратегическое пораженіе. Молніеносный ударъ былъ нанесенъ, но русская армія не была разгромлена. Она отступила въ порядкѣ, и, преслѣдуя ее, Наполеонъ все болѣе растягивалъ свою коммуникаціонную линію, все болѣе удалялся отъ своей базы, а русскія войска полнились въ то время подкрѣпленіями.

Находясь еще на Бородинскихъ позиціяхъ, Кутузовъ отправилъ императору Александру слѣдующее донесеніе о битвѣ 26 августа: „Послѣ донесенія моего о томъ, что непріятель 24-го числа производилъ атаку важными силами на лѣвый флангъ нашей арміи, 25-е число прошло въ томъ, что онъ не занимался важными предпріятіями, но вчерашняго числа, пользуясь туманомъ, въ 4 часа, съ разсвѣтомъ направилъ всѣ свои силы на лѣвый флангъ нашей арміи. Сраженіе было общее и продолжалось до самой ночи; потеря съ обѣихъ сторонъ велика; уронъ непріятельскій, судя по упорнымъ его атакамъ на нашу укрѣпленную позицію, долженъ весьма нашъ превосходить. Войска Вашего Императорскаго Величества сражались съ неимовѣрною храбростью: батареи переходили изъ рукъ въ руки, и кончилось тѣмъ, что непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными своими силами (Ваше Императорское Величество изволите согласиться, что, послѣ кровопролитнѣйшаго и 15-ть часовъ продолжавшагося сраженія, наша и непріятельская арміи не могли не разстроиться и за потерею, въ сей день сдѣланною, позиція прежде занимаемая естественно стала обширнѣе и войскамъ невмѣстною, а потому, когда дѣло идетъ не о славѣ выигранныхъ только баталій, но вся цѣль будучи устремлена на истребленіе французской арміи), ночевавъ на мѣстѣ сраженія (я взялъ намѣреніе отступить 6 верстъ, что будетъ за Можайскомъ), и собравъ разстроенныя баталіею войска, освѣжа свою артиллерію и укрѣпивъ себя ополченіемъ Московскимъ, въ тепломъ упованіи на помощь Всевышняго и на оказанную неимовѣрную храб-

рость нашихъ войскъ, увижу я, что могу предпринять противу непріятеля. Къ сожалѣнію князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ раненъ пулею въ лѣвую ногу; генералъ-лейтенанты Тучковъ и князь Горчаковъ, генералъ-маіоры Бахметьевы, графъ Воронцовъ, Кретовъ—ранены. У непріятеля взяты плѣнные и пушки и одинъ бригадный генералъ. Теперь ночь и не могу еще разобраться, есть ли съ нашей стороны таковая потеря". Это донесеніе за исключеніемъ словъ, взятыхъ нами въ скобки, было напечатано по распоряженію управляющаго Военнымъ Министерствомъ въ 70 № Сѣверной Почты отъ 31 августа. Въ такой формѣ оно получило видъ реляціи о побѣдѣ, что и дало поводъ къ обвиненію многими Кутузова въ обманѣ императора Александра. Но въ полномъ своемъ видѣ донесеніе вовсе не далеко уклоняется отъ истины. Въ немъ невѣрно лишь сообщеніе о томъ, что „непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли". Но, принявъ во вниманіе оставленіе ночью французами нашей Курганной батареи, нельзя очень сильно винить Кутузова за подобныя слова. Въ Петербургѣ при этомъ хотѣли считать Бородинскую битву побѣдой для поддержанія народной бодрости и довѣрія къ Кутузову, и потому дали за нее щедрыя, впрочемъ, заслуженныя, награды. Такъ Свѣтлѣйшій былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы и получилъ 100.000 рублей деньгами, а жена его была пожалована въ статсъ-дамы. Барклай былъ удостоенъ ордена Св. Георгія второй степени, умирающій Багратіонъ получилъ 50.000 рублей и милостивое письмо императора. Милорадовичу и Дохтурову пожалованы алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго, Коновницыну—шпага съ алмазами и т. д. Цѣлый рядъ генералъ-маіоровъ, въ томъ числѣ извѣстные намъ Невѣровскій и Дороховъ, былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ бою, было пожаловано по 5-ти рублей. Фельдфебель Золотовъ, взявшій въ плѣнъ генерала Бонами, былъ произведенъ въ подпоручики.

Всѣ эти награды сыпались на армію и ея вождей какъ разъ въ то время, когда они съ болью въ сердцѣ должны

были оставить Москву. Трудно сказать, имѣлъ ли намѣреніе Кутузовъ дать послѣ Бородинскаго сраженія еще одну битву для защиты Москвы. Правда, за нѣсколько дней передъ боемъ 26-го августа Свѣтлѣйшій въ письмѣ къ Ростопчину выражалъ мысль, что, по его „мнѣнію, съ потерею Москвы соединена потеря Россіи“. Но сколько въ этомъ „мнѣніи“ было искренности и сколько желанія успокоить экспансивнаго главнокомандующаго города Москвы и побудить его къ скорѣйшему снабженію арміи всѣмъ необходимымъ, не беремся рѣшать. Во всякомъ случаѣ Ростопчинъ, громко жаловавшійся впослѣдствіи, что фельдмаршалъ его обманулъ своими заявленіями о недопустимости сдачи Москвы, самъ вводилъ въ заблужденіе Кутузова сообщеніями о силахъ московскаго ополченія, будто бы готоваго къ бою. На дѣлѣ же этихъ силъ не оказалось въ самый нужный для этого моментъ. Мало того Ростопчинъ жалѣлъ выдавать оружіе изъ Московскаго арсенала, очевидно, желая вооружить имъ въ критическую минуту „московскій народъ“, и въ результатѣ оставилъ массу ружей и т. п. въ добычу непріятелю. А Кутузовъ вѣрилъ, или хотѣлъ вѣрить въ ополченіе Ростопчина и уже послѣ Бородинскаго боя настоятельно просилъ московскаго главнокомандующаго о присылкѣ въ армію войскъ, оружія, боевыхъ и иныхъ припасовъ; просилъ также, и находясь всего въ 35-ти верстахъ отъ Москвы, подводъ для того, чтобы послѣ предстоящаго генеральнаго сраженія можно было бы безпрепятственно эвакуировать раненыхъ.

Войска наши отступали между тѣмъ къ Москвѣ, сохраняя порядокъ, какой только возможенъ послѣ кровопролитнаго сраженія, и выдерживая арріергардные бои съ авангардомъ Великой арміи, предводительствуемымъ Мюратомъ. Сама же Великая армія двигалась гораздо медленнѣе, такъ какъ несмотря на всѣ старанія Наполеона пошло много времени на перевязку и эвакуированіе раненыхъ. Сверхъ того не хватало боевыхъ припасовъ, которые наспѣхъ везли изъ Смоленска. Озабочивали императора французовъ и подкрѣпленія людьми, въ которыхъ онъ очень нуждался. Поэтому

онъ стягивалъ къ арміи отряды, оставленные имъ въ разныхъ пунктахъ и такъ называемые маршевые батальоны и эскадроны, предназначенные для укомплектованія войскъ. Но самымъ больнымъ вопросомъ Великой арміи былъ продовольственный въ то время, какъ наши солдаты получали съѣстные припасы въ достаточномъ количествѣ.

Войска наши, постепенно отступая и ожидая новаго боя, подошли наконецъ 1 сентября къ самой Москвѣ и расположились такимъ образомъ: арріергардъ, которымъ командовалъ храбрый и блестящій Милорадовичъ, занималъ село Сѣтунь въ 10-ти верстахъ отъ города, правый флангъ примыкалъ къ Москвѣ рѣкѣ впереди деревни Филей, центръ находился близъ села Троицкаго, а лѣвое крыло занимало Воробьевы горы. Эта позиція, избранная Бенигсеномъ, имѣла рядъ неудобствъ: она была изрѣзана оврагами, мѣшавшими свободному передвиженію войскъ и сообщенію ихъ между собой, правый флангъ ея былъ отрѣзанъ отъ центра рѣчкой Сѣтунью, возвышенности, на которыхъ предполагалось поставить войска, были пологи съ той стороны, откуда шелъ непріятель, и круты на пути возможнаго отступленія нашихъ войскъ. Когда русскіе военачальники ознакомились съ этой позиціей, въ средѣ ихъ поднялось сильное волненіе. Ни Барклай, ни Толь, ни Ермоловъ не могли примириться съ мыслью дать здѣсь битву врагу. Къ Кутузову обращались съ замѣчаніями относительно неудобствъ расположенія войскъ, спорили, волновались. Фельдмаршалъ, находившійся все это время на Поклонной горѣ, внимательно слушалъ говорившихъ, молчалъ и въ часъ дня уѣхалъ на приготовленную ему квартиру въ деревню Фили, шепнувъ при прощаньи принцу Евгенію Виртембергскому, одному изъ генераловъ нашей арміи: „Здѣсь худо ли, хорошо ли, я не долженъ полагаться ни на чью помощь, кромѣ моего разума“.

Въ 5 часовъ дня по распоряженію фельдмаршала состоялся знаменитый въ лѣтописяхъ нашей военной исторіи совѣтъ въ деревнѣ Филяхъ. Въ этомъ совѣтѣ, собравшемся

подъ предсѣдательствомъ Кутузова, приняли участіе: Барклай, Дохтуровъ, Уваровъ, графъ Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ, Кайсаровъ, Толь, Раевскій и Бенигсенъ, явившійся лишь въ 6 часовъ и открывшій совѣщаніе вопросомъ: „Выгоднѣе ли сразиться подъ стѣнами Москвы, или оставить ее непріятелю?“ Фельдмаршалъ упрекнулъ Бенигсена въ несообразности вопроса, прежде котораго надо было выяснить положеніе дѣлъ. Затѣмъ Кутузовъ сдѣлалъ сообщеніе о позиціи, избранной Бенигсеномъ, и въ концѣ его высказалъ мысль: „Пока будетъ существовать армія и пока она сохранитъ возможность противиться непріятелю, до тѣхъ поръ остается надежда окончить успѣшно войну, напротивъ того, по уничтоженіи арміи, не только Москва, но и Россія потеряна“. Въ заключеніе Кутузовъ поставилъ вопросъ: „Ожидать ли нападенія въ невыгодной позиціи, или уступить непріятелю Москву?“

Вопросъ былъ поставленъ ловко, и фельдмаршалъ явно подготовлялъ отвѣтъ на него, надѣясь, быть можетъ, сложить съ себя часть отвѣтственности за оставленіе столицы безъ боя. Однако генералы не удовлетворили ожиданіямъ Свѣтлѣйшаго. Правда, Барклай со свойственной ему прямотой примкнулъ къ мнѣнію главнокомандующаго, предложивъ отступленіе по Нижегородской дорогѣ, но большинство стояло такъ или иначе за принятіе боя. Особенно горячился Бенигсенъ, указывая на политическія невыгоды оставленія Москвы. Толь предложилъ перейти на новыя позиціи, чтобы дать сраженіе и отступить на Калужскую дорогу. Кутузовъ возразилъ на это очень мѣткимъ замѣчаніемъ: „Вы боитесь оставленія Москвы, а я разсматриваю его, какъ Промыслъ, такъ какъ оно спасетъ армію. Наполеонъ—потокъ, который мы не сможемъ теперь остановить. Москва будетъ губкой, которая вберетъ этотъ потокъ въ себя“. Наконецъ, главнокомандующій пожелалъ узнать мнѣніе Раевскаго, прибывшаго послѣ другихъ на совѣтъ. Этотъ храбрый генералъ, какъ онъ самъ разсказываетъ, заявилъ: „Москва не можетъ спасти Россію и потому слѣдуетъ, имѣя преимущественно въ виду сохраненіе арміи, оставить столицу безъ боя. Выро-

чемъ, я разсуждаю, какъ солдатъ, предоставляя князю Михаилу Иларіоновичу рѣшить, какое вліяніе въ политическомъ отношеніи можетъ имѣть занятіе непріятелемъ Москвы".

Выслушавъ мнѣнія всѣхъ собравшихся генераловъ, Кутузовъ, какъ пишетъ Раевскій, окончилъ совѣщаніе словами: „Я чувствую, что мнѣ придется платить за разбитые горшки. Жертвую собой для блага отечества. Приказываю отступать". Въ военномъ журналѣ главной дѣйствующей арміи послѣднія слова переданы иначе: „Съ потерей Москвы еще не потеряна Россія; поставляю первою обязанностью сберечь армію, сблизиться съ подкрѣпленіями и самымъ уступленіемъ Москвы приготовить непріятелю неизбѣжную гибель, и потому намѣренъ, пройдя Москву, отступить по Рязанской дорогѣ".

Поздно кончился совѣтъ. Извѣстіе о рѣшеніи покинуть Москву безъ боя, разгласившееся послѣ того, какъ генералы простились съ фельдмаршаломъ, повергало всѣхъ въ уныніе и стыдъ. Кутузовъ провелъ тревожную ночь. Онъ нѣсколько разъ принимался плакать. Въ избѣ его находились Кайсаровъ и полковникъ Шнейдеръ. Долго заговаривалъ Шнейдеръ съ Свѣтлѣйшимъ и осмѣлился замѣтить: „Гдѣ же мы остановимся?" Фельдмаршалъ вспылилъ, ударилъ кулакомъ по столу и вскричалъ: „Это мое дѣло! Но уже доведу я французовъ, какъ въ прошломъ году турокъ, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо".

Кутузовъ тревожился и плакалъ, а между тѣмъ отдавалъ необходимыя распоряженія. Такъ немедленно по окончаніи военнаго совѣта, онъ написалъ Ростопчину: „Непріятель, отдѣливъ колонны свои на Звенигородъ и Боровскъ, и невыгодное здѣшнее мѣстоположеніе принуждаютъ меня съ горестью Москву оставить. Армія идетъ на Рязанскую дорогу, посему покорно прошу ваше сіятельство прислать мнѣ съ симъ же адъютантомъ моимъ Монтрезоромъ, сколько можно болѣе, полицейскихъ офицеровъ, которые могли бы армію провести черезъ разныя дороги на Рязанскую дорогу".

Прежде чѣмъ говорить о впечатлѣніи, произведенномъ извѣстіемъ объ оставленіи столицы на ея жителей, нужно остановиться нѣсколько на обстоятельствахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Москвѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1812 года. Ростопчинъ всячески поддерживалъ бодрость духа обывателей ввѣренной

его начальническимъ заботамъ Бѣлокаменной. Въ его „афишахъ“, изданныхъ имъ въ теченіе августа, нѣтъ уже, правда, бахвальства Корнюшки Чихирина, но тонъ ихъ бравурный, и врагъ представленъ еще по возможности въ самомъ комичномъ и жалкомъ видѣ: „Французъ не тяжеле снопа оржанаго“, говорится въ одной изъ этихъ афишъ.

Подбадривая жителей Москвы, Ростопчинъ и себя старался всячески настроить на мысль о невозможности взятія непріятелемъ этого города. Онъ безъ особой охоты выпол-

нялъ повелѣніе Государя о вывозѣ изъ Москвы присутственныхъ мѣстъ, не допускалъ до послѣдней минуты вывоза изъ города его святынь и противился отъѣзду его жителей, который тѣмъ не менѣе начался послѣ оставленія нашими войсками Смоленска. Ростопчинъ всѣми силами

Митрополитъ Платонъ.

удерживалъ отъѣзжавшихъ, смѣялся надъ ними, называлъ ихъ трусами и чинилъ имъ всякія препятствія. Невольнымъ путешественникамъ приходилось несладко и отъ окрестныхъ крестьянъ, которые громко кричали имъ вслѣдъ: „Куда, бояре, бѣжите съ своими холопами? Или невзгоды и на васъ пришли, и Москва въ опасности вамъ уже не мила“. Однако, ни Ростопчинъ, ни подмосковные крестьяне, ни страшная дороговизна съѣстныхъ припасовъ и перевозочныхъ средствъ не могли остановить потока бѣглецовъ. Въ послѣдніе дни

августа этотъ потокъ усилился. Изъ Москвы бѣжалъ всякій, кто могъ, куда могъ, какъ могъ и на чемъ могъ. Многіе знатные люди, уѣзжая, оставляли свои московскія хоромы на попеченіи довѣренныхъ слугъ. Москва опустѣла.

Впрочемъ, оставалось много простонародья, вѣрившаго воззваніямъ Ростопчина и ожидавшаго, что графъ поведетъ москвичей на встрѣчу врагу. 29-го августа Ростопчинъ, дѣйствительно, въ своей афишѣ звалъ народъ вооружиться и идти на Три горы. Предполагалось участіе духовенства въ этомъ своеобразномъ походѣ. Разнесся слухъ, что и престарѣлый митрополитъ Платонъ, пріѣхавшій въ то время въ Москву, раздѣлитъ съ Ростопчинымъ этотъ подвигъ. Но, хотя духъ великаго проповѣдника и подвижника былъ бодръ, плоть его была немощна, почему его и уговорили наконецъ вернуться къ себѣ въ Виѳанію. Тѣмъ не менѣе викарій Платона, преосвященный Августинъ, дѣйствительно, ожидалъ соотвѣтствующихъ указаній графа, чтобы стать во главѣ крестнаго хода на Три горы.

Ростопчинъ до послѣднихъ дней увлекался своими фантазіями. Онъ не могъ заставить себя повѣрить въ возможность оставленія Москвы безъ новаго боя. Свидясь съ Кутузовымъ, когда русскія войска были уже въ 25 верстахъ отъ Москвы, онъ и тогда получилъ увѣренія въ противномъ. Осторожный Кутузовъ не выяснилъ ему своихъ плановъ, хотя и намекнулъ: „Паденіе Смоленска ведетъ за собой паденіе Москвы“. Однако, лишь при свиданьи съ Кутузовымъ на Поклонной горѣ, когда шли разсужденія о неудобствахъ занятой войсками позиціи, Ростопчинъ уразумѣлъ, къ чему идетъ дѣло и, увлекшись на этотъ разъ новой идеей, сталъ увѣрять, что Москву не стоитъ уже защищать, что въ ней осталось всего лишь 40.000 жителей и что все важное изъ нея уже вывезено.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ Москву пришло письмо Кутузова. Тогда только распорядился Ростопчинъ объ увозѣ изъ Москвы ея святынь, но за недостаткомъ времени далеко не все цѣнное было вывезено изъ столицы. Затѣмъ поспѣшилъ главнокомандующій Москвы

вывести и вывезти изъ нея по возможности всѣхъ раненыхъ, которыхъ только можно было обречь случайностямъ пути, приказалъ удалить изъ города пожарный обозъ, полицію, колодниковъ. Онъ выпустилъ также изъ долговой тюрьмы до 20 находившихся тамъ арестантовъ.

Послѣдній день своего начальствованія Москвой Ростопчинъ запятналъ казнью купеческаго сына Верещагина, молодого парня 20-ти лѣтъ, все преступленіе котораго состояло въ переводѣ одного изъ возмутительныхъ пасквилей, распространявшихся агентами Наполеона, за границей. Верещагинъ, томившійся съ іюля въ тюрьмѣ, былъ зарубленъ саблями по приказанію главнокомандующаго Москвой, утромъ 2-го сентября.

Видя лихорадочную дѣятельность Ростопчина, слыша, что русскія войска отступаютъ, многіе изъ оставшихся москвичей спѣшили покинуть городъ, въ которомъ царила паника. Оставались сравнительно немногіе: или дворня знатныхъ господъ, приставленная ими для охраны имущества, или бѣдняки, или застигнутые врасплохъ. Находились и такіе, которые оставались до послѣдней минуты въ невѣдѣніи надвигавшейся грозы. Эти бѣжали одновременно съ выступленіемъ изъ Москвы послѣднихъ отрядовъ русскихъ войскъ.

Наша армія проходила черезъ Москву весь день 2-го сентября. Войска были мрачны и унылы, лишь обаяніе имени Кутузова удерживало ихъ отъ возмущенія. Самъ фельдмаршалъ избѣгалъ встрѣчъ съ населеніемъ. При въѣздѣ въ Москву онъ спросилъ: „Кто можетъ меня проводить такъ, чтобы насъ никто не встрѣтилъ?“ Пылкій поклонникъ Свѣтлѣйшаго, офицеръ его свиты, князь А. Б. Голицынъ вызвался сдѣлать это и проводилъ Кутузова переулками до рѣки Яузы. На Яузскомъ мосту Кутузовъ встрѣтился съ Ростопчинымъ, который, съ нагайкой въ рукахъ, старался ускорить движеніе и жителей, и войскъ черезъ мостъ. Ростопчинъ пытался заговорить съ фельдмаршаломъ, но послѣдній не отвѣчалъ, а лишь приказывалъ очистить мостъ, какъ можно скорѣе. Выбравшись, наконецъ, за заставу, Кутузовъ

сѣлъ на свою походную скамеечку и сталъ ожидать вѣстей отъ Милорадовича, начальника арріергарда. Отступленіе русской арміи черезъ древнюю столицу Россіи совершилось. Москва была оставлена въ добычу врагу: вѣрнѣе, принесена въ жертву для спасенія Россіи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Наполеонъ въ Москвѣ.

Милорадовичъ. — Перемиріе съ Мюратомъ. — Французы у Москвы.— Наполеонъ на Поклонной горѣ.—Ожиданіе депутаціи отъ жителей.— Занятіе Москвы французами.—Попытка черни защищать Кремль.—Ночь 3 сентября.—Начало грабежей и пожаровъ.—Въѣздъ Наполеона въ опустѣлую Москву.—Наполеонъ въ Кремлѣ.—Московскіе пожары и ихъ ужасы.—Наполеонъ въ Петровскомъ дворцѣ.—Причины пожаровъ.—Ихъ прекращеніе.—Возвращеніе Наполеона въ Кремль.—Организованный грабежъ.—Святотатство.—Относительная мягкость Даву.—Примѣры снисходительности непріятелей къ Москвичамъ.—Ожесточеніе русскихъ.— Богослуженіе въ нѣкоторыхъ церквахъ.—Попытки Наполеона водворить порядокъ въ Москвѣ.—Организація имъ временнаго правленія для Москвичей.—Театральныя представленія въ Москвѣ.—Изыскиванье Наполеономъ способовъ дальнѣйшихъ дѣйствій.—Совѣтъ Дарю зимовать въ Москвѣ.—Планъ демонстраціи на Петербургъ.—Тщетныя попытки

вступить въ мирные переговоры съ императоромъ Александромъ.—Приготовленія къ уходу изъ Москвы.—Смотръ войскамъ Нея.—Рѣшеніе немедленно выступить изъ Москвы.

Рѣшившись сдать Москву безъ боя, Кутузовъ думалъ о томъ, какъ облегчить отступленіе своей арміи черезъ огромный городъ. Поэтому Ермоловъ по порученію фельдмаршала написалъ письмо Милорадовичу, именемъ главнокомандующаго прося его, какъ можно долѣе удерживать непріятеля подъ Москвой. „Если нужно будетъ, то почтите видомъ сраженія древнія стѣны Москвы", стояло въ письмѣ. Прямой и горячій Милорадовичъ возмутился тономъ письма и хотѣлъ даже отказаться отъ командованія арріергардомъ, однако во время одумался и оказалъ благодаря своей находчивости и репутаціи очень важную услугу отступающей арміи, заставивъ французовъ принять предложенное имъ перемиріе.

Это произошло 2-го сентября. Доведя свой арріергардъ до Поклонной горы и замѣтивъ, что остальная армія медленно проходитъ черезъ городъ, Милорадовичъ отправилъ во всѣ стороны конные отряды, которые должны были ускорить движеніе нашихъ войскъ. Потомъ воспользовавшись тѣмъ, что у него было письмо отъ Кайсарова къ Бертье, начальнику штаба Великой арміи, съ просьбой Кутузова позаботиться объ оставленныхъ нами тяжелораненыхъ, начальникъ русскаго арріергарда вызвалъ изъ рядовъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка офицера, хорошо говорящаго по французски. Выѣхалъ штабсъ-ротмистръ Акинфовъ. Милорадовичъ вручилъ ему письмо къ Бертье и приказалъ отдать его въ руки Мюрату, командующему французскимъ авангардомъ, и сказать: „Если французы желаютъ занять Москву цѣлою, то должны, не наступая сильно, дать намъ спокойно выйти изъ нея, съ артиллеріею и обозомъ. Въ противномъ случаѣ генералъ Милорадовичъ передъ Москвою и въ Москвѣ будетъ драться до послѣдняго человѣка и вмѣсто Москвы оставитъ одни развалины". Прощаясь съ Акинфовымъ, Милорадовичъ поручилъ ему какъ можно долѣе задерживаться у французовъ. Взявъ съ собой труба-

ча изъ личнаго конвоя командующаго арріергардомъ, штабсъ-ротмистръ пустился въ путь. Сперва его повели къ командующему аванпостами генералу Себастіани, а послѣ вслѣдствіе его настояній и къ Мюрату. Тотъ ласково встрѣтилъ русскаго офицера, засыпалъ его разными разспросами и согласился на перемиріе, „изъ уваженія“ къ доблестямъ Милорадовича. Любезничая съ Акинфовымъ, Мюратъ замѣтилъ, что война затянулась долго. „Пора мириться“, заключилъ онъ. Перемиріе состоялось. Затѣмъ, когда пѣхота нашего авангарда вступила уже въ городъ, Милорадовичъ повидался съ генераломъ Себастіани и поѣхалъ къ Кремлю.

Здѣсь разыгралась трагикомическая сцена. Начальникъ гарнизона, генералъ-лейтенантъ Брозинъ, слѣдуя полученному имъ еще ночью приказанію Ростопчина, выводилъ изъ Кремля ввѣренный ему Московскій гарнизонный полкъ. Полкъ шелъ съ музыкой, пѣсенники впереди. Среди народа и войскъ слышался грозный ропотъ и восклицанія: „Что это за измѣнникъ радуется нашему несчастію?!“ Взволнованный и разсерженный Милорадовичъ подскакалъ къ Брозину съ крикомъ: „Какая каналья приказала вамъ выходить съ музыкой“.

Брозинъ простодушно отвѣтилъ: „Въ регламентѣ Петра Великаго сказано, если гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ позволеніе выступить свободно, то выходитъ съ музыкой“.

—„Развѣ въ Регламентѣ Петра Великаго есть что нибудь о сдачѣ Москвы?! Прикажите замолчать вашей музыкѣ!“

Акинфовъ догналъ Милорадовича уже близъ Яузы и получилъ отъ него приказаніе снова ѣхать къ Мюрату съ предложеніемъ продлить перемиріе до семи часовъ утра слѣдующаго дня. Мюратъ, бывшій уже у Дорогомиловской заставы, согласился и на это условіе. Такимъ образомъ слава неустрашимости Милорадовича и желаніе французовъ безъ боя овладѣть Москвой оказали большую услугу русской арміи и сохранили въ цѣлости ея арріергардъ.

Наполеонъ тѣмъ временемъ приближался къ Первопрестольной нашей столицѣ. Послѣ Бородина онъ не былъ

увѣренъ въ отступленіи русской арміи по Московской дорогѣ, боялся, что она зайдетъ въ тылъ его войскамъ, подвигался, такъ сказать, ощупью и лишь подъ Москвой убѣдился, что желанная минута вступленія въ „сердце“ Россіи близка. „Вотъ наконецъ онъ, этотъ знаменитый городъ!“,—воскликнулъ императоръ французовъ, въ сопровожденіи своей свиты въѣхавшій на Поклонную гору, и прибавилъ:—„Да и пора, давно пора!“ Лицо Наполеона дышало счастьемъ. Онъ снова былъ на вершинѣ славы и не подозрѣвалъ печальнаго оборота судьбы, уже неотвратимаго.

Долго смотрѣлъ Наполеонъ въ подзорную трубу за движеніемъ своего авангарда. Затѣмъ сошелъ съ коня, сталъ разсматривать карту Москвы и дѣлать распоряженія къ охранѣ города и его жителей. Наконецъ, былъ данъ сигналъ выстрѣломъ изъ пушки, чтобы авангардъ и главныя войска шли къ Москвѣ. Тогда и самъ Наполеонъ, и его свита сѣли на коней, и все понеслось къ Дорогомиловской заставѣ, гдѣ раздалось радостное: „Да здравствуетъ императоръ!“ Наполеонъ сошелъ съ коня и сталъ ходить по лѣвой сторонѣ Камеръ-Коллежскаго вала, „въ спокойномъ настроеніи духа“, поджидая депутаціи Московскихъ жителей. Онъ распорядился еще ранѣе послать въ Москву своихъ приближенныхъ, графа Дюронеля и барона Денье съ порученіями. Дюронель обязанъ былъ „устроить порядокъ службы и составить депутацію, которая должна“ была „поднести ключи“ императору. На Денье возлагалась поѣздка „въ правительственныя учрежденія и мѣста“, сборъ „свѣдѣній объ имѣющихся средствахъ“ и донесеніе обо всемъ императору. Дюронель и Денье отправились исполнять порученіе Наполеона, но никого не видѣли въ опустѣлой столицѣ, кромѣ толпы иностранцевъ, искавшихъ ихъ покровительства. Одинъ изъ этой толпы, типографщикъ Ламуръ, былъ приведенъ къ Наполеону, котораго обожалъ, и имѣлъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

—„Государь, имѣю честь...“

—„Давно ли городъ оставленъ жителями, когда оставили его начальники и власти“.

—„Москвичами овладѣлъ паническій страхъ при вѣсти о торжественномъ приближеніи вашего величества, и въ нѣсколько дней городъ опустѣлъ. Графъ Ростопчинъ послѣдній выѣхалъ изъ города. Люди, имѣющіе вѣрныя свѣдѣнія, увѣряли меня, что онъ рѣшился уѣхать только 31-го августа".

—„Прежде Бородинскаго боя? Что за сказки"—и, повернувшись спиной къ Ламуру, раздосадованный Наполеонъ добавилъ: „Дуралей!"

Несчастный Ламуръ вызвалъ гнѣвъ своего кумира, въ разсѣянности исчисляя время по привычному ему русскому счету. Однако другіе французы, жившіе въ Москвѣ, подтвердили Наполеону правдивость словъ Ламура.

Разочарованный императоръ французовъ долго не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ. Онъ подозвалъ къ себѣ своего адъютанта Гурго: „Москва оставлена жителями? Какое невѣроятное событіе! Надо его обдумать. Подите, приведите ко мнѣ бояръ!" Наполеонъ не могъ повѣрить очевидности, которая „поразила его, какъ громовой ударъ". Онъ какъ будто „впалъ въ самозабвеніе": его походка сдѣлалась безпорядочной, движенія порывистыми, онъ, видимо, не зналъ, какъ совладать съ своимъ волненіемъ. Наполеонъ пытался успокоить себя мыслью, что жители „не знаютъ, какъ надо сдаваться; здѣсь все ново для нихъ и для насъ". Императоръ французовъ не могъ справиться съ собой „битый часъ, и во все это время окружавшіе его генералы стояли передъ нимъ неподвижно, и ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ и пошевелиться". Наконецъ, Наполеонъ поуспокоился и поѣхалъ верхомъ въ Дорогомиловскую слободу, гдѣ и провелъ ночь въ одномъ изъ постоялыхъ дворовъ: французы опасались, не оставлена ли въ Москвѣ засада. Вечеромъ были императоромъ французовъ изданы приказы о занятіи войсками разныхъ частей города, о назначеніи Дюронеля губернаторомъ Москвы, и о собираніи извѣстій о движеніи русскихъ войскъ.

Наступалъ уже вечеръ, когда передовые отряды французовъ достигли Кремля. Здѣсь встрѣтила ихъ толпа своеобразныхъ защитниковъ Москвы. Дѣло въ томъ, что при

оставленіи города нашими войсками и большинствомъ жителей многіе кабаки и винные погреба были разбиты: „русскій человѣкъ“,—замѣтилъ одинъ изъ очевидцевъ этого,—„и въ радости, и въ горѣ пьетъ одинаково“. Кромѣ того была и мысль: зачѣмъ вино достанется непріятелю. Во всякомъ случаѣ нѣсколько сотъ москвичей подъ вліяніемъ горькой обиды за Москву, воззванія Ростопчина и винныхъ паровъ рѣшились защищать городъ, забрали оружіе изъ арсенала и встрѣтили французскія войска, вступавшія въ Кремль, безпорядочнымъ ружейнымъ огнемъ. Однако, залпа изъ 2-хъ орудій и атаки уланъ оказалось достаточнымъ, чтобы напугать „храбрецовъ“ и заставить ихъ просить пощады.

Этимъ происшествіемъ закончился день 2 сентября. Въ ночь на 3 начался грабежъ города. И нельзя было несмотря на принятыя Наполеономъ мѣры удерживать въ повиновеніи голодныхъ и измученныхъ солдатъ, достигшихъ богатаго и беззащитнаго города. Кромѣ того сами маршалы и генералы подавали примѣръ беззастѣнчиваго хозяйничанья чужимъ добромъ. Такъ Мюратъ и его свита остановились въ богатомъ домѣ Баташева, гдѣ измучили прислугу, оставленную для охраны имущества, своими требованіями и придирчивостью. Впрочемъ, несмотря на обильный ужинъ, одному лишь Мюрату подали 1/4 сайки, уцѣлѣвшую случайно у дворовыхъ ребятъ; остальные французы, хотя и съ бранью, принуждены были довольствоваться чернымъ хлѣбомъ: бѣлаго нельзя было достать. Такъ же, какъ Мюратъ, хозяйничали и другіе генералы того авангарда, которому Наполеонъ поручилъ слѣдить за русской арміей. Офицеры не отставали отъ нихъ. Начались сцены грабежа и насилій. Несчастныхъ русскихъ не только обирали, но и обращали въ носильщиковъ, навьючивая на нихъ ихъ же добро и безжалостно погоняя ударами кнутовъ и сабель. И дисциплина пала сразу до такой степени, что солдаты осмѣлились броситься съ оружіемъ въ рукахъ на офицера, который сталъ гнать ихъ изъ занятаго ими дома, такъ какъ они хотѣли разграбить его.

Такъ прошла ночь на 3 сентября. Въ городѣ начина-

лись пожары, на которые сперва мало обращали внимания пришельцы, занятые грабежомъ и разгуломъ. Наполеонъ, переночевавъ въ Дорогомиловской слободѣ, утромъ 3 сентября торжественно въѣхалъ въ Москву и прослѣдовалъ въ Кремлевскій царскій дворецъ. Онъ ѣхалъ по опустѣлымъ улицамъ, удивленно и сердито восклицая: „Ни одного чело-

вѣка! Какой народъ! Это, право, невѣроятно!“ Суровое лицо его нѣсколько прояснилось при видѣ Кремля. „Вотъ эти, гордыя славой, стѣны“,—сказалъ онъ и, войдя во дворецъ, промолвилъ:—„Наконецъ я въ Москвѣ, въ древнемъ дворцѣ Царей, въ Кремлѣ“.

Гордость императора французовъ была удовлетворена: вся Европа узнаетъ о занятіи его арміей Москвы. Но что дѣлать дальше? Наполеонъ старался успокоить и себя и окружающихъ: „Русскіе еще сами не знаютъ, какое произведетъ на нихъ впечатлѣніе занятіе Москвы“. „Посмотримъ, что будутъ дѣлать русскіе. Если они еще не войдутъ въ мирные

переговоры съ нами, мы сдѣлаемъ свое дѣло, представимъ міру небывалое явленіе спокойно зимующей арміи посреди враждебнаго ей народа, окружающаго ее со всѣхъ сторонъ. Наши зимнія квартиры обезпечены. Французская армія, пребывающая въ Москвѣ, будетъ походить на корабль, обхваченный льдинами... Но съ возвращеніемъ весны мы снова начнемъ войну... Впрочемъ, до этого не дойдетъ. Императоръ Александръ не доведетъ меня до этого. Мы войдемъ съ нимъ въ соглашеніе, и онъ подпишетъ миръ".

Такими соображеніями убаюкивалъ себя Наполеонъ, а грозная дѣйствительность настойчиво указывала ему, что бѣдствіямъ войны не видать и конца. Уже въ ночь на 3 сентября, какъ мы только что отмѣтили, въ нѣсколькихъ мѣстахъ Москвы вспыхнули довольно сильные пожары. Днемъ эти пожары приняли обширные размѣры, а въ ночь на 4-е весь городъ казался погруженнымъ въ море огня. Обиліе деревянныхъ зданій, масса товаровъ, среди которыхъ было много мануфактурныхъ, давали обильную пищу пламени, разгоравшемуся все сильнѣе и сильнѣе. При этомъ поднялся страшный вѣтеръ, перешедшій затѣмъ въ вихрь и отчасти бывшій слѣдствіемъ пожаровъ; этотъ вихрь съ яростью перебрасывалъ съ мѣста на мѣсто горящія головни и всюду распространялъ такимъ образомъ всепожирающее пламя. Не даромъ ночь на 4-е всѣми очевидцами называется страшной.

Наполеонъ спокойно провелъ эту *страшную* ночь; мучившая его долгое время простуда стала проходить, и онъ привѣтливо освѣдомился у доктора Метивье: „Что новаго?" Тотъ отвѣтилъ, что сильные пожары распространяются вокругъ Кремля. „Это неосторожность солдатъ, они, вѣроятно, разложили огни для приготовленія пищи слишкомъ близко къ деревяннымъ домамъ", равнодушно замѣтилъ Наполеонъ. Вдругъ взглядъ его остановился, выраженіе лица, „исполненное благорасположенія, сдѣлалось ужаснымъ"; онъ вскочилъ съ постели, молча одѣлся, „толкнулъ ногой такъ сильно Мамелюка, который подалъ ему сапогъ лѣвой ноги на правую, что тотъ упалъ навзничь, и вышелъ въ другую

комнату". Онъ вспомнилъ о ходившихъ тогда слухахъ, будто русскіе хотѣли сжечь Москву. Страшное безпокойство охватило Наполеона; въ жестокой тревогѣ, гнѣвно метался онъ по комнатамъ дворца, восклицая отрывисто и рѣзко: „Какое ужасное зрѣлище!!.. Это они сами поджигаютъ!!.. Сколько прекрасныхъ зданій!!.. Какая необычайная рѣшимость!!.. Что это за люди: это скиѳы!" Нѣкоторые изъ окружавшихъ императора все еще полагали, что причиной пожаровъ были „недостатокъ дисциплины и пьянство солдатъ". Этимъ людямъ было „совѣстно" „смотрѣть на себя". Ихъ „устрашалъ крикъ ужаса, который раздастся по всей Европѣ...". Они готовы были признать себя „войскомъ разбойниковъ, надъ которымъ должно совершиться правосудіе Неба и образованнаго міра". Наполеонъ не раздѣлялъ, или не хотѣлъ раздѣлять этихъ мнѣній. Его охватило чувство досады: „Москва не существуетъ, пропала награда, которую я обѣщалъ моимъ храбрымъ войскамъ". И это чувство заставило его укорениться въ мысли, что Москва сожжена по приказанію кого-нибудь изъ правящихъ лицъ. Ненависть, которую онъ питалъ къ Ростопчину, хорошо зная объ его распоряженіяхъ, афишахъ и наконецъ высылкѣ въ августѣ мѣсяцѣ изъ Москвы цѣлаго ряда мирныхъ французовъ, подсказала ему и имя главнаго, по мнѣнію Наполеона, виновника поджоговъ.

Однако, некогда было предаваться гнѣву: пожаръ угрожалъ самому Кремлевскому дворцу. Наполеонъ все еще медлилъ. Ему не хотѣлось покидать жилища „древнихъ Русскихъ царей". Вдругъ распространился слухъ, что подъ Кремлемъ устроены мины, и раздались отчаянные крики: „Кремль горитъ". И дѣйствительно, Троицкая башня уже загоралась. Правда, пожаръ былъ потушенъ. Но нельзя было долѣе рисковать. Наполеонъ рѣшилъ оставить Кремль и переселился въ Петровскій дворецъ. Это было въ 2 часа дня. Прямая дорога по Тверской представляла собой море огня. Да и вообще выходы изъ Кремля были преграждены страшнымъ пламенемъ. Послѣ долгихъ усилій открыли выходъ къ Москвѣ рѣкѣ. „Черезъ него",—говоритъ одинъ

изъ участниковъ путешествія Наполеона по горящей Москвѣ,—„вышли“ императоръ французовъ „со своей свитой и гвардіей изъ Кремля. Но что же за тѣмъ? Подойдя ближе къ пожару, мы не могли ни отступить назадъ, ни остановиться на мѣстѣ. Но какъ идти впередъ, въ эти волны огненнаго моря? Тѣ, которые успѣли нѣсколько познакомиться съ городомъ, не узнавали улицъ, исчезавшихъ въ дыму и развалинахъ. Однако же, надо было спѣшить: съ каждымъ мгновеніемъ все болѣе и болѣе усиливался вокругъ насъ пожаръ. Одна узкая извилистая улица казалась болѣе входомъ, нежели выходомъ изъ этого ада. Императоръ пѣшкомъ, не задумываясь, пошелъ по этой улицѣ. Онъ шелъ среди треска этихъ горѣвшихъ костровъ при грохотѣ разрушавшихся сводовъ и падавшихъ вокругъ насъ горящихъ бревенъ и раскаленныхъ желѣзныхъ кровельныхъ листовъ. Эти обломки затрудняли его путь. Пламя, возвышавшееся надъ кровлями и съ такой яростью пожиравшее зданія, среди которыхъ онъ шелъ, силою вѣтра наклонялось надъ нашими головами. Мы шли по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, между огненныхъ стѣнъ. Сильный жаръ жегъ наши глаза, но мы не могли сомкнуть ихъ и должны были пристально смотрѣть на опасность. Удушливый воздухъ, горячій пепелъ и вырывавшееся отовсюду пламя спирали наше дыханіе, короткое, сухое, стѣсненное и подавляемое дымомъ. Наши руки обжигались, защищая лицо отъ ужаснаго жара и отстраняя искры, осыпавшія и прожигавшія платье“. Въ заключеніе бѣдствій Наполеонъ и его спутники заблудились въ Арбатскихъ переулкахъ и чуть было не погибли. По преданію русскій, согласившійся быть ихъ проводникомъ, съ намѣреніемъ завелъ ихъ, жертвуя своей жизнью, въ безвыходное мѣсто. Случай спасъ Наполеона. Ему встрѣтились солдаты корпуса маршала Даву, которыхъ даже суровость ихъ вождя не могла сдержать отъ попытокъ грабежа. Они-то и вывели императора къ Москвѣ рѣкѣ у Дорогомиловскаго моста. Когда Наполеонъ, уже верхомъ, медленно пробирался отсюда, къ нему бросилась женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Она судорожно

Пожаръ въ Кремлѣ.

схватилась за сапогъ императора французовъ и умоляла: „Государь, пощадите меня, спасите моего сына!“ Смущенный Наполеонъ успокаивалъ ее: „Успокойтесь, успокойтесь; будутъ приняты всѣ мѣры для спасенія васъ и вашего

сына". Женщина оказалась женой злосчастнаго режиссера Армана Домерга, высланнаго Ростопчинымъ 22-го августа вмѣстѣ съ 42 другими иностранцами на баркѣ въ Нижній-Новгородъ. Она сопровождала Наполеона до Петровскаго дворца, куда онъ со свитой прибылъ лишь къ вечеру 4-го сентября.

Въ этомъ дворцѣ, находящемся за Тверской заставой, Наполеонъ былъ въ безопасности отъ пожара, который свирѣпствовалъ все съ большей силой. Испуганные жители искали спасенія себѣ и своему имуществу въ церквахъ. Но и самые храмы не могли служить убѣжищемъ отъ огня, становясь его добычей. Всюду происходили раздирающія душу сцены: спасаясь отъ огня, москвичи дѣлались жертвой грабителей, которыхъ не могло остановить даже пламя. Такъ продолжалось до вечера 5-го сентября; въ ночь на шестое полилъ сильный дождь, вѣтеръ стихъ, и пожары мало-по-малу стали ослабѣвать. Мостовая охладилась, въ Москвѣ можно было жить. 8-го сентября Наполеонъ переѣхалъ снова въ Кремлевскій дворецъ, послѣ того какъ ему донесли о совершенномъ прекращеніи пожаровъ.

Московскіе пожары, столь ужасные и неожиданные для французовъ, возбудили рядъ толкованій относительно причины ихъ возникновенія. Наши предки при первыхъ вѣстяхъ о пожарахъ искренне винили французовъ въ поджогахъ русской столицы. Это обнаружилось уже тогда, когда наша армія была еще вблизи Москвы, надъ которой съ 3-го сентября стояло огромное зарево... „Вотъ тебѣ и златоверхая Москва! Красуйся, матушка, Русская столица!", говорили солдаты въ негодованіи. Подобный взглядъ раздѣляло и наше правительство, начиная съ самого императора Александра, который открыто упрекалъ Наполеона, сжегшаго Москву. Среди французовъ возобладала вскорѣ мысль о томъ, что московскіе пожары были дѣломъ агентовъ Ростопчина. И дѣйствительно, нѣсколько русскихъ было обвинено въ поджогахъ, и нѣкоторые изъ нихъ поплатились при этомъ жизнью. Ростопчину были поставлены въ вину не только его настоящія распоряженія объ уходѣ полиціи и увозѣ пожарнаго обоза,

но и несправедливо приписанный ему выпускъ всѣхъ уголовныхъ колодниковъ изъ московскихъ тюремъ. Кромѣ того даже дѣятельныя хлопоты Ростопчина по сооруженію особаго воздушнаго шара, предназначеннаго къ метанію съ него взрывчатыхъ веществъ, которое потерпѣло полную неудачу, послужили графу во вредъ. По убѣжденію Наполеона никакого шара въ дѣйствительности и не сооружали, а готовили петарды для зажиганія московскихъ домовъ.

Какъ мы знаемъ, послѣднія предположенія императора французовъ были совершенно невѣрны и даже наивны. Сверхъ того нѣтъ никакихъ подтвержденій и для остальныхъ его увѣреній. Правда, Ростопчинъ не опровергалъ сперва слуховъ о своей прикосновенности къ дѣлу, надѣясь, вѣроятно, этимъ увеличить свою популярность и лишь впослѣствіи сталъ отрицать ихъ правдивость. Но Ростопчинъ вообще не заслуживаетъ особаго довѣрія. Поэтому нельзя истолковывать его молчанія въ пользу участія главнокомандующаго столицы въ московскихъ пожарахъ, равно какъ нельзя придавать вѣры и его позднѣйшему отрицанію этого участія. Принимая же во вниманіе всю обстановку московскихъ пожаровъ, склонность русскихъ сжигать и портить свое добро, чтобы оно не доставалось врагамъ, несомнѣнные случаи поджоговъ, имѣвшіе мѣсто въ тѣ дни, безпечность и разгулъ солдатъ Великой арміи, не трудно придти къ заключенію, что причинъ этого бѣдственнаго для французовъ явленія было, главнымъ образомъ, двѣ: поджоги со стороны русскихъ, неосторожное обращеніе съ огнемъ непріятельскихъ солдатъ. И въ томъ, что пожары разыгрались съ такой стихійной силой, виноваты обѣ стороны: русскіе неохотно гасили огонь, французы сперва не обращали на пожары никакого вниманія и поздно поняли угрожавшую ихъ добычѣ опасность. Ростопчинъ же, такъ сказать, „подлилъ масла въ огонь“: онъ зналъ характеръ своего народа, слышалъ, по всей вѣроятности, толки о томъ, что Москву въ случаѣ занятія ея непріятелемъ подожгутъ, и... распорядился вывезти изъ столицы весь пожарный обозъ.

Кто бы ни былъ виновникомъ московскихъ пожаровъ

1812 года, несомнѣнно одно: послѣ нихъ Наполеонъ не церемонился болѣе съ москвичами и ихъ имуществомъ. Онъ рѣшилъ отдать городъ на разграбленіе солдатамъ Великой арміи, причемъ придалъ грабежу систематическій характеръ. Наполеонъ предписалъ, чтобы всѣ корпуса высылали отъ себя одинъ за другимъ, каждый въ опредѣленный день, по нѣсколько отрядовъ „для приготовленія себѣ припасовъ продовольствія“, проще говоря, для грабежа.

Легко представить себѣ слѣдствія такого распоряженія. Каждый изъ отрядовъ дѣйствовалъ съ жадностью, доходящей до остервененія, не надѣясь, что ему выпадетъ случай поживиться еще разъ. Поэтому самый наглый и безжалостный грабежъ царилъ въ это время въ Москвѣ. „Нельзя себѣ объяснить жадность этихъ негодяевъ“,—разсказываетъ одинъ изъ потерпѣвшихъ жителей, мирный москвичъ-французъ,—„не видавъ собственнаго ихъ бѣдственнаго положенія. Безъ сапогъ, безъ нижняго платья, въ лохмотьяхъ вмѣсто одежды, вотъ въ какомъ положеніи находились солдаты Великой арміи, исключая лишь императорскую гвардію. Когда они возвращались въ свои лагери, облеченные въ самыя разнообразныя одежды, то ихъ можно было распознавать развѣ только по оружію. Но всего ужаснѣе было то, что офицеры, также какъ и солдаты, ходили изъ дома въ домъ и грабили. Другіе, менѣе безстыдные, довольствовались грабежами въ собственныхъ квартирахъ. Даже генералы, подъ предлогомъ реквизицій по обязанностямъ службы, брали повсюду все, что имъ нравилось, или перемѣняли квартиры съ тѣмъ, чтобы грабить новыя свои жилища“. При этомъ иностранцевъ грабили такъ же безпощадно и безстыдно, какъ русскихъ. Переодѣванье во всевозможныя одежды позволяло солдатамъ грабить даже своихъ офицеровъ, которыхъ они якобы не узнавали въ ихъ новыхъ костюмахъ.

Эти организованные грабежи, разоряя жителей, губили окончательно дисциплину почти во всей Великой арміи и породили въ ней даже мелкую междоусобную войну. Дѣло въ томъ, что по возвращеніи Наполеона въ Кремль его свита, начальники и офицеры, утомленные жизнью на би-

вуакахъ, заняли уцѣлѣвшіе въ городѣ дома. Эти постояльцы и ихъ солдаты защищали своихъ хозяевъ или вообще русскихъ, спасшихся въ дома, въ которыхъ былъ постой, отъ насилій грабившихъ ихъ солдатъ и прибѣгали при этомъ къ оружію. Къ чести собственно французовъ надо отмѣтить, что они вообще были наименѣе алчными и наиболѣе жалостливыми изъ всей разношерстной толпы непріятельскихъ солдатъ. Наибольшія насилія и жестокости чинили виртембергцы, баварцы и поляки.

Не щадя жителей столицы, Великая армія не щадила и московскихъ святынь. Самъ Наполеонъ приказалъ собирать и выплавлять въ слитки все золото и серебро, находившееся въ московскихъ храмахъ и не вывезенное оттуда: не все успѣли увезти на 300 подводахъ, данныхъ для этой цѣли Ростопчинымъ. Маршалы не отставали отъ своего повелителя, а тѣмъ болѣе низшіе начальники и солдаты. Мало того, что святыню грабили; надъ ней ругались, обращая храмы въ жилища, склады для мяса, съѣстныхъ припасовъ и т. д., алтари—въ конюшни, иконами топя печи и т. д. Такъ, проходя по Замоскворѣчью близъ Козмодемьянской церкви, „изъ растворенныхъ дверей увидѣлъ я“,—говоритъ русскій очевидецъ,—„выходящій густой дымъ и стоявшаго на паперти непріятеля. Онъ курилъ табакъ и былъ одѣтъ по домашнему, въ колпакѣ безъ галстука, съ накинутою на плечи шинелью. Увидавъ меня, онъ подозвалъ къ себѣ, взялъ подъ руку и повелъ въ церковь. Войдя въ трапезу, наполненную дымомъ, я повсюду увидалъ слѣды грабежа и буйства. По серединѣ храма пылалъ костеръ, вмѣсто дровъ горѣли осколки иконъ, надъ огнемъ лежалъ на камняхъ желѣзный шестъ, на которомъ пекся картофель. Церковный постоялецъ далъ ихъ мнѣ нѣсколько, говоря: „Добре, Русъ“. Я отблагодарилъ поклономъ. Послѣ того, желая, быть можетъ, похвастаться своимъ домашнимъ хозяйствомъ, онъ указалъ на клиросы, на которыхъ были навалены ржаные и овсяные снопы, тутъ же находились разныя овощи, картофель, капуста и прочее. На вбитыхъ въ иконостасъ гвоздяхъ висѣли конская сбруя и военная аммуниція. Радушный хозяинъ отворилъ царскія

врата въ правомъ церковномъ придѣлѣ и ввелъ меня въ алтарь, гдѣ увидѣлъ я стоявшую лошадь, покрытую вмѣсто попоны священническою парчевою ризою... Я окаменѣлъ при видѣ такого богохульства и не могъ сдвинуться съ мѣста. Безбожникъ, сочтя мое изумленіе за знакъ удивленія кра-

сотой его лошади, началъ ее поглаживать и потрепывать, приговаривая: „Добре, добре!“ Налюбовавшись конемъ, повелъ онъ меня въ лѣвый придѣлъ. И тамъ также стояла лошадь въ алтарѣ, ѣвшая овесъ изъ купели, въ которой крестятъ новорожденныхъ“.

Самъ маршалъ Даву, пріѣзжая въ Кремль, устраивалъ себѣ спальню въ алтарѣ Чудова монастыря. Впрочемъ, въ остальныхъ отношеніяхъ суровый воинъ былъ почти без-

упреченъ. Онъ строго поддерживалъ дисциплину въ своихъ войскахъ, и его корпусъ отличался наибольшей выдержкой. Даву, по возможности, преслѣдовалъ грабежи и то же дѣлали и подчиненные ему генералы и офицеры.

Такъ, напримѣръ, монахини Новодѣвичьяго монастыря вспоминали съ благодарностью своего постояльца, капитана Задера, который „грѣха боялся“. Генералъ Кампанъ, раненый въ Бородинскомъ бою, поселился въ домѣ Всеволожскаго и плѣнился часами хозяина. Уѣзжая изъ Москвы, онъ забралъ ихъ съ собой, но отдалъ за нихъ для передачи отсутствующему Всеволожскому свою великолѣпную лошадь. И нѣкоторые другіе французы и ихъ союзники оставили по себѣ добрую память. Таковы генералъ Коленкуръ и баронъ Таулетъ. Таковы и нѣкоторые врачи Великой арміи: „добродѣтельный“ Ларрей, главный врачъ ея, его помощникъ Бофисъ и другіе, облегчавшіе участь нашихъ тяжелораненыхъ. Были и безыменные французы, оказавшіеся добрыми и участливыми людьми: таковъ былъ старый солдатъ, зашедшій въ Голицынскую больницу и помогшій нашему раненому офицеру А. С. Норову.

Случаи доброты и справедливости, оказанные врагами, были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, которое пребываніе Великой арміи въ Москвѣ причинило несчастнымъ москвичамъ. Надо замѣтить, что въ столицу одновременно съ непріятелемъ пробрались и бѣглые колодники, которые, соединясь съ другими преступными элементами столицы, грабили нещадно русскихъ людей. Не давали, конечно, эти люди пощады и непріятелямъ, нападая на нихъ врасплохъ и убивая ихъ. Погибали солдаты Великой арміи и отъ руки мирныхъ москвичей, защищавшихъ отъ нихъ свою честь и жизнь или мстившихъ имъ за ихъ неистовства. Такъ одинъ изъ пережившихъ ужасы Московской оккупаціи разсказываетъ слѣдующій случай. „Привелъ меня Богъ въ то время видѣть грѣшное дѣло. Иду я разъ раннимъ утромъ по Дѣвичьему полю: хотѣлъ тамъ поискать, не попадется ли тамъ какая провизія въ погребахъ. Противъ самаго дома, что теперь Мальцева, вышелъ человѣкъ изъ воротъ дома купца Бары-

кова, по платью должно быть мѣщанинъ; а полемъ идетъ французъ и зоветъ его: „але“. Я поскорѣй спрятался за уголъ забора, чтобы онъ и меня не подозвалъ, да оттуда и выглядываю. Французъ кричитъ: „але“, а нашъ ему: „але“, и манитъ его руками, головой киваетъ и показываетъ, чтобъ онъ за нимъ шелъ; а самъ къ воротамъ назадъ побѣжалъ. Французъ за нимъ. Какъ они вошли въ ворота, я подкрался и смотрю въ щель забора. Вижу, нашъ побѣжалъ къ колодезю и машетъ руками и въ колодезь показываетъ. Какъ Французъ нагнулся, нашъто уперся ему въ шею обѣими руками и бросилъ его въ колодезь. Я слышалъ, какъ крикнулъ Французъ, меня точно варомъ обдало. Стою я на своемъ мѣстѣ, точно прикованный. Тутъ, вижу, нашъ вышелъ опять изъ воротъ, пошелъ вдоль забора и остановился около меня. „Что“, говоритъ, „видѣлъ? Хоть однимъ меньше!“ А я говорю: „За что ты его сгубилъ? Вѣдь онъ на тебя не нападалъ“. Онъ взглянулъ мнѣ прямо въ глаза и говоритъ: „Должно быть они у тебя жены не отнимали, да никто изъ твоихъ подъ пулями не стоитъ, да не видалъ ты, что̀ калѣлыхъ лошадей въ нашихъ храмахъ!“—„Что-жъ“, говорю, „за ихъ грѣхи да кощунства Господь ихъ накажетъ; а противъ ихъ пуль у насъ свои пули есть, а невиннаго да безоружнаго намъ губить не показано“. Онъ на мои слова не отозвался и ушелъ въ другую сторону; а я не помню, какъ домой добрелъ, все-то мнѣ мерещилось, какъ Французъ въ колодезѣ тонетъ“.

Несмотря на такіе случаи мародерство, или, какъ прозвали его русскіе, „міродерство“, долго еще продолжалось въ Москвѣ, несчастные жители которой находили утѣшеніе лишь въ молитвѣ: въ нѣкоторыхъ храмахъ столицы было разрѣшено совершать богослуженіе, и можно понять, съ какимъ чувствомъ возносили москвичи теплыя мольбы къ алтарю Всевышняго.

Наполеонъ съ своей стороны всѣми мѣрами рѣшилъ поддерживать порядокъ. Мы видѣли, какъ онъ старался внести систему въ самый грабежъ. Затѣмъ онъ воспретилъ

какой-бы то ни было грабежъ, приказавъ принимать противъ него строжайшія мѣры, далеко, впрочемъ, не прекратившія этого явленія, продолжавшагося до самаго оставленія непріятелемъ Москвы. Озабочиваясь доставкой продовольствія, онъ приказалъ разослать по окрестностямъ Москвы объявленія, приглашавшія крестьянъ везти свои продукты въ городъ на продажу. Немногіе, однако, изъ подмосковныхъ крестьянъ прельстились на вражескіе посулы, да и тѣ скоро раскаялись: имъ или платили фальшивыми ассигнаціями, или на обратномъ пути отнимали вырученныя деньги.

Вѣсти объ этихъ обманахъ и насиліяхъ живо распространились въ народѣ, и всякій подвозъ припасовъ въ Москву прекратился. Такое обстоятельство не могло не тревожить Наполеона, который взялъ къ тому времени выдачу продовольствія Великой арміи въ свои руки. Оказалось, что при обиліи вина, сахара и сластей не достаетъ муки, крупы, картофеля, такъ что раціоны (количество необходимой пищи, выдаваемой въ сутки) солдатамъ были сокращены.

Наполеонъ старался не выдавать охватывавшаго его мучительнаго безпокойства. Онъ приказалъ организовать въ Москвѣ временное правленіе изъ жителей ея, чтобы придать своимъ дѣйствіямъ нѣкоторый видъ законности. Но русскіе старались уклониться отъ сомнительной чести, а нѣкоторые прямо заявляли, что не могутъ измѣнить долгу присяги Царю и любви къ родинѣ. Даже и многіе иностранцы съ неохотой брали на себя обязанности членовъ этого правленія.

Всячески пытался Наполеонъ поддержать настроеніе духа своихъ войскъ. Для этого были организованы въ Москвѣ театральныя представленія, которыя посѣщались приближенными императора, многими офицерами и простыми солдатами. Но самому Наполеону было не до зрѣлищъ. Онъ всячески развлекался за длинными обѣдами, старался вести разговоры о театрѣ и литературѣ, но ночи его было тревожны. Наполеонъ не могъ не видѣть пропасти, къ которой привели его обстоятельства и его собственныя дѣйствія.

Императоръ французовъ изыскивалъ способы выйти какъ-нибудь изъ своего тягостнаго положенія. Распуская для этого въ войскахъ всякіе нелѣпые слухи: о смерти императора Александра, о занятіи Петербурга Шведами, о томъ, что война Россіи съ Турціей продолжается, Наполеонъ совѣтовался съ своими приближенными о дальнѣйшемъ способѣ дѣйствій. Одинъ изъ этихъ приближенныхъ, графъ Дарю, посовѣтовалъ Наполеону „оставаться“ въ Москвѣ „сдѣлать изъ“ нея „большой укрѣпленный лагерь и провесть въ немъ зиму“. Дарю предлагалъ при этомъ для продовольствія арміи приказать убить всѣхъ лошадей и посолить ихъ мясо. „Весною наши подкрѣпленія и вся вооружившаяся Литва придутъ къ намъ на выручку. Соединившись съ ними, мы довершимъ побѣду“.—„Это львиный совѣтъ“,—сказалъ на это императоръ и прибавилъ: „А что скажутъ въ Парижѣ? Что тамъ можетъ произойти, когда въ продолженіи шести мѣсяцевъ не будутъ имѣть отъ меня извѣстій? Нѣтъ, Францію не пріучишь къ моему отсутствію, а Пруссія и Австрія имъ воспользуются“.

Не принявъ совѣта Дарю, Наполеонъ 21 сентября собралъ маршаловъ для выслушанія плана предположенной имъ диверсіи на Петербургъ. При этомъ Великая армія, демонстративно угрожая Петербургу, отступила бы тѣмъ временемъ въ герцогство Варшавское. Въ молчаніи выслушали французскіе вожди своего великаго государя. Затѣмъ представили многочисленныя возраженія на прочитанный имъ планъ. И дѣйствительно, при всемъ своемъ размахѣ онъ не соотвѣтствовалъ зимнему времени, которое уже надвигалось.

Геніальный полководецъ самъ это чувствовалъ, а потому и отказался отъ своего предположенія, а рѣшился на новую попытку вступить въ мирные переговоры съ императоромъ Александромъ. Надо отмѣтить, что первая попытка такого рода имѣла мѣсто уже сейчасъ по занятіи Великой арміей Смоленска. Тогда, какъ намъ извѣстно, французы взяли въ плѣнъ храбраго генерала П. А. Тучкова. Наполеонъ отнесся чрезвычайно милостиво къ своему плѣнному

и въ разговорѣ съ нимъ ясно показалъ, какъ онъ стремится къ миру. Онъ спросилъ Тучкова, имѣетъ ли тотъ право лично писать къ своему Государю, въ любви къ которому только что передъ этимъ признался императоръ французовъ. На отрицательный отвѣтъ нашего генерала, Наполеонъ просилъ Тучкова написать его брату, что тотъ „сдѣлаетъ мнѣ (т. е. Наполеону) большое одолженіе, если самъ, или черезъ Великаго Князя, или Главнокомандующаго, какъ ему лучше покажется, доведетъ до свѣдѣнія Государя, что я (т. е. Наполеонъ) ничего больше не желаю, какъ заключить миръ". И долго бесѣдовалъ императоръ французовъ на эту тему съ Тучковымъ, всячески доказывая ему преимущество своего положенія, указывая на невыгодныя послѣдствія для русскихъ неизбѣжнаго занятія Великой арміей Москвы и постоянно увѣряя въ своей любви къ Россіи. Тучковъ исполнилъ желаніе Наполеона, написалъ своему брату письмо и отдалъ его на прочтеніе маршалу Бертье. Тотъ переслалъ это письмо въ нашу главную квартиру, и оно стало извѣстно императору Александру. Никакихъ послѣдствій письмо Тучкова не имѣло.

Вторая попытка Наполеона завязать мирныя сношенія съ императоромъ Александромъ имѣла мѣсто уже въ Москвѣ. Отставной гвардейскій капитанъ Яковлевъ, братъ русскаго посланника при одномъ изъ второстепенныхъ германскихъ дворовъ, не поспѣлъ выѣхать изъ Москвы, такъ какъ 2-го сентября былъ ограбленъ французами. Онъ скитался съ своимъ семействомъ и прислугой по горѣвшей столицѣ и, наконецъ встрѣтившись случайно съ однимъ изъ полковниковъ главнаго штаба Великой арміи, спросилъ его, какъ выбраться изъ города. Слѣдствіемъ этой встрѣчи было приглашеніе Яковлева въ Кремлевскій дворецъ, гдѣ онъ былъ принятъ Наполеономъ 9-го сентября и имѣлъ съ нимъ долгій разговоръ. Впрочемъ говорилъ большей частью самъ императоръ французовъ. Осыпавъ прежде всего обвиненіями Ростопчина за пожаръ Москвы, Наполеонъ сказалъ: „Наконецъ, надо же положить предѣлъ кровопролитію; пора намъ примириться. Эта война чисто политическая и мнѣ

нечего дѣлать въ Россіи. Я отъ нея ничего не требую болѣе, какъ исполненія условій Тильзитскаго договора;... я хочу возвратиться, потому что всѣ мои дѣла касаются Англіи... Если императоръ Александръ желаетъ мира, то ему стоитъ только извѣстить меня объ этомъ... Но если онъ желаетъ продолжать войну, то и я буду продолжать; мои солдаты только того и требуютъ, чтобы идти на Петербургъ. Ну, что же? Мы пойдемъ, и Петербургъ испытаетъ участь Москвы".

Затѣмъ императоръ французовъ обѣщалъ Яковлеву свободный пропускъ, но подъ условіемъ съѣздить затѣмъ въ Петербургъ, лично представиться своему государю и дать отчетъ о всемъ видѣнномъ. На отказы Яковлева Наполеонъ отвѣчалъ новыми настояніями и вынудилъ, наконецъ, его къ отвѣту: „Государь! я нахожусь теперь въ вашей власти, но я не перестаю быть вѣрнымъ подданнымъ императора Александра и останусь имъ до тѣхъ поръ, пока кровь течетъ въ моихъ жилахъ. Не требуйте отъ меня того, чего я не могу сдѣлать и, слѣдовательно, не могу вамъ и обѣщать". Тогда Наполеонъ уговорилъ Яковлева взять письмо для врученія его императору Александру. Въ этомъ письмѣ говорилось: „Государь мой братъ! Узнавъ, что братъ министра Вашего величества при Кассельскомъ дворѣ находится здѣсь, я призывалъ его къ себѣ и говорилъ съ нимъ. Я поручилъ ему отправиться къ Вашему величеству и выразить вамъ мои чувства. Прекрасная, великолѣпная Москва уже не существуетъ! Ростопчинъ ее сжегъ. 400 зажигателей были пойманы на мѣстѣ преступленія. Всѣ они показали, что поджигаютъ по приказаніямъ губернатора и начальника полиціи. Они были разстрѣляны. Наконецъ, пожары, кажется, прекратились. Три четверти домовъ сдѣлалось добычею пламени. Уцѣлѣла одна четвертая часть. Поступокъ ужасный и неимѣющій цѣли. Того ли хотѣли, чтобы лишить насъ нѣкоторыхъ способовъ продовольствія, но запасы находились въ погребахъ, до которыхъ не коснулся огонь. Впрочемъ, какъ можно было предавать огню одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ, созданный вѣками, для достиженія такой незначительной цѣли?

Точно такъ же поступаютъ, начиная съ самаго Смоленска, и отъ этого доведено до нищеты 600 тысячъ семействъ. Городскія пожарныя трубы были или изломаны, или увезены. Часть оружія изъ арсенала была роздана преступникамъ, и намъ пришлось выстрѣлами прогнать ихъ изъ Кремля. Человѣчество, выгоды Вашего величества и этого обширнаго города требовали ввѣрить мнѣ столицу, оставленную Русскими войсками. Надо было оставить въ ней власти, городовое управленіе и гражданскую стражу. Такъ поступали два раза въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Мадридѣ; такъ поступили и вы въ Миланѣ, когда входилъ въ него Суворовъ. Пожаръ далъ солдатамъ право грабить. Они оспаривали добычу у пламени. Если бы я могъ предполагать, что такъ поступаютъ на основаніи повелѣній Вашего величества, то я не писалъ бы къ вамъ этого письма. Но я считаю несогласнымъ съ вашими правилами, съ вашимъ сердцемъ, съ вашимъ свѣтлымъ образомъ мыслей, чтобы вы допустили такія неистовства недостойныя ни великаго монарха, ни великаго народа. Въ то время, когда вывозили изъ Москвы пожарныя трубы, въ ней оставили 150 полевыхъ орудій, 70 тысячъ новыхъ ружей, 1.600.000 патроновъ и много пороху, селитры, сѣры и проч. Я веду войну съ Вашимъ величествомъ безъ всякаго озлобленія. Простая записочка отъ васъ, прежде или послѣ послѣдняго сраженія, остановила бы мое движеніе и, чтобы угодить вамъ, я пожертвовалъ бы выгодою вступить въ Москву. Если Ваше величество, хотя отчасти, сохраняете прежнія ко мнѣ чувства, то вы благосклонно прочтете это письмо. Во всякомъ случаѣ вы будете мнѣ благодарны за то, что я отдаю отчетъ Вашему величеству о происходящемъ въ Москвѣ".

Яковлевъ доставилъ письмо по назначенію, но императоръ Александръ ничего на него не отвѣтилъ. Наполеонъ, все еще ослѣпляемый гордостью, вообразилъ, что письмо не дошло до русскаго царя. Поэтому, видя, что маршалы не одобряютъ предполагаемой имъ демонстраціи на Петербургъ, и, быть можетъ, самъ плохо вѣря въ ея возможность, императоръ французовъ рѣшился на посылку къ императору

своего уполномоченнаго. Однако надо было, чтобы этотъ уполномоченный получилъ на поѣздку въ Петербургъ свободный пропускъ отъ Кутузова. И вотъ Лористонъ, избранный императоромъ французовъ для переговоровъ съ русскимъ государемъ, прибылъ въ лагерь Кутузова, находившійся тогда въ Тарутинѣ, но желаннаго пропуска не получилъ. Ему удалось лишь добиться обѣщанія нашего фельдмаршала, что тотъ немедленно дастъ знать императору Александру черезъ генералъ-адъютанта Волконскаго, возвращавшагося изъ арміи въ Петербургъ, о желаніи Наполеона вступить въ мирные переговоры. До полученія же отвѣта изъ Петербурга военныя дѣйствія должны были продолжаться по прежнему. Изъ донесенія Кутузова видимъ, что Лористонъ, „при семъ случаѣ, разсчитывалъ съ нетерпѣніемъ время, когда сей отвѣтъ придти можетъ“.

И эта попытка Наполеона осталась тщетной, что окончательно выводило его изъ душевнаго равновѣсія. Въ императорѣ французовъ разгорались, какъ говоритъ авторъ интереснѣйшаго труда „Французы въ Москвѣ въ 1812 году“ покойный А. Н. Поповъ, „дикія страсти“, и онъ часто руководствовался въ послѣднее время пребыванія своего въ Москвѣ „инстинктомъ грубаго корсиканца“. Къ этому времени относятся приказы его выплавлять изъ церковныхъ сосудовъ и иконныхъ ризъ золото и серебро, снятіе креста съ колокольни Ивана Великаго, угрозы разстрѣломъ мирнымъ москвичамъ за якобы дурное обращеніе съ высланными Ростопчинымъ изъ Москвы французами и т. п.

Начинались и приготовленія къ выступленію изъ Москвы, въ которой становилось небезопасно. Казаки подбирались къ самой столицѣ, врывались по ночамъ въ нее и убивали оплошныхъ солдатъ и офицеровъ Великой арміи. Все смѣлѣе и смѣлѣе становились казаки, присылаемые въ Москву для развѣдокъ, а въ Великой арміи имѣли мало свѣдѣній о нашихъ войскахъ. Попытки привлечь русскихъ людей къ шпіонству кончались плачевной неудачей. Утратившая дисциплину армія стремилась домой, изъ Москвы, и каждый день промедленія дорого стоилъ императору

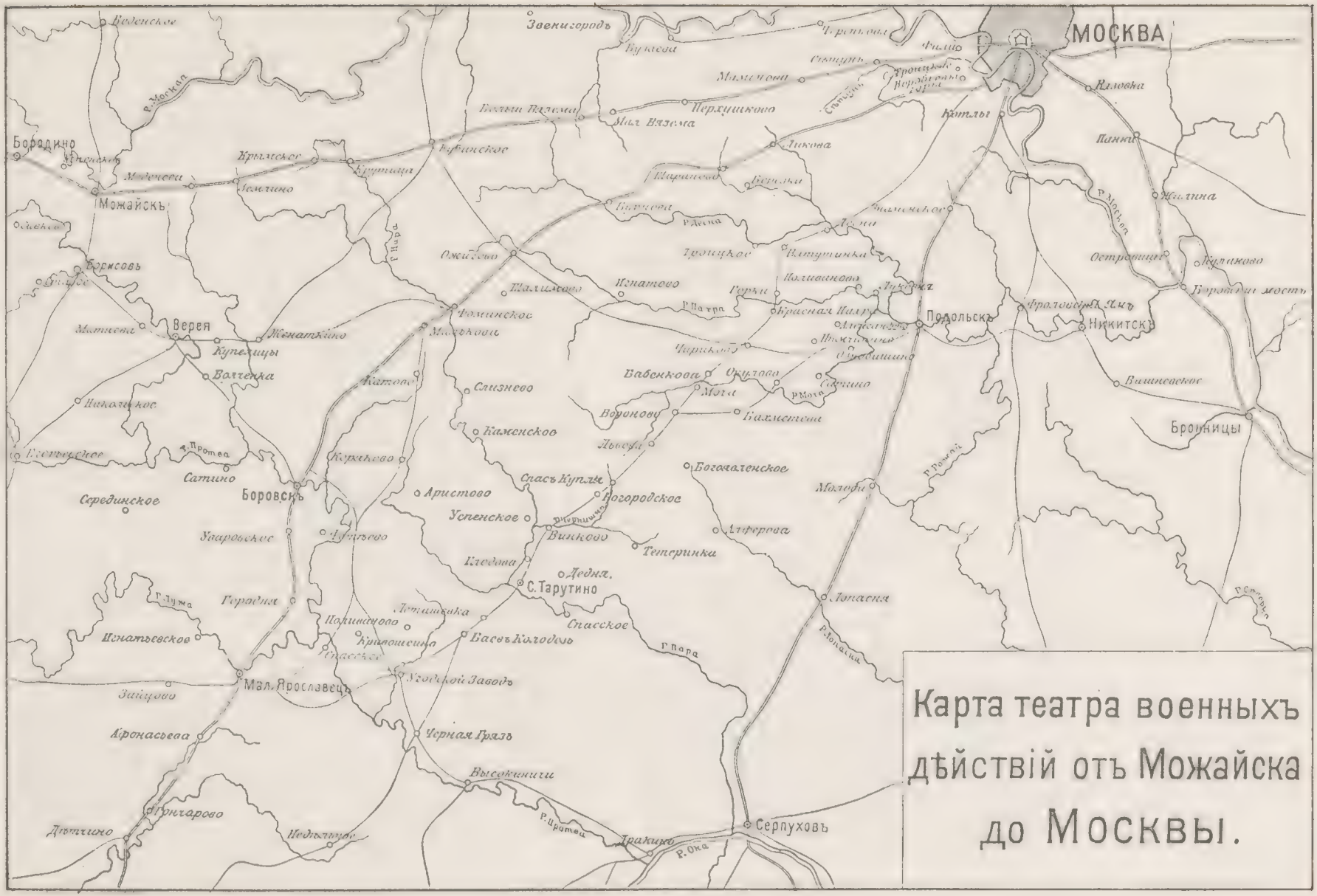
французовъ. Наполеонъ находился однако въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Видя необходимость отступленія, онъ никакъ не могъ рѣшиться на него, хотя и отдавалъ разныя приказанія, необходимыя для того, чтобы обезпечить уходъ изъ Москвы: отправлялъ изъ города плѣнныхъ и раненыхъ, приказывалъ готовить запасы и перевозочныя средства въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Онъ собирался отступать на Смоленскъ, но, по его словамъ, по новой дорогѣ. По временамъ въ припадкахъ хвастовства Наполеонъ мечталъ „разбить или обойти Кутузова“ и уже тогда двинуться къ Смоленску.

Такъ протекали первые дни октября 1812 года. 6-го Наполеонъ дѣлалъ въ Кремлѣ смотръ войскамъ Нея. „Этотъ смотръ былъ такъ хорошъ, какъ позволяли только обстоятельства“,—свидѣтельствуетъ одинъ изъ участниковъ его, офицеръ корпуса Нея,—„полковники соревновали въ усердіи одинъ передъ другимъ, чтобы показать полки въ возможно лучшемъ состояніи. Никто, смотря на нихъ, не подумалъ бы, сколько перестрадали и какъ страдали эти солдаты. Я увѣренъ, что хорошій видъ, который сохраняли наши войска посреди ужаснѣйшихъ бѣдствій, поддерживалъ и упрямство Наполеона, убѣждая его, что съ такими людьми нѣтъ ничего невозможнаго“. Но этотъ смотръ долженъ былъ показать Наполеону, какъ мало строевыхъ солдатъ осталось даже въ такомъ корпусѣ, который былъ сравнительно въ лучшемъ состояніи, чѣмъ другіе.

Когда императоръ французовъ дѣлалъ смотръ войскамъ Нея, пришло извѣстіе, что слышна сильная канонада тамъ, гдѣ стоялъ авангардъ Великой арміи. Послѣ долгихъ колебаній приближенныхъ, какъ доложить объ этомъ Наполеону, „наконецъ отважился на это Дюрокъ (любимецъ императора). Императоръ перемѣнился въ лицѣ, но скоро оправился и продолжалъ смотръ“.

Эта канонада не даромъ смутила Наполеона. Ея отголоски возвѣщали Тарутинское сраженіе, въ которомъ былъ разбитъ авангардъ Великой арміи. Донесеніе объ этой битвѣ, привезенное вскорѣ адъютантомъ Мюрата, Бераньке, заставило императора французовъ рѣшиться на немедлен-

ное отступленіе. Но прежде, чѣмъ мы разскажемъ о томъ, какъ французы покинули Москву, намъ предстоитъ познакомиться съ состояніемъ нашей арміи и народа и настроеніемъ императора Александра во время хозяйничанья врага въ древней русской столицѣ. Къ этому мы теперь и обратимся.


МОСКВА
Звенигородъ
Бородино
Можайскъ
Борисовъ
Верея
Боровскъ
Малый Ярославецъ
Серпуховъ
Подольскъ
Никитскъ
Бронницы
Карта театра военныхъ дѣйствій отъ Можайска до Москвы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Во время пребыванія французовъ въ Москвѣ. Армія, народъ и императоръ Александръ I.

Фланговое движеніе русской арміи на Калужскую дорогу.—Армія на Красной Пахрѣ.—Перемѣны въ арміи.—Планъ наступательной войны, выработанный Александромъ I.—Отступленіе къ Тарутину и намѣренія Кутузова.—Партизанская война.—Подвиги партизановъ.—Давыдовъ, Фигнеръ, Сеславинъ.—Кольцо партизанскихъ отрядовъ вокругъ Москвы. —Отрядъ Винценгероде у Клина.—Народная война и ея герои.—Смерть Энгельгардта и Шубина. — Настроеніе жителей Петербурга.—Твердость императора Александра.—Письмо его къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.—Разговоръ съ графомъ Мишо.—Рескриптъ Кутузову съ повелѣніемъ ускорить переходъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.— Бой при Тарутинѣ.—Его послѣдствія.

Мрачно было настроеніе нашей арміи при отступленіи ея изъ Москвы. Лишь довѣріе къ Кутузову, смутныя ожиданія, что любимымъ вождемъ придумана какая-то ловушка Наполеону, и чувство долга сдерживали порывы отчаянія, столь неизбѣжнаго въ подобную минуту. Выйдя изъ Москвы, наша армія направилась сперва по Рязанской дорогѣ до Боровскаго моста близъ села Кулакова. Оттуда русскія войска двинулись подъ прикрытіемъ рѣки Пахры къ Подольску, гдѣ имѣли двухдневный отдыхъ, и затѣмъ вышли на Калужскую дорогу у села Красной Пахры, въ которомъ и продержались нѣсколько дней. Дорогой солдаты видѣли зарево пожаровъ, слышали жалобныя причитанія крестьянъ, горевавшихъ объ участи Москвы. Такъ въ деревнѣ Ломѣ Кутузовъ долго бесѣдовалъ съ мужиками и говорилъ имъ о Московскихъ пожарахъ: „Жалко, это правда, но подождите, я ему голову проломаю“. На Рязанской дорогѣ былъ оставленъ съ двумя казачьими полками полковникъ Ефремовъ,

который сумѣлъ навести французовъ на ложный слѣдъ и, преслѣдуемый ими, отступилъ до Бронницъ.

Такъ состоялось знаменитое фланговое движеніе Кутузова на Калужскую дорогу,—движеніе, которымъ онъ обманулъ Наполеона по собственному признанію этого геніальнаго полководца. На Калужскую дорогу выдти было необходимо: прикрывался Тульскій оружейный заводъ и хлѣбородныя наши губерніи, а также открывалась возможность дѣйствовать на пути сообщенія Великой арміи. Отступить же на эту дорогу на глазахъ у непріятеля было крайне невыгодно: пришлось бы идти по дурнымъ проселочнымъ дорогамъ подъ угрозой боя и сразу открыть свои намѣренія врагу. Успѣхъ этого движенія заставлялъ многихъ приписывать себѣ починъ его. Однако, насколько извѣстно, не было недостатка въ совѣтахъ отступить на Калужскую дорогу, но никто не предлагалъ фельдмаршалу того обходнаго движенія, которое было столь выгоднымъ для русской арміи. Но существуетъ мнѣніе, по которому фланговый маршъ былъ чистой случайностью, подсказанной обстоятельствами. Чтобы оцѣнить подобное мнѣніе, надо обратить вниманіе на слѣдующій разговоръ Кутузова съ генералъ-интендантомъ Ланскимъ, происшедшій сейчасъ же послѣ совѣта въ Филяхъ.

—„Распорядись продовольствіемъ“.

—„Но куда мы пойдемъ? На Рязань трудно, ибо всѣ запасы наши—по другому направленію, около Калуги, которая по всему есть центральный пунктъ“.

—„А развѣ тутъ на Рязань ничего нѣтъ?“

—„Быть—будетъ, если прикажете, но жалко и опасно, какъ-бы то не пропало, и долго до насъ не дойдетъ“.

—„Подумаю, ты приди ко мнѣ завтра, когда мы придемъ на мѣсто“.

Изъ этого разговора видно, что ничто не могло серьезно помѣшать Кутузову двигаться по Рязанской дорогѣ, еслибъ онъ, дѣйствительно, имѣлъ такое намѣреніе. Но по всему замѣтно, что осторожный старикъ, наводившій Наполеона на Москву, которая должна была

его погубить, заранѣе составилъ въ своей головѣ планъ дѣйствій и приводилъ его въ исполненіе, не разглашая объ немъ никому. Такую осторожность можно смѣло назвать мудрой.

Въ Красной Пахрѣ состоялись важныя перемѣны въ управленіи дѣйствующей арміи. Вторая армія была окончательно соединена съ первой. Бенигсенъ, назначенный начальникомъ штаба по волѣ самого Государя, но нелюбимый Кутузовымъ, потерялъ реальное значеніе послѣ назначенія Коновницына дежурнымъ генераломъ при особѣ Фельдмаршала. Толь былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ соединенной арміи. Барклай уѣхалъ къ себѣ въ деревню. Генералъ Тормасовъ былъ отозванъ отъ 3-ей арміи и вызванъ въ соединенную, гдѣ получилъ должность завѣдывающаго тыловыми частями. Чичаговъ былъ поставленъ во главѣ соединившихся 3-ей и Дунайской армій.

Указанныя перемѣны были съ одной стороны вызваны дѣйствіями и намѣреніями Кутузова, съ другой—являлись слѣдствіемъ пріѣзда въ главную армію извѣстнаго намъ полковника Чернышева, довѣреннаго императора Александра. Послѣдній составилъ послѣ полученія извѣстія о Бородинскомъ боѣ очень сложный планъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. По этому плану, какъ главная армія, такъ и фланговыя войска Чичагова и Витгенштейна, усилясь подкрѣпленіями, должны были перейти въ рѣшительное наступленіе противъ непріятеля. На долю фланговыхъ армій выпадала двойная задача: опрокинуть выставленныя противъ нихъ войска и, войдя въ связь съ арміей Кутузова, образовать кольцо вокругъ Великой арміи, которую должны были преслѣдовать главныя русскія силы. Кутузовъ принялъ этотъ планъ, единственно, пожалуй, возможный при данныхъ обстоятельствахъ. Противъ него говорила лишь трудность согласовать при тогдашнихъ путяхъ сообщенія и способахъ извѣщенія маневры трехъ отдѣленныхъ другъ отъ друга большими пространствами нашихъ армій.

Но, принявъ планъ, выработанный въ Петербургѣ, Кутузовъ не торопился начатіемъ наступательныхъ дѣйствій

противъ Великой арміи. Онъ спѣшилъ устроить и пополнить свои войска, что ему и удалось сдѣлать къ концу сентября. Первое время пребыванія въ Красной Пахрѣ Кутузовъ былъ очень озабоченъ. Просыпаясь, онъ ежедневно спрашивалъ: „А что? Непріятель гдѣ? Не видать еще его?“ и повеселѣлъ лишь послѣ свиданія съ корпусными командирами, „ибо они донесли, что собраны всѣ усталые, что все въ полкахъ въ порядкѣ“. Однако и здѣсь осторожный Кутузовъ остался вѣренъ себѣ. Нетерпѣливые, и во главѣ ихъ Бенигсенъ, побуждали его къ переходу въ наступленіе въ виду возможности легкой побѣды надъ французскимъ авангардомъ. Кутузовъ поддавался, какъ будто, на доводы Бенигсена, и вдругъ, узнавъ отъ Толя, что подъ Тарутинымъ есть удобная позиція для генеральнаго боя, приказалъ продолжать отступленіе до этого пункта.

„Выиграть время и усыпить, елико можно долѣе, Наполеона, не тревожа его изъ Москвы, вотъ чего добивался Кутузовъ“,—говоритъ близко знавшій фельдмаршала князь А. Б. Голицынъ.—„Все, что содѣйствовало къ цѣли сей, было имъ предпочитаемо пустой славѣ имѣть нѣкоторую поверхность надъ авангардомъ“.

„Въ день осмотра позиціи, которая вполнѣ удовлетворяла плану кампаніи Кутузова“,— продолжаетъ тотъ же важный свидѣтель, — „старикъ былъ очень веселъ и въ первый разъ расчелъ важность предстоящей зимней кампаніи: онъ позвалъ Толя и Коновницына и тутъ же отдалъ приказъ, чтобы губернаторамъ велѣть снабдить полушубками всю армію“. Въ это время явился Бенигсенъ, оскорбленный тѣмъ, что его совѣтами пренебрегли, сталъ критиковать избранную главнокомандующимъ позицію и, наконецъ, вынудилъ Кутузова сказать ему колкость: „Ваша позиція подъ Фридландомъ была хороша по Вашему мнѣнію; отлично, а я доволенъ этой и мы останемся здѣсь, такъ какъ *я* командую и несу за все отвѣтственность“. Но Кутузовъ и не думалъ о томъ, чтобы дать подъ Тарутинымъ битву Наполеону. Впослѣдствіи онъ признавался: „Мнѣ необходимо было оставаться на мѣстѣ, чтобы укомплектовать армію и не без-

покоить особенно Наполеона. Эта позиція во всякомъ случаѣ была не хуже всякой другой... Каждый день, проведенный нами на этой позиціи, былъ драгоцѣненъ для меня и для арміи, и мы этимъ воспользовались".

И дѣйствительно, за сентябрь мѣсяцъ русская армія отдохнула и окрѣпла. Она готова была къ бою и ждала его.

Въ такомъ настроеніи находилась она и подъ вліяніемъ цѣлаго ряда успѣховъ нашихъ партизановъ, дѣйствовавшихъ небольшими отрядами полунезависимо отъ главныхъ силъ. Начало партизанской войнѣ, столь важной своими послѣдствіями, положилъ подполковникъ Ахтырскаго гусарскаго полка Давыдовъ. Еще 21-го августа онъ обратился къ

Князю Багратіону съ такимъ письмомъ: „Ваше сіятельство! Вамъ извѣстно, что я, оставя мѣсто адъютанта вашего, столь лестное для моего самолюбія, и вступя въ гусарскій полкъ, имѣлъ предметомъ партизанскую службу, и по силамъ лѣтъ моихъ, и по опытности, и, если смѣю сказать, по отвагѣ моей. Обстоятельства ведутъ меня по сіе время въ рядахъ моихъ, товарищей, гдѣ я своей воли не имѣю и, слѣдовательно, не могу ни предпринять, ни исполнить ничего блистательнаго. Князь! Вы мой единственный благодѣтель; позвольте мнѣ предстать къ вамъ, для объясненія моихъ намѣреній. Если они будутъ вамъ угодны, употребите меня по желанію моему и будьте надежны, что тотъ, который носилъ званіе адъютанта Багратіонова пять лѣтъ сряду, тотъ поддержитъ честь эту со всею ревностью, какую бѣдственное положеніе любезнаго нашего отечества требуетъ“.

Въ тотъ же день состоялось свиданіе Давыдова съ Багратіономъ, согласившимся вполнѣ съ его планомъ. 22-го августа Багратіонъ доложилъ о предложеніи Давыдова Кутузову. Новое по характеру дѣло не соотвѣтствовало осторожности Свѣтлѣйшаго. Скрѣпя сердце, онъ согласился послать „почти на вѣрную гибель“ 50 гусаръ и 150 казаковъ подъ начальствомъ самого Давыдова. Когда Багратіонъ передалъ слова Кутузова родоначальнику нашихъ партизановъ, то между ними завязался любопытнѣйшій разговоръ:

— „Я стыдился бы, князь, предложить опасное предпріятіе, уступивъ исполненіе его другому. Вы сами знаете, что я готовъ на все, но на пользу: вотъ главное, а для этого—людей мало“.

— „Онъ болѣе не даетъ“.

— „Если такъ, то иду и съ этимъ числомъ; авось либо открою путь большимъ отрядамъ“.

— „Я этого отъ тебя и ожидалъ“.

— „Вѣрьте, князь, что партія будетъ цѣла; ручаюсь въ томъ честью: для этого нужно только, при отважности въ залетахъ, рѣшительность въ крутыхъ случаяхъ и неусыпность на привалахъ и ночлегахъ. За это я берусь... Но

только людей мало; дайте мнѣ тысячу казаковъ, и вы увидите, что будетъ".

— „Я бы далъ тебѣ три тысячи: не люблю такія дѣла ощупью дѣлать, но объ этомъ нечего и говорить. Главнокомандующій самъ назначилъ силу партіи. Надо повиноваться".

Такъ началось важное дѣло; началось не безъ треній; тѣмъ больше чести настойчивому Давыдову. Багратіонъ далъ ему письмо къ генералъ-адъютанту Васильчикову объ отпускѣ Давыдову лучшихъ гусаръ. Нѣкоторые изъ встрѣтившихъ при этомъ отважнаго офицера генераловъ, смѣясь, говорили ему: „Кланяйся Павлу Тучкову (который былъ тогда въ плѣну), пусть онъ уговоритъ тебя не партизанить". Другіе соболѣзновали первому партизану, думая, что онъ идетъ на вѣрную гибель. Но Давыдовъ своими дѣйствіями оправдалъ цѣлесообразность своего плана. Послѣ Бородинскаго боя онъ съ 50 гусарами и 80 казаками двинулся окольными путями къ Цареву-Займищу, гдѣ напалъ на транспортъ изъ 30 повозокъ съ прикрытіемъ изъ 215 человѣкъ, взялъ въ плѣнъ около ста солдатъ и истребилъ остальныхъ. Эта удача возбудила соревнованіе въ другихъ и убѣдила фельдмаршала въ возможности и выгодности подобнаго рода дѣйствій.

Поэтому Кутузовъ не только значительно усилилъ отрядъ Давыдова, но организовалъ еще нѣсколько подобныхъ

отрядовъ. Изъ начальниковъ ихъ особенно выдѣлились знакомый намъ генералъ Дороховъ, котораго впрочемъ не всегда причисляютъ къ партизанамъ, Сеславинъ, прославившійся главнымъ образомъ во время отступленія Великой арміи, и Фигнеръ. Личность послѣдняго очень любопытна. Онъ питалъ сильнѣйшую ненависть къ Наполеону, съ самаго начала войны готовился къ смерти и, ежедневно ходя по церквамъ, молился тамъ со слезами на глазахъ. Когда Москва была занята французами, Фигнеръ пробрался туда съ разрѣшенія Кутузова, ходилъ переодѣтый въ теченіе нѣсколькихъ дней по улицамъ, вывѣдывалъ, что было нужно, а по ночамъ истреблялъ непріятелей и, какъ говорятъ, искалъ случая убить Наполеона. Ставъ вскорѣ затѣмъ начальникомъ небольшого партизанскаго отряда, онъ съ успѣхомъ пользовался своей способностью къ артистическому переодѣванью и своимъ необыкновеннымъ хладнокровіемъ во время самыхъ рискованныхъ положеній. Переодѣваясь въ платье французскаго офицера, Фигнеръ неоднократно навѣщалъ непріятельскіе лагери и получалъ тамъ необходимыя свѣдѣнія. Отвага его и дерзость были изумительны. Такъ однажды онъ проникнулъ въ мѣстопребываніе Мюрата, причемъ разбранилъ часового, спросившаго у него отзывъ. Нельзя не отмѣтить здѣсь съ сожалѣніемъ страшной жестокости Фигнера, не щадившаго не только сопротивлявшихся враговъ, но и охотно отдававшаго плѣнныхъ въ руки озлобленныхъ и озвѣрѣв-

А. Н. Сеславинъ.

шихъ крестьянъ. Другіе партизаны были менѣе повинны въ такихъ поступкахъ.

Что же касается способовъ дѣйствія нашихъ партизанскихъ отрядовъ, то они подсказывались обстоятельствами и въ общихъ чертахъ были преднамѣчены еще въ разговорѣ Давыдова съ Багратіономъ. Надо добавить, что мѣстные жители оказывали неоцѣненную помощь партизанамъ, отряды которыхъ дѣйствовали къ концу сентября на всѣхъ почти путяхъ, ведущихъ къ Москвѣ. Такъ Фигнеръ тревожилъ враговъ въ окрестностяхъ столицы; полковникъ Ефремовъ находился на Рязанской дорогѣ, князь Кудашевъ сторожилъ путь въ Серпуховъ, поручикъ Фонъ-Визинъ — въ Боровскъ; между Боровскомъ и Москвой дѣйствовалъ отважный Сеславинъ, князь Вадбольскій былъ отправленъ къ Можайску, а сильный отрядъ Давыдова охватывалъ своими разъѣздами пространство отъ Можайска до Вязьмы. Кромѣ этихъ отрядовъ, высланныхъ изъ главной арміи, дѣйствовали и другіе, принадлежавшіе къ войскамъ генералъ-адъютанта Винценгероде. Этотъ генералъ командовалъ, какъ мы уже знаемъ, резервнымъ корпусомъ, собраннымъ въ Смоленскѣ. По соединеніи нашихъ армій Винценгероде былъ отправленъ на поискъ къ Витебску, затѣмъ отступилъ къ Волоколамску и вошелъ въ связь съ главными силами, отступавшими тогда къ Бородину. Онъ получилъ порученіе охранять правый флангъ нашей арміи, отступалъ параллельно ей и послѣ занятія Москвы

А. С. Фигнеръ.

французами расположился съ главными своими силами у Клина въ селѣ Давыдковѣ. Винценгероде выслалъ партизанскіе отряды въ окрестности Можайска, къ Рузѣ, Волоколамску, Вознесенску, на Дмитровскую и Ярославскую дороги. Такимъ образомъ, вокругъ Москвы сомкнулось кольцо летучихъ отрядовъ, зорко стороживших возможные пути движенія Великой арміи изъ столицы.

Наши партизанскіе отряды не только несли опасную сторожевую службу, но и тревожили постоянно непріятеля, нанося ему существенный вредъ своими смѣлыми дѣйствіями. Такъ еще въ первой половинѣ сентября Дороховъ, отряженный на Смоленскую дорогу съ 2.000 человѣкъ конницы и 2 легкими донскими орудіями, истребилъ у Перхушкова цѣлый непріятельскій обозъ. Затѣмъ онъ перешелъ на Боровскую дорогу и около 15 сентября былъ отозванъ Кутузовымъ со своимъ отрядомъ на присоединеніе къ главной арміи. Во время своего набѣга Дороховъ взялъ въ плѣнъ болѣе 1.000 человѣкъ, въ томъ числѣ около 50 офицеровъ, захватилъ 2 курьеровъ, ѣхавшихъ съ важными бумагами, взорвалъ до 80 зарядныхъ ящиковъ и отбилъ у непріятеля нѣсколько пудовъ церковнаго серебра. Въ концѣ сентября Дороховъ получилъ новое порученіе: отбить у французовъ занятый ими городъ Верею, который лежитъ между Можайскомъ и Боровскомъ, и разрушить тамъ непріятельскія укрѣпленія. Непріятель укрѣплялъ этотъ городъ съ цѣлью охранять Смоленскую дорогу отъ нашихъ партизановъ, а кромѣ того, быть можетъ, подготовляя для Великой арміи обходъ главныхъ русскихъ силъ, находившихся тогда у Тарутина. Въ Вереѣ, стоящей на 5-ти саженномъ пригоркѣ и въ то время обнесенной валомъ съ палисадникомъ, находился баталіонъ вестфальскаго корпуса Жюно. Дороховъ получилъ въ свое командованіе 5 баталіоновъ, 4 эскадрона, 2 казачьихъ полка и 8 орудій. Сверхъ того онъ былъ усиленъ отрядомъ князя Вадбольскаго, состоявшимъ изъ двухъ полковъ: гусарскаго и казачьяго. На разсвѣтѣ 28 сентября отрядъ Дорохова пробрался къ Вереѣ, куда его провели 5 мѣстныхъ жителей. Дороховъ вдохновилъ своихъ

солдатъ и бросился безъ выстрѣла на приступъ. Вестфальцы были застигнуты врасплохъ, но оказали нѣкоторое сопротивленіе, стрѣляли изъ домовъ и даже изъ церквей; они убили около 30-ти человѣкъ изъ нашего отряда, переранили нѣсколько десятковъ, но наконецъ сдались. Въ плѣнъ попали: полковникъ, 14 офицеровъ и слишкомъ 370 солдатъ; кромѣ того было взято одно знамя. Въ это время со стороны Можайска показался непріятельскій отрядъ, состоявшій изъ 3-хъ баталіоновъ, 4 эскадроновъ и нѣсколькихъ орудій. Замѣтивъ, что Верея занята русскими войсками, враги поспѣшно отступили. Къ городу, между тѣмъ, спѣшило около 1.000 вооруженныхъ крестьянъ, привлеченныхъ воззваніями Дорохова. Крестьяне эти, находившіеся подъ предводительствомъ священника села Дубровы Скабѣева, помогли нашимъ войскамъ разрыть сооруженныя врагами укрѣпленія. Дороховъ роздалъ жителямъ Верен 500 ружей, отнятыхъ у непріятелей, и съѣстные припасы, заготовленные вестфальцами, а самъ по приказанію Свѣтлѣйшаго отошелъ къ селу Каменскому.

Успѣхи партизанскихъ дѣйствій Дорохова отнюдь не были исключеніями въ нашей арміи. Можно сказать, что каждому отряду партизановъ удалось отличиться какимъ-нибудь военнымъ подвигомъ и нанести уронъ непріятелю. Отмѣтимъ нѣкоторые изъ наиболѣе выдающихся примѣровъ. Такъ Ефремовъ 14 сентября разбилъ отрядъ непріятелей у селенія Вишнякова и взялъ въ плѣнъ 500 человѣкъ. Давыдовъ 16 сентября въ виду Вязьмы атаковалъ и разбилъ сильный непріятельскій отрядъ, истребилъ до 250 человѣкъ, взялъ 150 плѣнныхъ и овладѣлъ транспортомъ съ фуражемъ и артиллерійскими снарядами. 18-го сентября одинъ изъ полковъ его отряда захватилъ 125 плѣнныхъ и перебилъ до 100 непріятелей. Наконецъ 19 сентября Давыдовъ, узнавъ о расположеніи въ селѣ Юреневѣ, недалеко отъ Вязьмы, 300 русскихъ плѣнныхъ и артиллерійскаго парка, отправился на выручку своихъ. Но плѣнныхъ уже не было, а паркъ прикрывали 3 непріятельскихъ баталіона. Давыдовъ атаковалъ на разсвѣтѣ превосходнаго въ силахъ врага, вы-

держалъ съ нимъ двухчасовой бой, уничтожилъ большую часть парка, взялъ въ плѣнъ 140 человѣкъ и сжегъ болѣе 100 непріятелей, укрывшихся въ сараѣ и не сдававшихся нашимъ партизанамъ.

Фигнеръ въ первомъ же своемъ донесеніи имѣлъ возможность написать: „О причиненномъ непріятелю вредѣ донести честь имѣю слѣдующее: 1) въ окрестностяхъ Москвы истреблено все продовольствіе; 2) въ селахъ, лежащихъ между Тульскою и Звенигородскою дорогами, побито до 400 человѣкъ; 3) на Можайской дорогѣ взорванъ паркъ: шесть батарейныхъ орудій приведены въ совершенную негодность, а восемнадцать ящиковъ, симъ орудіямъ принадлежащіе, взорваны. При орудіяхъ взяты: полковникъ, четыре офицера и пятьдесятъ восемь рядовыхъ. Убито: офицеровъ три и великое число рядовыхъ. Не взирая на чрезвычайную трудность путей, офицеры наблюдали въ своихъ командахъ совершенный порядокъ, отчего въ самыя мрачныя ночи, въ лѣсахъ, едва днемъ сквозящихъ, марши были быстры, а слѣдствія оныхъ непріятелю гибельны. Перенося равнодушно голодъ и стужу, презирая опасность среди многочисленнаго непріятеля, они поселяли твердость и надежду въ солдатахъ“.

На ряду съ партизанской въ тылу Великой арміи кипѣла ожесточенная народная война въ губерніяхъ, занятыхъ врагомъ, т. е. Смоленской и Московской. Жители этихъ областей, доведенные до отчаянія и ожесточенія, потерявшіе или сжегшіе свои жилища, приносили, какъ намъ уже извѣстно, большую пользу партизанамъ, служа имъ проводниками, добывая имъ продовольствіе, добровольно вступая въ ихъ ряды. Но еще до появленія партизанскихъ отрядовъ, народная война началась въ мѣстностяхъ, занятыхъ врагомъ. Такъ въ Смоленской губерніи прежде всѣхъ вооружились жители Порѣчскаго уѣзда, не дожидаясь даже призыва Государя къ всеобщему ополченію. Они ловили шпіоновъ, мародеровъ и фуражировъ Великой арміи и во множествѣ ихъ истребляли. Особенно отличился при этомъ мѣщанинъ Манчинковъ, захватившій курьера съ важными депешами. Когда непріятели заняли Смоленскъ, составились

народныя ополченія въ Бѣльскомъ, Сычевскомъ, Юхновскомъ и Рославльскомъ уѣздахъ, гдѣ крестьяне и мѣщане дѣйствовали либо подъ руководствомъ дворянъ, либо самостоятельно. Особенно прославились жители Сычевки и ея окрестностей. Изъ дворянъ этого уѣзда отличались храбростью и организаторскимъ талантомъ исправникъ Богуславскій и отставной маіоръ Емельяновъ, изъ крестьянъ—старостиха Василиса, приведшая разъ цѣлую непріятельскую партію въ Сычевку, и бурмистръ сельца Левшина. Однажды 30 непріятелей остановилось на отдыхъ въ этомъ селеніи. Узнавъ объ этомъ, бурмистръ, человѣкъ громадной физической силы, отправилъ нѣсколькихъ крестьянъ созывать народъ противъ французовъ, а самъ съ помощью одного изъ односельчанъ, подкрался къ избѣ, занятой врагами, приперъ дверь и прислонился къ ней. Непріятели стали стрѣлять черезъ дверь и смертельно ранили бурмистра. Тѣмъ временемъ сбѣжался народъ, и враги сдались. Предчувствуя свою смерть, герой взялъ слово съ своихъ товарищей—не мстить за нее плѣннымъ и пощадить ихъ жизнь.

Отмѣтимъ кстати, что уже при отступленіи Великой арміи въ Гжатскомъ уѣздѣ проявилъ себя одинъ изъ даровитѣйшихъ организаторовъ народной войны, гусарскій солдатъ Самусь. Онъ былъ раненъ въ одномъ изъ арріергардныхъ боевъ послѣ взятія Смоленска, былъ покинутъ своими на полѣ битвы, какимъ-то чудомъ остался въ живыхъ, вылечился отъ ранъ и побудилъ окрестныхъ крестьянъ составить ополченіе. Его отрядъ дошелъ впослѣдствіи до 2.000 человѣкъ, имѣлъ при себѣ отбитую у враговъ пушку и уничтожилъ до 3.000 непріятелей.

Во время же отступленія французовъ изъ Москвы, въ октябрѣ (15 и 24 числа) 1812 года были схвачены въ своихъ имѣніяхъ и казнены въ Смоленскѣ помѣщики Смоленской губерніи подполковникъ Энгельгардтъ и коллежскій ассессоръ Шубинъ, участіе которыхъ въ истребленіи непріятельскихъ партій стало извѣстно врагамъ. Какъ тотъ, такъ и другой съ необыкновеннымъ мужествомъ отвергли предложеніе поступить на службу въ Великую армію. Особенно

мучительна была смерть Энгельгардта. На льстивыя предложенія измѣнить Россіи, онъ вскричалъ: „Стрѣляйте“ и сорвалъ платокъ, которымъ были завязаны его глаза: храбрый воинъ хотѣлъ безстрашно глядѣть въ лицо смерти. Французы сначала прострѣлили Энгельгардту ногу, надѣясь поколебать его мужество, но, видя непреклонность героя, дали залпъ. Изъ 18-ти выпущенныхъ въ Энгельгардта пуль двѣ

Подвигъ П. И. Энгельгардта.

попали ему въ грудь и одна въ животъ. Мужественный патріотъ еще продолжалъ дышать; одинъ изъ французскихъ солдатъ, зарядивъ поспѣшно ружье, выстрѣлилъ ему въ високъ, чтобъ покончить предсмертныя страданья Энгельгардта.

Въ Московской губерніи жители встрѣтили враговъ не менѣе недружелюбно, чѣмъ въ Смоленской. Крестьяне всюду ополчались противъ непріятелей и безжалостно истребляли ихъ. Добыча дѣлилась поровну, но далеко не всегда привлекала вниманіе добровольныхъ воиновъ. Извѣстенъ рядъ случаевъ, когда вещи, принадлежавшія непріятелю, сжигались, или разбрасывались. Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ народной войны въ Московской губерніи намъ уже извѣстно прибытіе на помощь

Дорохову въ Верею цѣлой толпы вооруженныхъ крестьянъ. Впрочемъ здѣсь имъ не пришлось принять участія въ битвѣ. За то жители Воскресенска и окрестныхъ селеній отстояли его и нанесли непріятелю уронъ, превысившій 2.000 человѣкъ. Изъ отважныхъ молодцовъ особенно прославились своей храбростью голова Вельяминовской волости Иванъ Андреевъ и сотскій села Лучинскаго Павелъ Ивановъ. Интересны также дѣйствія дружины села Павлова, Вохненской волости, Богородскаго уѣзда, выбравшей въ свои предводители грамотнаго крестьянина Герасима Курина. Эта дружина дѣйствовала неоднократно противъ отрядовъ корпуса Нея и достигала по временамъ почти до 6.000 человѣкъ. Ободренные своими успѣхами храбрые крестьяне хотѣли уже идти на освобожденіе Богородска, но французы сами очистили городъ, такъ такъ Наполеонъ, готовясь къ отступленію изъ Москвы, приказалъ Нею отвести свои войска въ столицу.

Даже въ губерніяхъ, еще не занятыхъ непріятелемъ, но угрожаемыхъ имъ, населеніе готовилось принять дѣятельное участіе въ отраженіи врага. Готовилось къ этому и начальство этихъ губерній, распоряжавшееся увозомъ въ болѣе безопасные пункты дѣлъ изъ присутственныхъ мѣстъ и казеннаго имущества, а также принимавшее дѣятельное участіе въ организаціи обороны.

И въ самомъ Петербургѣ ожидали возможнаго появленія враговъ. Многое было вывезено изъ столицы, многое намѣчалось къ вывозу изъ нея. Жители тоже начинали подумывать объ оставленіи Петербурга. Настроеніе въ немъ послѣ извѣстія о сдачѣ Москвы было мрачное и взволнованное. Ропотъ негодованія слышался всюду. Открыто винили Государя во всѣхъ бѣдственныхъ происшествіяхъ войны. Дѣло дошло до того, что въ день коронаціи, 15 сентября, императоръ Александръ далъ уговорить себя отказаться отъ обычной верховой поѣздки, а прибыть въ Казанскій соборъ въ каретѣ вмѣстѣ съ императрицами. Царская карета и кареты придворныхъ прослѣдовали по городу среди хмурой и молчаливой толпы. Одна изъ очевидицъ, сопровождавшихъ императрицу Ели-

завету, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Никогда въ жизни не забуду тѣхъ минутъ, когда мы поднимались по ступенькамъ въ соборъ, слѣдуя среди толпы; не раздалось ни одного привѣтствія. Можно было слышать наши шаги, и я нисколько не сомнѣвалась, что достаточно было малѣйшей искры, чтобы все воспламенилось. Я взглянула на государя, поняла, что происходитъ въ его душѣ, и мнѣ показалось, что колѣни подо мною подгибаются".

При такомъ настроеніи жителей столицы Императора поддерживала его жена, Императрица Елизавета Алексѣевна, вообще не очень близкая къ нему, вслѣдствіе интригъ враждебныхъ къ ней людей. Въ эту эпоху она раздѣляла взгляды своего супруга и отличалась бодрымъ настроеніемъ, оптимистически смотря на положеніе вещей. За то вокругъ Александра раздавались голоса сильныхъ поборниковъ мира, сомнѣвавшихся въ успѣхѣ борьбы съ Наполеономъ. Въ числѣ ихъ были такіе вліятельные люди, какъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, графъ Аракчеевъ и наконецъ весьма почтенный канцлеръ графъ Румянцевъ. Съ другой стороны лучшій, задушевный другъ Александра, его сестра Великая Княгиня Екатерина Павловна, всячески старалась внушить ему мысль о необходимости дальнѣйшей борьбы съ Наполеономъ, но въ своихъ усиліяхъ больно задѣвала самолюбіе своего царственнаго брата. Великая княгиня прежде всего увѣщавала Императора Александра: „Не забывайте Вашего рѣшенія: ни за что не заключать мира", какъ будто въ этомъ увѣщаніи была настоятельная необходимость. Затѣмъ сообщала о томъ враждебномъ отношеніи общества къ Государю, которое проявилось и въ Твери, гдѣ мужъ Великой княгини былъ генералъ-губернаторомъ, и о томъ, что „всѣ" винятъ императора въ бѣдственномъ оборотѣ военныхъ событій. Великая княгиня, какъ будто, и сама не была далека отъ подобныхъ взглядовъ. Она позволила себѣ говорить императору, что его считаютъ человѣкомъ, не сдержавшимъ своихъ обѣщаній относительно возвращенія въ Москву, совѣтовала ему ѣхать къ войскамъ, чтобы спасти свою честь и вернуть расположеніе народа и т. д.

Александръ I отвѣтилъ на упреки и совѣты своей сестры замѣчательнымъ письмомъ. Въ немъ онъ оправдывалъ свои дѣйствія. Во-первыхъ, онъ объяснилъ назначеніе Кутузова полководцемъ, какъ уступку предугадываемымъ желаніямъ общества и народа, что въ значительной мѣрѣ было вѣрно. Кстати, онъ указалъ и на то, что, по его мнѣнію, не было вообще генерала, способнаго къ командованію такими большими силами. Можно, конечно, не согласиться съ подобнымъ взглядомъ, если отнестись къ дарованіямъ и заслугамъ Кутузова съ большимъ признаніемъ. Но во всякомъ случаѣ слова Александра: „Я не могъ не рѣшиться на выборъ изъ 3-хъ генераловъ, одинаково непригодныхъ для того, чтобы быть главнокомандующимъ, того, котораго единодушно называло общественное мнѣніе“ цѣнны для насъ. Они показываютъ въ императорѣ политика, считавшагося съ извѣстными общественными народными настроеніями. Продолжая затѣмъ свои оправданія и объясненія, Александръ ссылается на то, что не недостатокъ личной храбрости заставилъ его удалиться изъ арміи. „Гренадеры Малороссіи и Кіева могутъ засвидѣтельствовать о томъ, что я умѣю держаться подъ выстрѣлами не менѣе покойно, чѣмъ кто бы то ни было“, пишетъ оскорбленный государь и обличаетъ далѣе свою сестру въ противорѣчіи самой себѣ: она въ іюлѣ 1812 настаивала на удаленіи его изъ арміи, а теперь побуждаетъ возвратиться. Настаивала же на томъ основаніи, что арміи нуженъ вождь, пользующійся ея полнымъ довѣріемъ, какъ полководецъ, а императоръ Александръ такого довѣрія не внушаетъ. Кромѣ того, если пораженіе потерпитъ самъ государь, то „это будетъ непоправимымъ зломъ, вслѣдствіе впечатлѣнія, которое оно произведетъ“. „Какъ же согласовать“,—спрашиваетъ императоръ,—прежнія настоянія Великой Княгини съ ея новымъ предложеніемъ прибыть къ дѣйствующей арміи?“ Не оставилъ Александръ безъ отвѣта и упрека въ недержаніи своихъ обѣщаній пріѣхать снова въ Москву. „Я не давалъ обѣщаній вернуться туда“,—категорически пишетъ императоръ.—„Ростопчинъ въ своихъ письмахъ очень просилъ меня сдѣлать

это",—продолжаетъ государь,—„но это было передъ потерей Смоленска, слѣдовательно, тогда, когда я не былъ въ состоянiи исполнить этого изъ-за моего путешествiя въ Финляндiю. А затѣмъ Ростопчинъ отказался отъ прежней мысли, полагая", что въ данный моментъ присутствiе императора въ Москвѣ „увеличитъ общее безпокойство". „Разберемъ теперь",—не безъ иронiи замѣчаетъ Александръ,—„что бъ я могъ дѣлать въ случаѣ моего прибытiя въ Москву. Если принять положенiе, что мое присутствiе приносило арміи больше зла, чѣмъ пользы, какъ я могъ оставаться въ Москвѣ, при приближенiи къ ней нашихъ войскъ, отступавшихъ послѣ потери Смоленска. Правда, я никакъ не думалъ, что Москва будетъ оставлена такимъ позорнымъ образомъ, но я долженъ былъ разсчитывать на возможность этого въ случаѣ одной или 2-хъ проигранныхъ битвъ. Какую роль я долженъ былъ играть тогда, и могъ ли я пріѣхать въ Москву для того только, чтобы наравнѣ съ прочими собирать и спасать свои пожитки?"

Покончивъ очень искусно съ обвиненiями, выставленными Великой княгиней, Императоръ Александръ указываетъ ей, что она сдѣлалась жертвой ловушки, приготовленной Наполеономъ. Онъ разослалъ по свѣдѣнiямъ, имѣющимся у Императора, своихъ агентовъ, съ цѣлью сѣять неудовольствiе въ народѣ. Если бъ Александръ остался въ арміи, подобные агенты должны были истолковывать это, какъ проявленiе самолюбiя, отъѣздъ же Государя изъ арміи объяснялся агентами Наполеона трусостью русскаго царя. Другiе агенты имѣли порученiе внести раздоръ въ самую Императорскую семью. Жертвой ихъ козней и сдѣлалась, какъ думаетъ императоръ, его сестра и другiе. Нельзя отрицать возможность такихъ способовъ веденiя войны Наполеономъ. Мы знаемъ, какъ далеко онъ шелъ, какъ былъ проницателенъ и какъ мало стѣснялся въ выборѣ средствъ. Но можно видѣть въ этихъ сообщенiяхъ сестрѣ и догадкахъ Александра плодъ чрезмѣрной подозрительности, всегда обостряющейся во время бѣдствiй.

Императоръ Александръ не ограничился въ своемъ

письмѣ лишь парированьемъ обвиненій Великой Княгини. Онъ тонко далъ понять своей сестрѣ всю несвоевременность и неумѣстность ея сѣтованій и негодующихъ попрековъ. Какъ писалъ государь, всѣ его сердечные помыслы, думы, старанья направлены къ пользѣ родины. „Мнѣ не достаетъ“, — говоритъ онъ,—„быть можетъ, способности, но это не моя вина“. Указывая затѣмъ на неизбѣжность злоключеній въ борьбѣ съ врагомъ, который „съ ужасной преступностью соединяетъ величайшія въ мірѣ способности и не только располагаетъ „силами всей Европы“, но и имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлую „массу талантливыхъ людей, закаленныхъ 20-ти-лѣтней войной и революціей“, императоръ отмѣчаетъ трудность своего положенія: крайній недостатокъ хорошихъ помощниковъ, огромность и сложность русскаго государственнаго механизма, тяжесть страшной войны. „Припомните“,—пишетъ Александръ,—„какъ часто мы предвидѣли эти злоключенія, разговаривая другъ съ другомъ наединѣ; даже потеря обѣихъ столицъ признавалась возможной и только *одно упорство*[1]) считалось средствомъ для излеченія бѣдствій этой жестокой эпохи. Я далекъ отъ потери мужества, несмотря на всѣ испытываемыя мной непріятности, я рѣшился тверже, чѣмъ когда либо, упорствовать въ борьбѣ, и всѣ мои заботы направлены къ достиженію этой цѣли“. Непониманіе государя и его намѣреній со стороны цѣлой массы людей, знающихъ императора Александра болѣе или менѣе поверхностно, было не столь чувствительно для него, сколько подобное же непониманіе, обнаруженное тѣми, которымъ русскій царь открывалъ всѣ свои помышленія и которые должны были бы знать его душу до мельчайшихъ ея изгибовъ. „Но хотя и это огорченіе должно присоединиться“,—продолжаетъ патетически императоръ,—„къ прочимъ испытываемымъ мной бѣдствіямъ, я, клянусь Богомъ, не обвиняю такихъ людей за ихъ мысли, а увижу въ томъ лишь еще разъ, что общая участь несчастныхъ—быть покинутыми всѣми“. „Извините

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ, писанномъ по французски. Переводъ здѣсь и особенно ниже не претендуетъ на дословную точность, а старается возможно ближе передать смыслъ подлинника.

меня, мой добрый другъ", — прибавляетъ ласково императоръ, — „что я испытывалъ ваше терпѣніе и длиннымъ своимъ посланіемъ, и тѣмъ, что такъ долго не могъ собраться Вамъ его написать, но я могъ урывать отъ своихъ ежедневныхъ занятій очень мало времени".

Занимавшее насъ письмо императора было написано имъ 18-го сентября. Изъ него мы видимъ, какъ владѣлъ собой въ то время императоръ Александръ и какъ онъ былъ вѣренъ давно принятому рѣшенію довести до конца упорную борьбу съ Наполеономъ. Нельзя сказать, чтобы неудачи наши его не разстраивали и не тревожили. Такъ есть извѣстіе, что государь не могъ сдержать своего волненія въ день полученія извѣстій объ оставленіи Москвы безъ боя и плакалъ, стоя на колѣняхъ, во время молебна въ Казанскомъ соборѣ, отслуженнаго по случаю выступленія въ походъ Петербургскихъ ополченцевъ. Но онъ и тутъ не потерялъ способности дѣйствовать и, обезпокоенный помимо сдачи Москвы движеніемъ Кутузова на Рязанскую дорогу, а также отсутствіемъ донесеній отъ него, послалъ немедленно въ армію своего довѣреннѣйшаго генералъ-адъютанта, князя Волконскаго, узнать о положеніи дѣлъ. Раздосадованный дѣйствіями Кутузова, Государь думалъ даже замѣнить его Барклаемъ, но отказался отъ своего намѣренія, вѣроятно, не желая еще больше смущать и пугать русское общество.

Между тѣмъ ожидаемое донесеніе было наконецъ привезено 9-го сентября полковникомъ графомъ Мишо. Въ этомъ донесеніи Кутузовъ объяснилъ вполнѣ логично причины отступленія отъ Москвы безъ боя и перехода на Калужскую дорогу для прикрытія заводовъ: оружейнаго въ Тулѣ и литейнаго въ Брянскѣ, а также дѣйствій на сообщенія врага. Затѣмъ, указывая на неизбѣжность оставленія Москвы послѣ оставленія Смоленска, фельдмаршалъ настоятельно утверждалъ, что потеря Москвы не есть потеря Россіи; не скрылъ Свѣтлѣйшій и того обстоятельства, что не всѣ генералы соглашались на оставленіе Москвы безъ боя. „Полковникъ Мишо объяснитъ Вашему Императорскому Величеству обстоятельнѣе положеніе нашихъ дѣлъ", говорилось въ концѣ донесенія.

Мишо явился въ Каменноостровскій дворецъ и былъ немедленно принятъ Государемъ.

— „Конечно, вы присланы съ печальными вѣстями“.

— „По несчастію, весьма печальными. Москва нами оставлена“...

— „Какъ! Развѣ мы проиграли сраженіе, или Мою древнюю столицу отдали безъ боя?“

— „Къ сожалѣнію, окрестности Москвы не представили выгоднаго мѣсторасположенія для сраженія съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, а потому главнокомандующій увѣренъ, что онъ избралъ спасительную мѣру, сохранивъ Вашему Величеству армію. Погибель войскъ не могла спасти Москвы и должна была имѣть самыя пагубныя послѣдствія. Теперь армія, получа всѣ назначенныя ей Вашимъ Величествомъ подкрѣпленія, встрѣченныя мной повсюду на дорогѣ, гдѣ я проѣзжалъ, въ состояніи будетъ начать наступательныя дѣйствія и заставить непріятеля раскаяться, что онъ дерзнулъ проникнуть въ сердце Вашей Имперіи“.

— „Вошелъ ли непріятель въ Москву?“

— „Вошелъ, Государь, и въ эту минуту она превращена уже въ пепелъ; я оставилъ ее, объятую пламенемъ“.

— „Боже мой, что за несчастіе!“

— „Не огорчайтесь, Государь!.. Ваша армія ежедневно усиливается“...

— „Изъ всего, что съ нами сбывается, я заключаю, что Провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ пожертвованій, особенно отъ Меня. Я готовъ покориться волѣ Его, но скажите: что говорили войска, когда древнюю столицу Мою оставляли безъ выстрѣла? Не подѣйствовало ли это на нравственность солдатъ? Не замѣтили ль вы упадка въ духѣ?..“

— „Позволите ли мнѣ, Ваше Величество, говорить Вамъ откровенно, какъ солдату“.

— „Я этого всегда требую, но теперь прошу Васъ: не скрывайте отъ меня ничего. Скажите мнѣ чистосердечно все, что знаете“.

— „Государь, я долженъ Вамъ признаться, что оста-

вилъ армію, съ главнокомандующаго до послѣдняго солдата, въ неописанномъ страхѣ".

— „Что вы говорите? Отчего происходитъ страхъ? Ужели Мои Русскіе сокрушены несчастіемъ".

— „Нѣтъ, Ваше Величество, они только боятся, чтобы Вы по добротѣ Вашего сердца не заключили мира; они горятъ желаніемъ сразиться и доказать Вамъ храбростію своею и пожертвованіемъ жизни, сколь они Вамъ преданы".

— „Вы облегчили мое сердце; вы Меня успокоили; возвратитесь въ армію, говорите Моимъ вѣрноподданнымъ, вездѣ, гдѣ вы будете проѣзжать, что если у Меня не останется ни одного солдата, то я созову Мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду Самъ предводительствовать ими, и подвигну всѣ средства Моей имперіи. Россія представляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ полагаетъ непріятель, но если судьбою и Промысломъ Божіимъ предназначено роду Моему не царствовать болѣе на престолѣ Моихъ предковъ, то, истощивъ всѣ усилія, я отращу себѣ бороду до сихъ поръ [1]) и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ Моего отечества и добрыхъ Моихъ подданныхъ, пожертвованія коихъ умѣю цѣнить. Провидѣніе испытываетъ насъ; будемъ надѣяться, что оно насъ не оставитъ".

Затѣмъ послѣ короткой паузы, во время которой императоръ порывисто ходилъ по комнатѣ, Александръ крѣпко пожалъ руку Мишо и проговорилъ: „Не забудьте, что я Самъ теперь говорю; можетъ быть, настанетъ время, когда мы вспомнимъ объ этомъ съ удовольствіемъ: Наполеонъ или Я, Я или—онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать".

— „Государь! Ваше Величество подписываете въ сію минуту славу Вашего народа и спасеніе Европы".

— „Да исполнится предсказаніе ваше; подите отдыхать, и будьте готовы возвратиться въ армію".

Мы нарочно привели этотъ разговоръ, такъ какъ въ немъ ярко отразилась и твердая рѣшимость Александра I,

---

[1]) Тутъ Александръ показалъ рукой на свою грудь.

и основаніе политики его по отношенію къ своему непримиримому врагу, Наполеону. Той же рѣшимостью дышитъ и объявленіе народу о занятіи непріятелемъ Москвы, гдѣ объясняется настоящее положеніе дѣлъ и говорится о твердомъ намѣреніи всѣхъ русскихъ людей продолжать войну. Въ концѣ воззванія помѣщено молитвенное обращеніе: „Боже всемогущій! Обрати милосердыя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ Россійскую церковь. Даруй поборающему по правдѣ вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе. Сими да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ, да преодолѣетъ его и, спасая себя, спасетъ свободу и независимость Царей и Царствъ!“ Это объявленіе было по приказанію Кутузова переведено на французскій языкъ и разослано на переднія позиціи для распространенія въ непріятельскихъ войскахъ.

Готовясь къ дальнѣйшей войнѣ съ Наполеономъ, императоръ отказывался отъ всякихъ переговоровъ съ нимъ и выразилъ даже неудовольствіе Кутузову за то, что фельдмаршалъ принялъ Лористона, посланнаго, какъ мы знаемъ, въ русскій лагерь съ цѣлью дальнѣйшей поѣздки въ Петербургъ. Въ то же время Александръ I обнаруживалъ понятное, если принять во вниманіе настроеніе въ народѣ, нетерпѣніе. Онъ послалъ 2-го октября къ Кутузову письмо, въ которомъ побуждалъ старика фельдмаршала къ переходу въ наступленіе и даже написалъ ему: „Вспомните, что Вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному Отечеству въ потерѣ Москвы“.

Однако, прежде чѣмъ курьеръ доѣхалъ съ этимъ письмомъ до нашей дѣйствующей арміи, произошло такъ называемое Тарутинское сраженіе, вѣрнѣе, бой при рѣкѣ Чернишнѣ. Есть основаніе думать, что Кутузовъ съ неохотой согласился на этотъ бой, уступая настояніямъ Бенигсена, которымъ была подана докладная записка фельдмаршалу; диспозиція сраженія была составлена Толемъ.

По первоначальному плану нападеніе нашихъ войскъ на французскій авангардъ предназначено было на 5-е число, но по небрежности оплошнаго на этотъ разъ Ермолова диспо-

зиція во время не была разослана по войскамъ, и Кутузовъ, пріѣхавшій на передовыя позиціи, нашелъ всѣхъ въ полномъ невѣдѣніи о предстоящемъ дѣлѣ. Фельдмаршалъ страшно вспылилъ и хотѣлъ было удалить Ермолова изъ дѣйствующей арміи, но Коновницынъ заступился за этого выдающагося способностями и заслугами генерала. Наступленіе было отложено на цѣлыя сутки. Оно состоялось 6-го октября, велось подъ руководствомъ Бенигсена и стоило намъ до 1.200 убитыми и ранеными. Въ числѣ убитыхъ былъ одинъ изъ храбрыхъ корпусныхъ командировъ Багговутъ, а раненыхъ—извѣстный впослѣдствіи военный историкъ, описавшій войну 1812 года, Михайловскій-Данилевскій, тогда молодой офицеръ. Диспозиція, очень удачная, не могла по обстоятельствамъ быть выполнена, и одинъ изъ корпусовъ не прибылъ во время на поле битвы, чѣмъ помѣшалъ задуманному обходу непріятельскихъ силъ. Тогда Кутузовъ, находившійся на лѣвомъ крылѣ нашей арміи и получившій извѣстіе объ отправленіи всѣхъ обозовъ Великой арміи къ Можайску, удержалъ въ бездѣйствіи это крыло, что дало Мюрату возможность уйти съ большей частью ввѣренныхъ ему войскъ. Такимъ образомъ, наступленіе нашихъ войскъ нельзя было считать вполнѣ удавшимся: обходъ и захватъ Мюрата не состоялся. Впрочемъ, французы потеряли не менѣе 600 человѣкъ убитыми и ранеными и 1.500 плѣнными. Въ числѣ 2-хъ убитыхъ генераловъ былъ начальникъ Мюратовской гвардіи Дерп. Русскія войска захватили 1 штандартъ, 38 орудій, 40 зарядныхъ ящиковъ и множество повозокъ. Такимъ образомъ, были всѣ основанія считать этотъ бой полной побѣдой русскихъ, что окрылило наши войска надеждой на скорое изгнаніе враговъ изъ Россіи. Бенигсенъ, вообразившій, что Кутузовъ съ умысломъ задерживалъ лѣвое крыло нашей арміи, чтобы не дать возможности ему (т. е. Бенигсену) одержать рѣшительную побѣду, держалъ себя съ фельдмаршаломъ вызывающе. Онъ, правда, явился къ нему съ докладомъ о боѣ, но не сошелъ съ лошади, ссылаясь на полученную въ битвѣ контузію, и очень холодно отвѣчалъ на привѣтствія и поздра-

вленія Кутузова. Бенигсенъ не удовольствовался этой выходкой, а въ донесеніи фельдмаршалу приписалъ весь достигнутый успѣхъ исключительно себѣ и рѣшился написать слѣдующее: „Поспѣшаю донести Вашей Свѣтлости о вчерашнемъ сраженіи, которое я имѣлъ честь начать, продолжать и окончить, и коего послѣдствія уже Вамъ извѣстны... Я желалъ-бы, чтобъ обстоятельства позволили Вашей Свѣтлости быть такъ, какъ былъ я, свидѣтелемъ порядка и мужества, съ каковыми ввѣренныя мнѣ войска совершили различныя атаки, въ коихъ онѣ покрыли себя славою и честію". Послѣ такого донесенія Бенигсенъ былъ совершенно устраненъ Свѣтлѣйшимъ отъ всѣхъ обязанностей по званію Начальника Штаба арміи.

Тѣмъ не менѣе, Кутузовъ въ своемъ донесеніи Государю о Тарутинской побѣдѣ одобрительно отозвался о дѣйствіяхъ Бенигсена. Донесеніе повезъ Мишо, потому что Государь приказалъ прислать его съ извѣстіемъ о первой одержанной нами побѣдѣ и тѣмъ вознаградить храбраго офицера, явившагося печальнымъ вѣстникомъ оставленія нашей арміей Москвы. Мишо, донеся подробности о сраженіи, просилъ у Государя позволенія доложить ему о желаніи арміи, чтобы Императоръ принялъ начальствованіе надъ ней. Государь отвѣчалъ отказомъ. Онъ сказалъ, что хотя честолюбіе и побуждаетъ его отправиться къ арміи, но, не сомнѣваясь въ скоромъ и полномъ успѣхѣ нашихъ войскъ, онъ не хочетъ ни присвоивать себѣ славы чужихъ подвиговъ, ни рисковать сдѣлать какую-нибудь „ошибку, отъ которой прольется драгоцѣнная кровь дѣтей" его. Возвратитесь къ Фельдмаршалу",—заключилъ Государь:—„поздравьте его съ побѣдою и скажите ему, чтобы онъ изгналъ непріятелей изъ Россіи".

Довольный результатами Тарутинскаго сраженія, Императоръ Александръ щедро наградилъ его участниковъ. Такъ Кутузовъ получилъ золотую шпагу съ алмазами и лавровымъ вѣнкомъ, и Государь удостоилъ его собственноручнаго Рескрипта: „Побѣда, одержанная вами надъ Мюратомъ, обрадовала несказанно Меня. Я льщу себя надеждою, что сіе есть начало, долженствующее имѣть за собою еще

важнѣйшія послѣдствія. Слава Россіи нераздѣльна съ вашей собственною и съ спасеніемъ Европы". Бенигсенъ былъ награжденъ алмазными знаками Ордена Св. Андрея Первозваннаго и получилъ деньгами 100.000 рублей. Но когда этотъ генералъ вздумалъ послать Государю письмо, въ которомъ обвинялъ Кутузова въ пагубномъ бездѣйствіи арміи, умышленномъ удержаніи лѣваго крыла ея въ дѣлѣ при Тарутинѣ, въ развратѣ и нѣгѣ, Александръ I былъ разгнѣванъ. Онъ отослалъ письмо Свѣтлѣйшему, и Бенигсену было предложено уѣхать изъ арміи. Такое неожиданное и печальное послѣдствіе имѣлъ Тарутинскій бой для одного изъ главныхъ его виновниковъ.

Дѣло при Тарутинѣ имѣло и другое, гораздо болѣе важное, слѣдствіе. Этого слѣдствія ожидалъ и нѣсколько опасался Кутузовъ. Тарутинскій бой испугалъ Наполеона и ускорилъ и безъ того неизбѣжный уходъ его изъ Москвы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отступленіе Великой арміи. Березина.

Выступленіе Великой арміи изъ Москвы.—Приказаніе, данное Наполеономъ Мортье, взорвать Кремль и поджечь казенныя зданія.—Опрометчивость генерала Винценгероде и плѣнъ его.—Выступленіе Мортье изъ Москвы.—Неудачные взрывы Кремля.—Русскія войска въ Москвѣ.—Отступленіе Великой арміи по Калужской дорогѣ.—Бой подъ Малоярославцемъ.—Отступленіе Наполеона по Смоленской дорогѣ.—Невзгоды Великой арміи.—Бой подъ Вязьмой.—Наполеонъ въ Смоленскѣ.—Подвиги партизановъ.—Отступленіе Великой арміи на Оршу.—Бой подъ Краснымъ.—Геройство Нея.—Приходъ Дунайской арміи къ Березинѣ.—Чичаговъ.—Трудность возложенной на него задачи.—Наполеонъ у Березины.—Переправа Великой арміи черезъ Березину.—Бой у Березины.—Виновенъ ли Чичаговъ въ неполной удачѣ своихъ дѣйствій?

Тарутинскій бой окончательно открылъ Наполеону глаза на тщетность всѣхъ его надеждъ заключить миръ съ императоромъ Александромъ. Геніальный полководецъ понялъ, какой страшной опасностью грозитъ ему дальнѣйшее пребываніе въ Москвѣ, такъ какъ усилившаяся русская армія

можетъ окончательно отрѣзать его войска отъ ихъ базы. Наполеонъ сталъ дѣйствовать съ присущей ему энергіей и стремительностью. Весь вечеръ 6-го октября онъ диктовалъ разныя приказанія. Мюрату, отошедшему послѣ боя на рѣкѣ Чернишнѣ къ Воронову, было приказано держаться на этой позиціи около 4—5 дней и поджидать тамъ Великую армію, которая придетъ, „чтобы идти на непріятеля и прогнать его“. Въ депешѣ своему министру иностранныхъ дѣлъ, герцогу Бассано, находившемуся въ Вильнѣ, Наполеонъ сообщалъ: „Съ выступленіемъ арміи въ походъ, завтра я рѣшу взорвать Кремль и двинуться на Калугу или Вязьму“. Изъ этихъ словъ ясно, что Наполеонъ ставилъ свое движеніе въ зависимость отъ того, удастся ему или нѣтъ обойти Кутузова. Въ первомъ случаѣ онъ избавлялся отъ необходимости идти по старой дорогѣ и могъ бы достичь Смоленска, преслѣдуемый русскими лишь съ тыла.

Рѣшившись на уходъ изъ Москвы, Наполеонъ оставилъ въ ней маршала Мортье, давъ ему порученіе взорвать Кремль и сжечь цѣлый рядъ казенныхъ зданій. Въ ночь на 7-е началось и весь день 7-го затѣмъ продолжалось отступленіе Великой арміи изъ Москвы. По численности пѣхоты и по состоянію здоровья солдатъ эта армія усилилась во время пребыванія въ Москвѣ, получивъ несмотря на удачныя дѣйствія нашихъ партизановъ и населенія, ведшаго народную войну, значительныя подкрѣпленія и отдохнувъ отъ тягостей походной жизни.

За то кавалерія Великой арміи была крайне слаба за недостаткомъ пригодныхъ лошадей. То же надо сказать и объ артиллеріи, часть которой Наполеонъ былъ вынужденъ оставить вскорѣ послѣ выступленія изъ Москвы. Кромѣ того пребываніе въ большомъ городѣ и грабежъ его, допущенный императоромъ французовъ, деморализировали солдатъ и въ сильнѣйшей мѣрѣ подорвали среди нихъ дисциплину. Поэтому войска, выступая изъ Москвы, везли съ собой цѣлыя массы награбленнаго имущества, и строгія приказанія Наполеона были въ этомъ отношеніи безсильны. Между тѣмъ огромные обозы отягчали армію, замедляли ея дви-

женія и были одной изъ важныхъ причинъ ея гибели. Слабой стороной Великой арміи была также продовольственная часть; припасовъ было мало; плохо было и обмундированье войскъ, вырядившихся поэтому въ награбленное у москвичей платье. А нельзя отрицать, что мундиръ имѣетъ извѣстное вліяніе на поддержаніе дисциплины. Былъ еще факторъ, служившій въ нашу пользу: отступленіе Наполеона, и въ особенности послѣ пораженія Мюрата, пораженія, о которомъ солдаты Великой арміи знали, не могло не дѣйствовать угнетающимъ образомъ на непріятельскія войска.

Немедленно по уходѣ главныхъ силъ Великой арміи изъ Москвы въ городѣ начались пожары, къ счастію не принявшіе значительныхъ размѣровъ. Къ чести французовъ приказъ Наполеона о сожженіи столичныхъ зданій и взорваніи Кремля не встрѣтилъ сочувствія въ его подвластныхъ, и они исполняли его неохотно, а кромѣ того давали знать встрѣчнымъ русскимъ людямъ объ угрожающей опасности. Слыша подобныя сообщенія, многіе жители бѣжали изъ города, который охранялся слабо и на окраинахъ котораго постоянно появлялись казаки и вооруженные крестьяне, затѣвавшіе перестрѣлку съ отрядами, охранявшими Кремль.

Въ это время генералъ-адъютантъ Винценгероде передвинулся съ своими войсками къ самой Москвѣ и имѣлъ главную квартиру въ Чашникахъ, въ 12-ти верстахъ отъ города. Услыхавъ отъ бѣглецовъ изъ Москвы о намѣреніи французовъ взорвать Кремль, понявъ, какими бѣдствіями и поруганіемъ русскихъ народныхъ святынь это угрожаетъ, пылкій Винценгероде помчался въ городъ, захвативъ съ собой ротмистра Нарышкина и одного казака. Онъ желалъ вступить въ переговоры съ самимъ Мортье, но не соблюлъ требуемыхъ отъ парламентера правилъ и не взялъ съ собой трубача. У генералъ-губернаторскаго дома на Тверской Винценгероде былъ взятъ въ плѣнъ французскимъ пикетомъ и отведенъ къ Мортье. Послѣдній несмотря на всѣ объясненія нашего генерала объявилъ его военноплѣннымъ и отправилъ къ Наполеону.

Поступокъ Мортье вполнѣ извинителенъ. Онъ не могъ допустить русскаго генералъ-адъютанта и командира корпуса, стоявшаго у Москвы, до осмотра города и отъѣзда къ своимъ войскамъ. Винценгероде могъ замѣтить малочисленность французовъ и воспользоваться своимъ открытіемъ. За то нельзя оправдать обхожденія Наполеона съ опрометчивымъ русскимъ генераломъ. Императоръ французовъ позволилъ себѣ осыпать ругательствами Винценгероде, угрожать ему разстрѣляніемъ и отправилъ его во Францію, какъ военноплѣннаго. Къ счастію для Винценгероде извѣстный намъ полковникъ Чернышевъ во время своего удачнаго партизанскаго поиска отбилъ у непріятелей плѣннаго генерала, а вмѣстѣ съ нимъ и Нарышкина, раздѣлявшаго его участь.

Появленіе Винценгероде въ Москвѣ показало Мортье, что русскія войска подошли къ столицѣ. Поэтому онъ въ ту же ночь выступилъ изъ Москвы, и, отойдя на незначительное разстояніе отъ столицы, далъ выстрѣломъ изъ пушекъ знакъ къ взрыву Кремля. Взрывы послѣдовали, но неудачные, и Кремль уцѣлѣлъ. Этой неудачѣ замысла Наполеона способствовалъ сильный дождь, шедшій наканунѣ весь день. Кромѣ того есть извѣстіе, что Мортье распорядился выдачей для этой цѣли негоднаго пороха, не желая содѣйствовать злодѣйскому поступку своего императора.

По уходѣ Мортье въ Москвѣ воцарилось безначаліе. Толпы оставшихся мародеровъ бродили по городу, буйствуя и производя ужасныя насилія. Наконецъ, 11-го октября казачій отрядъ подъ командой генералъ-маіора Иловайскаго 4-го вступилъ въ Москву. Радость перенесшихъ ужасы вражеской оккупаціи жителей была несказанна. У каретнаго ряда изъ развалинъ вышла навстрѣчу казакамъ женщина, взглянула на нихъ и съ крикомъ „Русскіе“ поклонилась въ землю, радостно крестясь.

Мало-по-малу въ Москву стали возвращаться покинувшіе ее жители, и въ ней потекла обычная мирная и трудовая жизнь. Главныя святыни Москвы спаслись отъ гибели, много памятниковъ старины сохранилось, столица обстроилась новыми каменными зданіями, но масса пре-

краснаго погибла во время Московскихъ пожаровъ. Погибли и старыя зданія, и древнія иконы, и рѣдкіе манускрипты [1]).

Москва начинала дышать свободно, а Великая армія свершала свое нерадостное отступленіе къ Смоленску. Наполеонъ сначала шелъ по Калужской дорогѣ, направляясь къ Малоярославцу. 7-го числа одинъ изъ передовыхъ отрядовъ его былъ выслѣженъ у села Фоминскаго генераломъ Дороховымъ, который прислалъ объ этомъ донесеніе въ главную квартиру русской арміи. Черезъ 2 дня Дороховъ подтвердилъ свое донесеніе, сообщивъ о томъ, что по его наблюденіямъ выслѣженная имъ дивизія Брусье имѣетъ цѣлью охранять сообщеніе главныхъ силъ французской арміи съ Можайскомъ. Кутузовъ отправилъ къ Фоминскому сильный 26.000 отрядъ подъ начальствомъ Дохтурова, къ которому прикомандировалъ Ермолова. Дохтуровъ выступилъ въ походъ утромъ 10-го, выславъ по совѣту Ермолова партизановъ Фигнера и Сеславина на поискъ непріятелей. Вслѣдствіе дурныхъ дорогъ войска Дохтурова подвигались медленно и въ теченіе дня дошли лишь до селенія Аристова; пройдя его, они расположились на ночлегъ. Отъ Дорохова пришло извѣстіе, что небольшой непріятельскій отрядъ находится уже на Боровской дорогѣ. Было за полночь, когда къ авангарду Дохтурова прискакалъ Сеславинъ, видѣвшій у Фоминскаго значительное число непріятельскихъ войскъ, карету Наполеона и гвардію его. Ему удалось захватить нѣсколько гвардейскихъ солдатъ, и онъ привезъ съ собой плѣннаго гвардейскаго унтеръ-офицера. Тотъ далъ показаніе, что всѣ войска Великой арміи направляются къ Малоярославцу. Оцѣнивъ всю важность донесенія Сеславина, оказавшаго своимъ смѣлымъ поискомъ большую услугу русской арміи, Дохтуровъ немедленно отправилъ къ фельдмаршалу своего дежурнаго штабъ-офицера Болговского. „Прискакавъ прямо къ квартирѣ генерала Коновницына“,—разсказываетъ Болговской,—„я нашелъ еще его работаю-

[1]) Между прочимъ нѣкоторые важные списки лѣтописей и подлинникъ „Слова о полку Игоревѣ“.

нимъ. Онъ, пораженный моимъ разсказомъ, тотчасъ пригласилъ графа Толя. Оба вмѣстѣ, принявъ отъ меня записку, пошли будить отъ сна фельдмаршала, а я остался въ сѣняхъ той избы, гдѣ онъ покоился. Ни мало не медля, онъ потребовалъ меня къ себѣ, и вотъ что я видѣлъ и слышалъ въ сію незабвенную для меня эпоху. Старца сего я нашелъ сидящимъ на постели, но въ сюртукѣ и въ декораціяхъ. Видъ его на тотъ разъ былъ величественный, и чувство радости сверкало уже въ очахъ его. „Разскажи, другъ мой“,—сказалъ онъ мнѣ,—„что такое за событіе, о которомъ вѣсти привезъ ты мнѣ? Неужели воистину Наполеонъ оставилъ Москву и отступаетъ? Говори скорѣй, не томи сердца, оно дрожитъ“. Я донесъ ему подробно, о всемъ вышесказанномъ, и, когда разсказъ мой былъ конченъ, то вдругъ сей маститый старецъ, не заплакалъ, а захлипалъ и, обратясь къ образу Спасителя, такъ рекъ: „Боже, Создатель мой, наконецъ Ты внялъ молитвѣ нашей, и съ сей минуты Россія спасена“. Онъ прорекъ и все сбылось! Тутъ подалъ генералъ Толь ему карту, и корпусъ Дохтурова получилъ повелѣніе, не слѣдовать, а, если можно, бѣжать къ Малому-Ярославцу, Всевышнимъ предопредѣленному, чтобы содѣлаться первой ступенью паденія Наполеона“.

Помимо приказанія, посланнаго Дохтурову, Кутузовъ предпринялъ рядъ мѣръ для окончательнаго опредѣленія пути отступленія Великой арміи. Вскорѣ ему удалось возстановить прямое сообщеніе русской арміи съ Петербургомъ черезъ Москву. Наши главныя силы между тѣмъ готовились къ немедленному выступленію изъ Тарутина къ Малоярославцу. Это выступленіе состоялось вечеромъ 11-го октября. Главная армія насчитывала къ этому времени въ своихъ рядахъ до 97.000 солдатъ и до 20.000 казаковъ. Армія отдохнула, воспрянула духомъ и готовилась къ новымъ битвамъ.

Дохтуровъ не дожидался приказаній отъ Кутузова, а быстро двинулся къ Малоярославцу, куда прибылъ на разсвѣтѣ 12-го октября. Городъ былъ занятъ передовымъ отрядомъ Великой арміи. Дохтуровъ послалъ часть войска,

поручивъ начальство Ермолову, съ приказаніемъ атаковать городъ и выбить оттуда французовъ. Возгорѣлся упорный бой, продолжавшійся 18-ть часовъ. Говорятъ, что городъ 8 разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Кутузовъ подошелъ тѣмъ временемъ близко къ Малоярославцу и остановился въ 5-ти верстахъ отъ него. Затѣмъ онъ получилъ просьбу Дохтурова о подкрѣпленіяхъ и прислалъ на помощь корпусъ Раевскаго, а главныя свои силы сосредоточилъ у города. Фельдмаршалъ отправился на передовыя позиціи, гдѣ кипѣлъ бой, и долго оставался въ огнѣ; наконецъ приказалъ Коновницыну очистить городъ и расположился на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ него. Въ самомъ концѣ боя къ Малоярославцу подоспѣлъ отрядъ Милорадовича, который въ одинъ день сдѣлалъ утомительный переходъ въ 50-ть верстъ. Кутузовъ радостно сказалъ отважному генералу. „Ты ходишь скорѣе, чѣмъ летаютъ ангелы“. Между тѣмъ и главныя силы Наполеона стягивались къ Малоярославцу. Войска отдыхали послѣ упорнаго боя, стоившаго обѣимъ сторонамъ по 6 тысячъ убитыми и ранеными. Вожди обѣихъ армій обдумали создавшееся положеніе. Вдругъ и съ той и съ другой стороны послѣдовалъ приказъ объ отступленіи. Кутузовъ отступилъ съ главными силами къ деревнѣ Детчино въ 14-ти верстахъ отъ Малоярославца, а Наполеонъ почти одновременно съ этимъ приказалъ идти къ Можайску на Смоленскую дорогу.

Такъ кончилось кровопролитное сраженіе подъ Малоярославцемъ, за которое Дохтуровъ былъ награжденъ орденомъ Георгія 2-ой степени. Военные историки наши, объясняя отступленіе Кутузова опасеніемъ обхода его арміи со стороны Медыни, гдѣ появились уже французскіе отряды, теряются въ догадкахъ о причинахъ поступковъ Наполеона передъ и послѣ сраженія. Проще всего объясняется отступленіе Великой арміи тѣмъ, что императоръ французовъ получилъ извѣстіе о появленіи русскихъ отрядовъ на Можайской дорогѣ. Это были простые казачьи разъѣзды, высланные для развѣдокъ, но въ положеніи Наполеона необходима была большая осторожность. Движеніе къ Малоярославцу

было, по нашему мнѣнію, попыткой найти болѣе удобную и безопасную дорогу къ Смоленску или, пожалуй, при полной удачѣ овладѣть Калугой, гдѣ были большіе запасы продовольствія. А принятіе боя подъ этимъ городомъ мы лично склонны считать внушительной демонстраціей, необходимой для Великой арміи, чтобы избѣгнуть фланговаго преслѣдованія ея русскими силами. Но, опасаясь обхода, Наполеонъ вынужденъ былъ выйти на Смоленскую дорогу и не могъ вполнѣ достичь поставленной себѣ цѣли, хотя и выигралъ, правда немного, нужное время.

Послѣ сраженія подъ Малоярославцемъ началось преслѣдованіе нами Великой арміи съ фланговъ и съ тыла. Кромѣ большихъ отрядовъ ее преслѣдовали партизаны, которые при томъ вмѣстѣ съ вооруженными жителями добивали отсталыхъ или забирали ихъ въ плѣнъ. Отставало же отъ Великой арміи ежедневно много солдатъ, истомленныхъ трудностями осенняго пути и удрученныхъ утренними заморозками. Большихъ морозовъ въ противность мнѣнію, долгое время бывшему ходячимъ, не было до ноября, но непривычные къ холоду западно-европейцы, особенно южане, страдали и отъ заморозковъ. Изъ многочисленныхъ военныхъ дѣлъ во время отступленія французовъ къ Смоленску надо отмѣтить авангардный бой подъ Вязьмой, гдѣ Милорадовичъ одержалъ рѣшительный успѣхъ въ столкновеніи съ нѣсколькими французскими корпусами. Потерявъ до 700 человѣкъ, Милорадовичъ взялъ въ плѣнъ 3.000 непріятелей и 3 орудія. Кромѣ того враги потеряли до 4.000 человѣкъ убитыми и ранеными. Кутузовъ уклонился отъ участія въ боѣ, хотя и находился съ главными силами вблизи мѣста сраженія.

Здѣсь умѣстно нѣсколько остановиться на образѣ дѣйствій нашего фельдмаршала. Онъ не спѣшилъ нагнать Наполеона и избѣгалъ рѣшительнаго сраженія съ нимъ. Когда его торопили болѣе молодые генералы, онъ охлаждалъ ихъ пылъ и говорилъ, что ему нужно довести до границы армію, способную внушить уваженіе Европѣ, въ союзѣ съ которой Императору Александру угодно вести дальнѣйшую

войну съ Наполеономъ. На возможность плѣненія Императора французовъ Свѣтлѣйшій не разсчитывалъ, понимая, вѣроятно, что это дѣло случая. Рѣшительнаго боя Кутузовъ давать не хотѣлъ, такъ какъ берегъ солдатъ и не желалъ рисковать безъ необходимости: онъ зналъ, какъ таетъ армія Наполеона и безъ генеральнаго сраженія. Въ то же время ни главнокомандующій, да и никто въ русской арміи не зналъ о томъ, что разстройство Великой арміи достигло крайней степени. А трудности похода и у насъ вывели изъ строя множество людей.

Однако духъ нашихъ войскъ былъ въ высшей степени бодръ, и, быть можетъ, генеральный бой быстрѣе и съ меньшими потерями привелъ бы насъ къ цѣли. Нельзя все-таки отрицать, что осторожная тактика Кутузова имѣла свои глубокія основанія, и онъ дѣйствовалъ навѣрняка, такъ какъ не было надобности рисковать. При этомъ фельдмаршалъ имѣлъ полное право разсчитывалъ на успѣхъ движеній армій Чичагова и Витгенштейна, подвигавшихся тѣмъ временемъ къ Днѣпру и его притокамъ. Не будемъ останавливаться на ихъ дѣйствіяхъ, а скажемъ только, что въ началѣ ноября они были близки къ своей цѣли.

Наполеонъ далъ между тѣмъ 4 дня отдыха своей арміи въ Смоленскѣ, куда прибылъ 28 октября. Великая армія находилась уже въ очень плачевномъ состояніи. Въ Смоленскѣ пришлось бросить часть артиллеріи, множество предметовъ роскоши, вывезенныхъ изъ Москвы, а также до 5.000 человѣкъ тяжелораненыхъ.

Наши войска тѣмъ временемъ насѣдали на непріятелей и тѣснили ихъ со всѣхъ сторонъ. Такъ 27-го октября наши партизаны Давыдовъ, Сеславинъ, Фигнеръ и графъ Орловъ-Денисовъ взяли въ плѣнъ бригаду Ожеро въ составѣ 19 офицеровъ и 1.650 нижнихъ чиновъ. Поэтому Наполеонъ не рѣшился долѣе оставаться въ Смоленскѣ и выступилъ 9-го ноября изъ этого города къ Оршѣ, оставивъ Нея въ арріергардѣ. Великая армія насчитывала въ своихъ рядахъ не болѣе 50.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 5.000 конницы на плохихъ лошадяхъ. Изъ орудій до 210 было потеряно при отступленіи

къ Смоленску, 140 оставлены въ этомъ городѣ. На пути отступленія къ Оршѣ Наполеону пришлось выдержать жестокій бой у Краснаго и потерять множество убитыми, ранеными и плѣнными. Еще болѣе была печальна участь корпуса Нея, который былъ застигнутъ русскими войсками при самомъ почти выступленіи изъ Смоленска. До 12-ти тысячъ изъ его войска сдались русскимъ [1]), но самъ храб-

рый маршалъ съ 3.000 человѣкъ оборонялся въ теченіе 3-хъ сутокъ, „удерживаясь съ свирѣпымъ упорствомъ“, и привелъ въ Оршу остатокъ своего отряда всего около 900 человѣкъ.

Изъ Орши Наполеонъ двинулся на Березину, гдѣ стояла его армія адмирала Чичагова и куда подвигалась армія графа Витгенштейна. Силы Чичагова были не такъ значительны, какъ можно было бы думать, зная, что подъ его

[1]) Отмѣтимъ здѣсь, что императоръ Александръ озаботился участью многочисленныхъ военноплѣнныхъ въ эту войну, приказалъ улучшить ихъ содержаніе и слѣдить за тѣмъ, чтобы „люди сіи не отправлялись иначе въ путь, какъ по окопировкѣ, которая сохранила бы ихъ отъ дальной нужды, наипаче въ теперешнее зимнее время“. Эта „окопировка“ стоила русской казнѣ нѣсколько милліоновъ.

начальствомъ находились 2 арміи. Дѣло въ томъ, что Чичаговъ долженъ былъ отдѣлить около 30.000 человѣкъ подъ командой генерала Сакена для наблюденія за непріятельскими корпусами Шварценберга и Ренье. Такимъ образомъ къ Березинѣ двинулось не болѣе 30.000 человѣкъ при 180 орудіяхъ. Правда, эта армія должна была усилиться отрядомъ генералъ-маіора Лидерса въ составѣ 3.500 человѣкъ и резервнымъ 15-ти тысячнымъ корпусомъ, стоявшимъ въ Мозырѣ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Эртеля. Но только первый отрядъ присоединился къ главнымъ силамъ Чичагова, а Эртель, дѣйствовавшій черезчуръ осторожно, не рѣшился выступать изъ Мозыря. Чичаговъ, котораго самъ Императоръ Александръ не безъ основанія характеризовалъ, какъ „человѣка дѣльнаго“, способнаго и энергичнаго, немедля отрѣшилъ Эртеля отъ командованія и на смѣну ему выслалъ генералъ-маіора Тучкова, къ себѣ же на соединеніе приказалъ двинуться отряду генерала Эссена 3-го, бывшему въ составѣ войскъ барона Сакена. Но несмотря на всѣ принятыя мѣры, послѣдствія „излишней осторожности“ Эртеля были уже непоправимы, и у Чичагова подъ Березиной собралось никакъ не болѣе 25-ти—30-ти тысячъ, принимая во вниманіе убыль отсталыми, больными, убитыми и ранеными въ стычкахъ съ непріятелемъ, а также оставленными въ разныхъ пунктахъ для поддержанія связи съ войсками Сакена.

Войска Чичагова на пути къ Березинѣ были полны радостнаго нетерпѣнія положить конецъ войнѣ. Самъ Чичаговъ раздѣлялъ надежды нѣкоторыхъ изъ нашихъ партизановъ о захватѣ Наполеона. На маршѣ отъ Минска къ Березинѣ онъ разослалъ всѣмъ корпуснымъ командирамъ и отряднымъ начальникамъ слѣдующее оповѣщеніе: „Наполеонова армія въ бѣгствѣ. Виновникъ бѣдствій Европы съ нею. Мы находимся на путяхъ его. Легко быть можетъ, что Всевышнему угодно будетъ прекратить гнѣвъ Свой, предавъ его намъ. Почему желаю я, чтобы примѣты сего человѣка всѣмъ были извѣстны: онъ роста малаго, плотенъ, блѣденъ, шея короткая и толстая, голова большая, волоса черные.

Для вящшей же надежности ловить и приводить ко мнѣ всѣхъ малорослыхъ. Я не говорю о наградѣ за сего плѣнника. Извѣстныя щедроты монарха нашего за сіе отвѣтствуютъ", 9 ноября утромъ авангардъ Дунайской арміи подошелъ къ Борисову и овладѣлъ имъ. Къ сожалѣнію при этомъ былъ тяжело раненъ пулей въ ногу опытный и мужественный графъ Ламбертъ, начальникъ авангарда арміи Чичагова. 10 ноября Чичаговъ, оставивъ на лѣвой сторонѣ Березины отрядъ графа Чаплица и всю кавалерію, съ пѣхотой перешелъ черезъ рѣку, собираясь соединиться съ арміей Витгенштейна и идти къ Оршѣ противъ Наполеона. Онъ выслалъ для полученія извѣстій о непріятелѣ авангардъ подъ начальствомъ графа Палена. Этотъ авангардъ 11-го ноября былъ опрокинутъ отрядами корпуса Удино, причемъ Чичаговъ узналъ о сосредоточеніи противъ него всѣхъ силъ Великой арміи, насчитывавшей по показаніямъ мѣстныхъ жителей послѣ присоединенія къ ней корпусовъ Удино и Виктора и многихъ мелкихъ отрядовъ, до 100.000 солдатъ. И въ дѣйствительности у Наполеона было около 80.000 человѣкъ, но изъ нихъ подъ ружьемъ находилось не болѣе 40.000, да и то изнуренныхъ утомительнымъ и опаснымъ отступленіемъ. Но слава непобѣдимости Наполеона смутила Чичагова, и онъ поспѣшно отступилъ на правый берегъ Березины, потерявъ при этомъ до 1.000 человѣкъ и много повозокъ, въ томъ числѣ фургоны съ своимъ столовымъ серебромъ.

Въ Великой арміи тѣмъ временемъ, когда Чичаговъ приблизился къ Березинѣ, произошли слѣдующія событія. Истребивъ во время пребыванія въ Оршѣ все, что могло задерживать сколько нибудь движеніе арміи, Наполеонъ 8-го ноября поспѣшно направился къ Борисову. Желая сохранить этотъ городъ въ своемъ распоряженіи, Наполеонъ приказалъ корпусу маршала Виктора всѣми силами удерживать армію Витгенштейна, шедшаго къ этой рѣкѣ съ сѣвера на соединеніе съ Чичаговымъ. Но Викторъ не рискнулъ вступить въ бой съ русскими и пошелъ на соединеніе съ Великой арміей. Это имѣло неожиданныя послѣдствія. Вит-

генштейнъ, видя быстрое отступленіе французовъ, рѣшилъ, что Наполеонъ будетъ переправляться ниже Борисова, а потому подвигался за удаляющимися врагами безъ требуемой обстоятельствами поспѣшности.

Главныя силы Великой арміи, двигавшіяся къ Борисову, терпѣли страшныя мученія; стоявшая нѣсколько дней оттепель вредно отозвалась на здоровьи войскъ; голодъ и наступившіе съ 9-го ноября холода доводили солдатъ французскаго императора до отчаянія; упадокъ духа овладѣлъ всѣми; нѣкоторые впадали даже въ безуміе. „Движеніе бывшей „Великой арміи“ подобилось погребальному шествію“, мѣтко замѣчаетъ Богдановичъ. 11-го числа, находясь въ мѣстечкѣ Бобръ, Наполеонъ приказалъ сжечь половину частныхъ обозовъ; въ его присутствіи сожжены были также „орлы“ всѣхъ полковъ. Спѣшенные гвардейскіе кавалеристы въ числѣ 1.800 человѣкъ, изъ которыхъ не болѣе 1.200 имѣли огнестрѣльное оружіе, были сформированы въ 2 баталіона. Къ резервной конницѣ въ 150 человѣкъ былъ присоединенъ „священный эскадронъ“ изъ 500 кавалерійскихъ офицеровъ. Начальство надъ этимъ эскадрономъ имѣли генералы Груши и Себастіани, взводами его командовали бригадные генералы.

Въ ночь на 12-ое ноября маршалу Удино удалось найти въ 16-ти верстахъ выше Борисова у деревни Студянки (Студенки) подходящій для переправы войскъ пунктъ. Онъ далъ знать объ этомъ Наполеону и получилъ приказаніе спѣшить съ переправой. Въ то же время для виду стали усиленно готовить матеріалы для постройки мостовъ ниже Борисова, разспрашивать мѣстныхъ жителей, главнымъ образомъ евреевъ, о дорогахъ, ведущихъ къ Игумену и Минску, съ тѣмъ, чтобъ они донесли объ этомъ Чичагову. Адмиралъ получилъ въ это же время изъ главной квартиры и отъ Витгенштейна свѣдѣнія, сообщающія, что Наполеонъ, повидимому, стремится перейти рѣку ниже Борисова. Все это заставило главнокомандующаго Дунайской арміей покинуть Борисовское мостовое укрѣпленіе и двинуться внизъ по рѣкѣ къ мѣстечку Шабашевичамъ, оставивъ у Борисова корпусъ графа Ланжерона.

Отрядъ Чаплица, стоявшій у деревни Брилей близъ Студянки, получилъ приказаніе отступать къ Борисовскому укрѣпленію. Чаплицъ замѣтилъ приготовленіе французовъ къ переправѣ, задержался на сутки въ Бриляхъ и въ ночь на 14-ое послалъ сдѣлать развѣдку. Результатомъ ея были извѣстія о постройкѣ непріятелемъ у Студянки моста и о сосредоточеніи всѣхъ силъ Великой арміи между Старымъ и Новымъ Борисовымъ. Вмѣсто того, чтобы остаться у Студянки, Чаплицъ стянулъ большую часть войскъ, состоявшихъ подъ его командой, къ Борисову. Это дало Великой арміи возможность начать 14-го ноября переправу.

Эта переправа требовала большихъ усилій. Понтоновъ, которыми такъ гордился Наполеонъ, уже не было: ихъ сожгли во время отступленія. За то понтонеры показали себя героями. Весь день по поясъ въ ледяной водѣ строили они мосты для переправы своихъ войскъ. Матеріалъ оказался плохимъ и требовалъ постоянной поправки. 88 изъ 100 незамѣтныхъ героевъ пали жертвой своего долга, смертельно простудившись во время своей самоотверженной работы. Между тѣмъ Чичаговъ узналъ отъ своихъ развѣдчиковъ о переправѣ Великой арміи близъ Студянки, далъ знать о томъ Свѣтлѣйшему и поспѣшилъ къ мѣсту перехода французовъ черезъ Березину. Чаплицъ, потерявшій время на безполезные переходы, вернулся къ Студянкѣ и, храбро сражаясь, пытался загладить свою недогадливость, но и здѣсь надѣлалъ рядъ промаховъ, такъ какъ не воспользовался выгодами своей позиціи. Подоспѣли войска Чичагова и Витгенштейна и 16 ноября, въ послѣдній день переправы, дали сраженіе войскамъ Наполеона. Въ это время дивизія генерала Партуно оставалась на другомъ берегу Березины, гдѣ и должна была сдаться отрядамъ Витгенштейна. Императоръ французовъ долгое время поджидалъ прихода этой дивизіи, потерялъ, наконецъ, надежду спасти ее и отступилъ съ жалкими остатками Великой арміи къ Зембину. Такъ закончилась знаменитая переправа черезъ Березину.

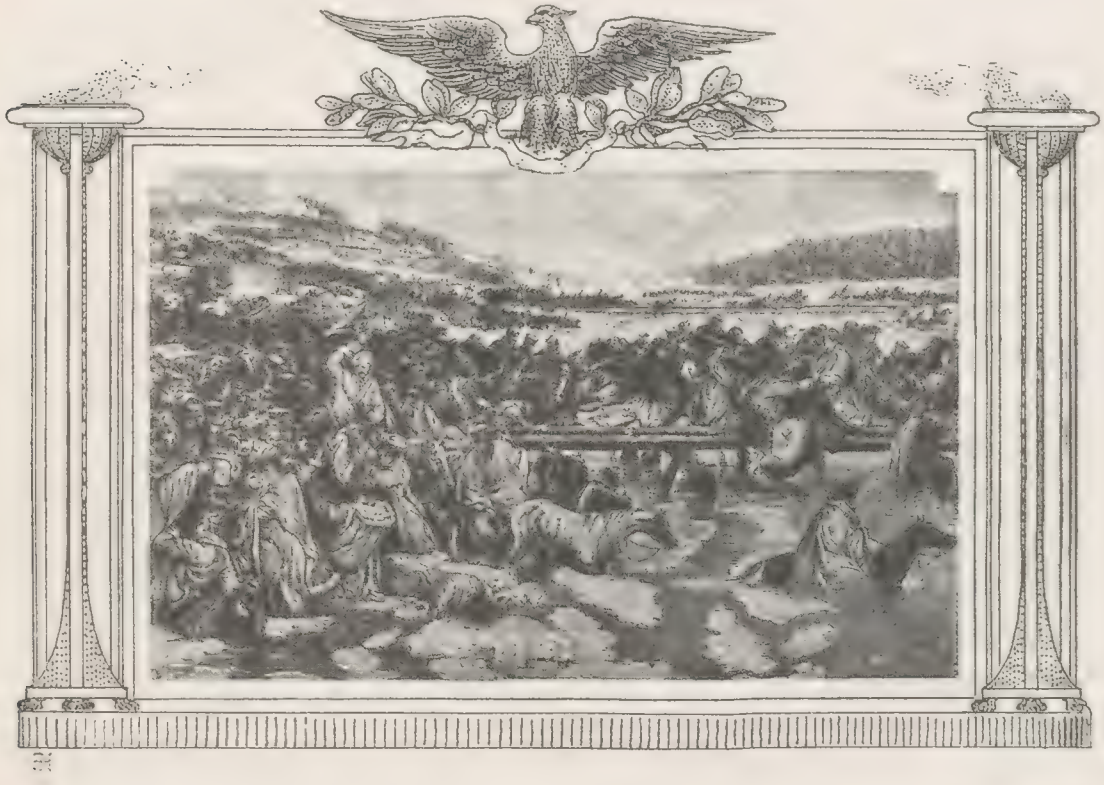
Надежды русскаго общества на плѣнъ Наполеона не сбылись. Стали искать главнаго виновника неудачи и скоро

нашли его—въ лицѣ адмирала Чичагова. По этому поводу нашъ геніальный баснописецъ Крыловъ написалъ басню „Щука и Котъ“. Насмѣшки, попреки, обидные намеки до такой степени оскорбили Чичагова, что онъ по окончаніи войны удалился въ Англію, гдѣ и жилъ до самой смерти, не пожелавъ вернуться въ Россію. Между тѣмъ Кутузовъ, ознакомясь съ дѣлами черезъ Ермолова и изъ донесеній всѣхъ главныхъ начальниковъ, „менѣе всѣхъ винилъ Чичагова“, и былъ очень раздосадованъ поступкомъ Чаплица, котораго съ тѣхъ поръ называлъ въ своемъ интимномъ кругу „коровой и дуракомъ“. Кромѣ того, по свидѣтельству князя А. Б. Голицына, Кутузовъ „обвинялъ во всемъ Витгенштейна, который изъ самолюбія и нежеланія подчиниться Чичагову изобрѣлъ множество предлоговъ не исполнить Высочайшаго назначенія перейти Березину“. „Сраженіе же при Студенкѣ дѣлаетъ мало чести графу Витгенштейну. Имѣя передъ собой одинъ корпусъ Виктора, разстроенныя войска и переправу трудную, ему слѣдовало въ этотъ день дѣйствовать рѣшительнѣе“. Кутузовъ говорилъ, что отдѣльныя дѣйствія Витгенштейна оправдать нельзя, а могутъ они только прощаться ради тогдашней славы его, ради изгнанія непріятельской арміи изъ Россіи и совершеннаго пораженія ея на другихъ пунктахъ, что Богъ довершитъ то, чего не умѣли сдѣлать отдѣльные русскіе генералы“.

„Кутузовъ“,—продолжаетъ Голицынъ,—„послѣ сраженія подъ Краснымъ разсчиталъ, сколько маршей Наполеонъ имѣетъ впереди и, не полагая болѣе настичь его во-время до Березины, рѣшился не изнурять войско свое усиленными маршами“. Этимъ Голицынъ какъ бы заранѣе защищаетъ своего любимаго начальника отъ возможныхъ упрековъ въ отсутствіи нашихъ главныхъ силъ на Березинѣ во время переправы черезъ нее Наполеона. Впрочемъ передовые отряды главной арміи подоспѣли къ Березинѣ въ нужную минуту и сражались подъ начальствомъ Ермолова и графа Платова съ французами.

Закончимъ нашъ очеркъ Березинской переправы указаніемъ на слѣдующій фактъ. Новѣйшій изслѣдователь этого

важнаго эпизода Отечественной войны, покойный генералъ Харкевичъ, всецѣло становится на сторону Чичагова, и, признавая наличность промаховъ съ его стороны, отмѣчаетъ, что онъ одинъ изъ главныхъ военачальниковъ во время прибылъ къ Березинѣ и что ему пришлось съ небольшими силами охранять чуть ли не стоверстное пространство. Поэтому и Витгенштейнъ, и Чаплицъ, по мнѣнію Харкевича, несравненно болѣе виноваты, чѣмъ Чичаговъ, несправедливо осужденный русскимъ общественнымъ мнѣніемъ.



ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Бѣгство остатковъ Великой арміи изъ Россіи.

Крайнее разстройство Великой арміи.—Отъѣздъ Наполеона въ Парижъ.—Бѣгство французской арміи до Вильны.—Сеславинъ.—Бѣгство непріятелей изъ Вильны.—Пріѣздъ Кутузова въ Вильну.—Свиданіе Кутузова съ Чичаговымъ.—Бѣгство французовъ въ Ковну, а отсюда за предѣлы Россіи.—Число вооруженныхъ непріятелей, перешедшихъ обратно предѣлы Россіи.—Потери русскихъ во время наступленія нашихъ войскъ.—Пріѣздъ императора Александра въ Вильну.—Его распоряженія. — Памятники войны. — Отказъ императора отъ титула „Благословенный".

Переправа Наполеона черезъ Березину давала ему возможность ускользнуть во Францію и сохранить офицерскіе кадры, нужные для дальнѣйшей войны. Это было крайне досадное обстоятельство для насъ, но справедливость требуетъ признать, что для французскихъ войскъ березинская переправа была въ высшей степени гибельна. Изъ 40 тысячъ вооруженныхъ солдатъ уцѣлѣло во время боевъ у Березины едва лишь 15.000; черезъ 3 дня число ихъ сократилось до 9.000 человѣкъ. Можно смѣло сказать, что Великая армія прекратила свое существованіе.

Лучшимъ доказательствомъ справедливости высказаннаго мнѣнія являются слова самого Наполеона, находящіяся въ перепискѣ его съ герцогомъ Бассано. Такъ, 17-го ноября онъ писалъ: „Я желаю, чтобы въ Вильнѣ не было ни одного иностраннаго агента. Армія въ настоящее время выглядитъ некрасиво... Продовольствія, продовольствія, продовольствія! Безъ этого нѣтъ насилія, на которое не была бы способна эта масса, утратившая дисциплину". Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 18-го ноября Наполеонъ называетъ остатокъ Великой

арміи скопищемъ въ „40.000 разбойниковъ“ и съ сожалѣніемъ говоритъ объ участи Вильны, если въ ней не будетъ заготовлено 100.000 раціоновъ пищи. Поэтому отступленіе остатковъ нѣкогда столь грозной Великой арміи неминуемо должно было обратиться въ самое постыдное бѣгство.

Одинъ изъ свидѣтелей этого жалкаго бѣгства, И. К. Арнольди, храбрый боевой офицеръ (впослѣдствіи генералъ отъ артиллеріи и сенаторъ), преслѣдовавшій непріятелей отъ Березины до Нѣмана, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, въ 1830-ыхъ годахъ: „Вотъ скоро минетъ этой эпохѣ 25 лѣтъ, но, еслибъ я прожилъ еще столько, не забылъ бы и тогда картины всѣхъ возможныхъ ужасовъ остервенѣнія, какіе встрѣчалъ на каждомъ шагу. Вотъ одинъ изъ нѣсколькихъ тысячъ примѣровъ: въ то время, когда я разилъ картечью по дорогѣ колонны французскія, въ 20-ти шагахъ отъ меня сбоку сидѣла кучка ихъ у огня и вырѣзала у умирающаго товарища своего мягкія части тѣла для пищи себѣ, за которыя тутъ же двое поссорившись закололи одинъ другого, не обративъ на это ни малѣйшаго вниманія остальныхъ товарищей. Въ теченіе 15-ти дней преслѣдованія французовъ отъ Березины до Нѣмана, подобныя этой сценѣ и даже еще ужаснѣйшія не оставляли являться намъ на каждой верстѣ почти“. Страшная стужа, доходившая до 27°, довершала бѣдствія бѣглецовъ. Наши войска также страдали отъ мороза, но были лучше одѣты и обуты, а главное— успѣхъ окрылялъ ихъ и давалъ силы переносить непогоду. И они гнали враговъ, не давая имъ времени опомниться и отдохнуть.

Наполеону нечего было дѣлать при арміи, доведенной до такого разложенія. Императору французовъ нужно было спѣшить въ Парижъ, чтобы тамъ собрать силы для новой борьбы. Кромѣ того, въ его отсутствіи въ Парижѣ были распущены слухи объ его смерти, и это вызвало попытку возмущенія. Наполеонъ рѣшилъ уѣхать. Чтобъ подготовить парижанъ къ своему возвращенію, геніальный политикъ приказалъ опубликовать 29-й бюллетень о состояніи военныхъ дѣлъ, причемъ измѣнилъ своей привычкѣ такъ без-

совѣстно искажать истину, что создалась поговорка: „лжетъ, какъ бюллетень“. Онъ довольно откровенно разсказалъ злоключенія арміи, хотя и умолчалъ о почти совершенномъ ея уничтоженіи. Между прочимъ, въ бюллетенѣ говорилось: „Необходимо было занимать довольно большое пространство, чтобы не позволить Русскимъ обойти насъ, а мы не имѣли кавалеріи, которая развѣдывала бы о непріятелѣ и сохраняла бы связь между нашими колоннами. Такія неудобства вмѣстѣ съ чрезвычайною, внезапно наступившею, стужею, сдѣлали положеніе наше несноснымъ. Люди, не одаренные отъ природы способностью переносить всѣ превратности судьбы и счастья, лишились бодрости и помышляли только о напастяхъ и бѣдствіяхъ: тѣ же, которыхъ твердость духа ставила выше обстоятельствъ, сохранили обычную свою веселость и находили славу въ преодолѣніи предстоявшихъ имъ трудностей. Непріятель, видя по дорогамъ слѣды ужасныхъ напастей, угнетавшихъ французскую армію, старался тѣмъ воспользоваться и окружилъ со всѣхъ сторонъ наши колонны казаками, которые, подобно Аравитянамъ въ пустыняхъ, отхватывали обозы. Эта негодная конница, которая не въ состояніи сдѣлать ничего кромѣ шума и не можетъ прорвать даже одной роты стрѣлковъ, сдѣлалась грозною въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какія мы были поставлены“. Излившъ такимъ образомъ досаду на казаковъ, своими смѣлыми нападеніями причинившихъ большой вредъ Великой арміи и поселявшихъ панику въ ея рядахъ, Наполеонъ представилъ переправу черезъ Березину блестящей побѣдой своихъ войскъ; онъ заявлялъ, что имъ надо только возстановить дисциплину, оправиться, снабдить лошадьми кавалерію и артиллерію и хорошенько отдохнуть.

Этотъ бюллетень былъ составленъ 21-го ноября. 23-го Наполеонъ былъ уже въ Сморгони. Онъ пригласилъ къ себѣ Мюрата, Евгенія Богарне, Бертье и всѣхъ маршаловъ, бывшихъ въ арміи, и объявилъ о томъ, что уѣзжаетъ изъ нея, оставляя своимъ „намѣстникомъ“ Неаполитанскаго короля „Я оставляю васъ“,—говорилъ Наполеонъ,—„затѣмъ, чтобы привести триста тысячъ солдатъ. Необходимо стать въ та-

кое положеніе, чтобы мы могли вести вторую кампанію, потому, что впервые война не кончилась одною кампаніей". Послѣ этихъ словъ императоръ французовъ сказалъ большую рѣчь, разсмотрѣлъ ходъ войны и причины неудачи; онѣ заключались, по его словамъ, въ слѣдующемъ: пожаръ Москвы, чрезвычайная стужа, низкіе происки, ошибки. Въ инструкціи, данной Мюрату, предписывалось держаться въ Вильнѣ, занять тамъ зимнія квартиры и т. д., но предвидѣлось и дальнѣйшее „отступленіе".

Въ 11 часовъ вечера 23-го ноября Наполеонъ, сопровождаемый небольшой свитой, покинулъ армію. Онъ ѣхалъ инкогнито и очень спѣшилъ. 24-го утромъ (въ 10 часовъ) онъ былъ уже въ Вильнѣ, но не остановился въ этомъ городѣ, а прослѣдовалъ предмѣстьями и на выѣздѣ въ Ковно далъ аудіенцію герцогу Бассано. Въ разговорѣ съ нимъ Наполеонъ выяснилъ, почему онъ спѣшитъ во Францію, и съ горечью сказалъ: „Что-же касается до арміи, то ея нѣтъ; нельзя назвать арміею нестройныя толпы, блуждающія на удачу для отысканія пищи и пристанища. Изъ нихъ еще можно было бы составить армію, если бы на какомъ-либо изъ ближайшихъ пунктовъ удалось намъ найти продовольствіе, обувь и одежду для голодныхъ людей, которые не могутъ продолжать похода по гололедицѣ въ морозы болѣе двадцати градусовъ. Но мое интендантство ничего не предвидѣло; мои приказанія не были исполнены". Въ отвѣтъ на подобное замѣчаніе герцогъ Бассано (Маре) представилъ императору французовъ вѣдомости, изъ которыхъ было видно, что въ Вильнѣ находятся большіе запасы хлѣба, скота, водки, пива, одежды, аммуниціи и ружей.

„Вы возвращаете мнѣ жизнь",—радостно промолвилъ Наполеонъ.—„Оставайтесь здѣсь до прибытія Мюрата и прикажите ему, моимъ именемъ, держаться въ Вильнѣ, по крайней мѣрѣ, недѣлю, чтобы сколько-нибудь устроить армію и продолжать отступленіе не въ такомъ жалкомъ состояніи".

Послѣ этой бесѣды Наполеонъ помчался далѣе и рано утромъ 26 ноября переѣхалъ русскую границу.

28 ноября императоръ французовъ былъ уже въ Вар-

шавѣ. Онъ вызвалъ къ себѣ своего посланника и виднѣйшихъ сановниковъ герцогства Варшавскаго и сказалъ имъ: „Вы удивляетесь, видя меня здѣсь; я былъ не въ силахъ воевать со стихіями. Я потерялъ всю мою кавалерію, почти всю артиллерію и всѣ обозы; въ двѣ ночи пало три тысячи лошадей... Я убѣдился, что французы еще могутъ воевать при морозѣ въ семь градусовъ; нѣмцы не переносятъ болѣе пяти. Меня будетъ судить потомство. Я сдѣлалъ промахъ, оставшись двѣ лишнихъ недѣли въ Москвѣ. Меня провели, увѣряя, что бояре примутъ мою сторону и что крестьяне прибѣгнутъ ко мнѣ, чтобы выйти изъ рабства. Все это ложь: я нашелъ поселянъ, и въ особенности Курляндцевъ (такъ въ подлинникѣ), весьма вѣрными государю, а дворянство—преисполненнымъ усердія къ правительству. Это дикій суевѣрный народъ, изъ котораго ничего нельзя сдѣлать. У казаковъ чортъ сидитъ въ тѣлѣ... Я поручилъ начальство королю Неаполитанскому, а самъ ѣду въ Парижъ, чтобы приготовиться къ другой кампаніи... О князѣ Шварценбергѣ не знаю ничего; я надѣялся найти его здѣсь, полагая, что онъ охранятъ Варшавское герцогство. Но вы сами должны содѣйствовать возстановленію вашего отечества. Нужно сдѣлать послѣднее усиліе, набрать вновь войска и въ особенности какъ можно болѣе легкой кавалеріи... Если не заключимъ мира, то я возвращусь къ вамъ весною съ новой арміей. У меня достанетъ людей на вашу защиту. Впрочемъ,—надѣюсь, что Пруссія и Австрія болѣе положительно примутъ мою сторону“.

Послѣ этого Наполеонъ сдѣлалъ распоряженіе о наборѣ въ герцогствѣ Варшавскомъ 10-ти тысячъ казаковъ, отдохнулъ нѣсколько часовъ и отправился далѣе. Быстро проѣхавъ Германію, онъ явился въ Парижъ 7-го декабря, ночью.

Между тѣмъ въ остаткахъ Великой арміи отъѣздъ Наполеона вызвалъ панику. Бертье по предписанію своего государя отдалъ въ приказѣ о назначеніи Мюрата командующимъ войсками и распустилъ слухъ о движеніи Наполеона къ Варшавѣ съ войсками Шварценберга и Ренье, т. е. австрійскими и саксонскими корпусами. Объ отъѣздѣ императора

въ Парижъ было повелѣно объявить не ранѣе, какъ черезъ пять дней. Но истина скоро разгласилась. „Онъ бѣжитъ, какъ бѣжалъ изъ Египта; онъ оставляетъ насъ, предавъ

гибели“, вопили обезумѣвшіе отъ ужаса солдаты. И новый главнокомандующій, прежде храбрый и блестящій Мюратъ, упалъ духомъ въ такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Безпорядочныя толпы солдатъ быстро двигались къ Вильнѣ, куда и прибыли 25 ноября. Лишь около 4-хъ тысячъ чело-

вѣкъ сохранили нѣкоторую способность сражаться и повиноваться приказаніямъ. Появленіе этихъ бандъ, голодныхъ и истощенныхъ, одѣтыхъ въ отрепья, изумили жителей Вильны, которые не подозрѣвали о плачевномъ состояніи „Великой арміи". Виленцы прятались по домамъ и запирали ихъ изъ страха передъ своими ужасными гостями, похожими на выходцевъ съ того свѣта. И они были правы. Правда, многіе, гонимые страхомъ, бѣжали черезъ городъ, не останавливаясь; другіе падали и умирали отъ истощенія на улицахъ его. Но огромное большинство занялось самымъ дикимъ грабежомъ, причемъ набрасывалось главнымъ образомъ на съѣстное; и это — не смотря на большіе запасы, приготовленные въ Вильнѣ.

Русскіе преслѣдовали непріятеля по пятамъ. Они безъ труда опрокинули выставленные противъ нихъ отряды, и 27 ноября храбрый Сеславинъ ворвался уже въ предмѣстье Вильны, но, не имѣя пѣхоты, былъ вытѣсненъ оттуда и остановился недалеко отъ города на бивуакахъ. Самъ Сеславинъ былъ тяжело раненъ въ этой жаркой схваткѣ пулей въ руку. 28 ноября при приближеніи болѣе сильныхъ русскихъ отрядовъ Мюратъ, а за нимъ и всѣ остальные бѣжали изъ Вильны, бросивъ въ ней всѣ оставшіяся орудія, въ числѣ 28, такъ называемые трофеи [1]), почти всѣ обозы, повозки съ ранеными и больными офицерами и экипажи Наполеона. Французы такъ спѣшили, что не успѣли даже сжечь громадныхъ припасовъ продовольствія, которые достались нашимъ войскамъ. Русскіе по пятамъ Нея, командовавшаго арріергардомъ, ворвались въ Вильну и заняли ее. Это былъ авангардъ арміи Чичагова. На другой день въ Вильну была перенесена квартира нашей главной арміи, и самъ фельдмаршалъ прибылъ въ этотъ городъ, въ которомъ былъ дважды военнымъ губернаторомъ и который очень любилъ. Немедленно состоялась встрѣча Кутузова съ Чичаговымъ, пріѣхавшимъ съ рапортомъ о состояніи своей

[1]) *Захваченныя французами изъ Московскихъ церквей знамена, старыя пушки и т. п.*

арміи. Князь Голицынъ передаетъ со словъ „одного знакомаго, который для любопытства писалъ все, что слышалъ", слѣдующія подробности свиданья: „Чичаговъ ожидалъ Кутузова во дворцѣ. Онъ былъ въ морскомъ вицъ-мундирѣ, съ кортикомъ, фуражка подъ мышкой, руки въ штанахъ. Онъ привѣтствовалъ главнокомандующаго, отдавъ ему строевую записку и у адъютанта изъ рукъ взявъ ключи города. Тутъ Кутузовъ не нашелъ другого сказать ему, какъ то, что взятыя у него въ Борисовѣ экипажи съ посудою его и проч. отобраны и что велѣно ему доставить. На это Чичаговъ съ хитрою улыбкою отвѣчалъ ему (разговоръ шелъ по французски): „Если это говорится, чтобъ сказать, будто мнѣ не на чемъ ѣсть, то я могу въ опроверженіе этого угостить Васъ обѣдомъ у себя и снабдить Васъ, если бы Вы пожелали давать обѣды". Но Храповицкій, бывшій въ отрядѣ Чичагова и по должности своей его сопровождавшій, разсказываетъ объ этомъ свиданьи согласнѣе, какъ намъ кажется, съ истиной: „Къ вечеру въ 8-мь часовъ, князь Кутузовъ въѣхалъ въ городъ и по принятію отъ меня рапорта спросилъ объ адмиралѣ. Я ему отвѣчалъ, что будетъ имѣть честь сейчасъ явиться... Я поскакалъ къ адмиралу... и... нашелъ его совсѣмъ готовымъ, но не въ парадномъ мундирѣ, а въ морскомъ вицъ-мундирѣ... Онъ велѣлъ мнѣ съ нимъ ѣхать... Входимъ въ залу и видимъ самого князя, къ намъ на встрѣчу идущаго... Здѣсь они обнялись и, взявшись рука объ руку, пошли въ дальнія комнаты; я... послѣдовалъ съ протчими за ними... Свѣтлѣйшій посадилъ адмирала возлѣ себя... князь Кутузовъ, наклонивъ немного голову, сказалъ адмиралу: „Поздравляю Васъ, Ваше Высокопревосходительство, съ одержанными побѣдами надъ врагомъ и вмѣстѣ съ симъ благодарю Васъ за всѣ Ваши распоряженія". Мнѣ самому показалось, что при семъ послѣднемъ словѣ онъ возвысилъ голосъ. Адмиралъ, не останавливаясь ни мало, голосомъ твердымъ и громкимъ отвѣчалъ: „Честь и слава принадлежитъ Вамъ одному, Ваше Сіятельство, ибо все, что ни дѣлалось, все, что ни исполнялось,—исполнялось буквально во всей силѣ слова повелѣній Вашихъ, слѣдовательно, побѣды

и всѣ распоряженія есть Ваше достояніе". Отпустивъ другъ другу такого рода привѣтствія, оба пріумолкли. Въ сію минуту подали чай и разговоръ начался обыкновенный. Адмиралъ, пробывъ около получаса, всталъ, простился, и князь Кутузовъ опять его проводилъ до залы".

Русскія войска расположились на отдыхъ около Вильны, а легкіе отряды продолжали гнать непріятелей. Мюратъ, прискакавшій вечеромъ 29-го ноября въ Ковно, собралъ на другой день всѣхъ маршаловъ; изъ донесеній оказалось, что гвардіи осталось лишь до 1.500 человѣкъ, да и то не всѣ могли сражаться. Мюратъ былъ доведенъ до отчаянія. Онъ сталъ громко порицать Наполеона за ненасытное властолюбіе, погубившее армію. Даву сурово замѣтилъ на это, что люди, возведенные императоромъ французовъ на высокія степени, не имѣютъ права упрекать его и что теперь время спасать войска, а не изливаться въ жалобахъ. Нею была поручена оборона Ковно. Перваго числа Мюратъ повелъ свои войска къ Вислѣ, а отважный Ней принялся за исполненіе своей невозможной задачи. 2-го декабря къ городу подошли Платовъ съ казаками и генералъ-маіоръ графъ Оруркъ съ кавалерійскимъ отрядомъ. Ней оказалъ храброе сопротивленіе, но когда русскіе заняли высоту, господствующую надъ городомъ, непріятели бѣжали. Самъ Ней кинулся съ 200 солдатъ кратчайшей дорогой къ Вильковишкамъ, но его солдаты разбѣжались, и онъ съ генераломъ Жераромъ окольнымъ путемъ пробрался въ этотъ городъ и явился къ генералу Дюма, который разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Вырвавшись изъ окаянной Россіи, я отдыхалъ на своей квартирѣ въ Вильковишкахъ, какъ вдругъ вошелъ ко мнѣ человѣкъ въ коричневомъ сюртукѣ, съ длинною бородою, красными, сверкающими глазами.—„Вы не узнали меня",—спросилъ онъ.—„Нѣтъ! Кто Вы?"—„Я арріергардъ Великой арміи, маршалъ Ней". Дѣйствительно—при немъ тогда не было никого, кромѣ генерала Жерара".

Взятіемъ Ковно закончилось, можно сказать, изгнаніе Великой арміи изъ Россіи. Оставались еще въ ней вспомогательныя войска, сражавшіяся и раньше неохотно; о

дѣйствіяхъ противъ этихъ войскъ не станемъ поэтому распространяться, а посмотримъ, что уцѣлѣло отъ „Великой арміи“ къ данному времени.

Изъ перешедшихъ обратно предѣлы Россіи главныхъ непріятельскихъ силъ было вооруженныхъ не болѣе 400 солдатъ Старой гвардіи и 600 гвардейской кавалеріи. Во

всѣхъ-же прочихъ корпусахъ уцѣлѣли лишь знамена и часть офицерскаго и унтеръ-офицерскаго состава; послѣднее обстоятельство было невыгодно для насъ, такъ какъ давало Наполеону необходимые для дальнѣйшей борьбы кадры опытныхъ начальниковъ и руководителей.

Наши потери были также очень велики. Трудности осенняго (съ заморозками и оттепелью), а затѣмъ суроваго зимняго похода давали себя знать. Наша главная армія потеряла при наступленіи 12-ть тысячъ убитыми и умершими отъ ранъ и болѣзней и до 48.000 отсталыми, ранеными и больными. Всего къ декабрю мѣсяцу подъ Вильной у Кутузова

было подъ начальствомъ 86.435 человѣкъ при 557 орудіяхъ, да на походъ было около 15—16 тысячъ. Особенно пострадала конница. Но войска сохраняли строевой видъ и отличались бодростью духа послѣ одержанныхъ успѣховъ.

12 декабря въ Вильну прибылъ императоръ Александръ I и былъ тамъ встрѣченъ фельдмаршаломъ. Ласково обнявъ Кутузова, Государь за руку съ нимъ прослѣдовалъ въ свой кабинетъ. Говорятъ, будто наединѣ онъ упрекалъ его за бездѣйствіе арміи при отступленіи Наполеона. Кутузовъ, сознаваясь въ нѣкоторыхъ промахахъ, справедливо оправдывался стеченіемъ обстоятельствъ. При выходѣ Свѣтлѣйшаго отъ Государя ему поднесенъ былъ на серебряномъ блюдѣ орденъ св. Георгія первой степени. Императоръ мало по-малу взялъ въ свои руки завѣдываніе арміей, но отличался необыкновенной благосклонностью къ Кутузову и постоянно совѣтовался съ нимъ.

Изъ множества распоряженій, сдѣланныхъ императоромъ Александромъ во время пребыванія въ Вильнѣ, слѣдуетъ отмѣтить манифестъ о прощеніи тѣхъ жителей западнаго края, которые въ теченіе воіны измѣнили долгу присяги.—Этотъ манифестъ имѣлъ политическое значеніе. Затѣмъ укажемъ на посѣщеніе Государемъ госпиталя, гдѣ томились раненые враги, и заботы объ улучшеніи ихъ участи.

Въ Вильнѣ Александръ I сказалъ своему генералитету: „Вы спасли не одну Россію, Вы спасли Европу“ и показалъ этимъ, что не считаетъ войну оконченной. Въ Вильнѣ же въ первый разъ было отпраздновано и изгнаніе Великой

арміи изъ Россіи. По окончаніи войны рѣшено было въ память ея построить величественный храмъ, который и былъ сооруженъ въ недавнее сравнительно время, но не по первоначальному плану и не въ предназначенномъ мѣстѣ [1]). Были выбиты также медали съ изображеніемъ Всевидящаго ока и съ надписью: „Не намъ, не намъ, а имени Твоему“ [2]).

По совершенномъ окончаніи войны высшіе сановники повергли къ стопамъ государя прошеніе придать къ своему титулу слово: „Благословенный“. Александръ отказался, желая быть скромнымъ и прося, „да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой“, но этотъ эпитетъ сохранился за нимъ въ исторіи.

Такъ кончилась исполинская затѣя Наполеона подчинить Россію своимъ видамъ и стремленіямъ. Твердая, какъ

---

[1]) Онъ долженъ быть выситься на Воробьевыхъ горахъ и 3-мя своими ярусами символизировать догматъ Троичности и идею 3-хъ великихъ періодовъ исторіи Вселенной.

[2]) Эти медали предназначались для ношенія на груди. Сверхъ того въ память войны была выбита медаль съ изображеніемъ группы и надписью: „Мы всѣ въ одну сольемся душу“.

сталь, воля геніальнѣйшаго полководца сломилась, встрѣтивъ непреодолимую преграду въ самоотверженной любви мужественнаго народа къ своей родинѣ и въ желѣзной стойкости дальновиднаго политика, русскаго императора.

Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ.

Карта войны за освобожденіе Европы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Роль Россіи въ войнѣ за освобожденіе Европы.

Необходимость для Россіи дальнѣйшей борьбы съ Наполеономъ.—Начало войны за освобожденіе Европы.—Гаурогенская конвенція.—Союзъ съ Пруссіей.—Кутузовъ—главнокомандующій союзныхъ армій.—Его смерть.—Витгенштейнъ.—Энергичное вооруженіе Наполеона.—Битва при Люценѣ и Бауценѣ.—Смѣна Витгенштейна Барклаемъ.—Перемиріе.—Переходъ Австріи на сторону союзниковъ.—Возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Побѣда Наполеона въ сраженіи подъ Дрезденомъ.—Подвигъ русскихъ войскъ при Кульмѣ.—Лейпцигскій бой.—Союзники во Франціи.—Союзники близъ Парижа.—Бой въ окрестностяхъ французской столицы.—Сдача ея союзникамъ.—Александръ I въ Парижѣ. Отреченіе Наполеона.

Въ декабрѣ 1812 года вся Россія впервые праздновала свое избавленіе „отъ нашествія галловъ, а съ ними двадесяти языковъ“. Многіе русскіе люди и въ числѣ ихъ старый полководецъ, увѣнчанный побѣдными лаврами, считали борьбу съ Наполеономъ покончeнной и дальнѣйшую войну безцѣльной. Но императоръ Александръ не раздѣлялъ этого мнѣнія Кутузова и его единомышленниковъ. Его слова „Наполеонъ или я, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ“ имѣли глубокій смыслъ и выражали опредѣленную программу дѣйствій. Русскій царь думалъ, что лишь низложеніемъ Наполеона и занятіемъ русскими Парижа можетъ окончиться борьба съ императоромъ французовъ. Въ настоящее время многіе убѣждены, что мнѣнія Александра были ошибочны. что Наполеонъ, проученный неудачей своего замысла разгромить Россію, былъ неопасенъ для насъ и что освобожденіе Германіи было тѣмъ промахомъ, послѣдствія кото-

раго больно отзываются на потомкахъ великодушныхъ освободителей. Мы никоимъ образомъ не можемъ раздѣлять подобнаго убѣжденія. Если для низложенія Наполеона, еще не оправившагося отъ бѣдственнаго похода, понадобились полуторагодовыя усилія всей Европы, если, уже доведенный до крайности, онъ съ неохотой шелъ на уступки и при малѣйшемъ проблескѣ надежды на успѣхъ своего оружія бралъ ихъ назадъ, то, конечно, онъ не замедлилъ бы возобновить борьбу съ Россіей при первомъ удобномъ случаѣ и тогда, разумѣется, не повторилъ бы роковыхъ для себя ошибокъ. Мы не сомнѣваемся въ конечномъ исходѣ царствованія Наполеона. Рано или поздно онъ былъ обреченъ на паденіе, и всеобщее возстаніе покоренныхъ народовъ было неотвратимо; но для нашей родины большимъ счастьемъ является то, что этотъ неизбѣжный фактъ произошелъ возможно „рано“: Россія понесла бы въ противномъ случаѣ гораздо большія жертвы. А придавать большое значеніе заявленіямъ Наполеона, сдѣланнымъ имъ въ 1813 году и повторяемымъ позднѣе, о томъ, что хорошій миръ съ императоромъ Александромъ поправилъ бы все дѣло и далъ Европѣ спокойствіе, могутъ лишь тѣ, кто не такъ основательно изучилъ великаго корсиканца, какъ нашъ вѣнценосный политикъ. Эволюція же Германіи, ея объединеніе подъ главенствомъ Пруссіи и послѣдствія, отсюда вытекающія,—фактъ, въ свою очередь объясняющійся не столько именно русской помощью въ войнѣ 1813—1814 г.г., сколько общимъ духомъ пробудившагося народнаго нѣмецкаго самосознанія и возрожденіемъ Пруссіи. Мы не хотимъ этимъ сказать, что помощь Россіи въ войнѣ за освобожденіе Европы была ничтожна. Мы не станемъ уподобляться въ этомъ случаѣ тѣмъ нѣмецкимъ шовинистамъ, которые стараются замолчать подвиги нашихъ предковъ въ этой великой борьбѣ. Намъ представляется лишь, что эта помощь ускорила опять-таки неизбѣжное усиленіе Пруссіи до степени ея нынѣшняго могущества. Притомъ участіе русскихъ въ занятіи Парижа, первенствующая роль въ этомъ случаѣ императора Александра была необходима послѣ того, какъ французы и ихъ „союзники“ хозяй-

ничали въ Москвѣ: это давало удовлетвореніе оскорбленному чувству нашихъ предковъ и являлось доказательствомъ того, что столицей Россіи нельзя овладѣть, не получивъ впослѣдствіи за это заслуженнаго возмездія. Самое великодушіе Александра I, проявленное при этомъ къ парижанамъ, было слѣдствіемъ не столько сердечной доброты, сколько политическаго расчета: надо было всему міру показать разницу между „цивилизованными“ французами и „варварами“ русскими.

Обращаясь къ самой войнѣ 1813—1814 годовъ, замѣтимъ что въ нашу задачу не входитъ сколько нибудь подробный пересказъ ея. Намъ предстоитъ лишь въ главнѣйшихъ чертахъ обозначить теченіе этой войны, останавливаясь, и то безъ особыхъ подробностей, на роли, выпавшей въ ней на долю Россіи, и на важнѣйшихъ подвигахъ русскихъ войскъ.

Изъ фактовъ, ознаменовавшихъ собой начало новой войны, особенно важна Таурогенская конвенція, которую Прусскій генералъ Іоркъ, командиръ вспомогательнаго корпуса, подчиненнаго маршалу Макдональду, на свой страхъ заключилъ съ русскимъ генераломъ Дибичемъ, однимъ изъ подчиненныхъ графа Витгенштейна, о нейтралитетѣ ввѣренныхъ ему войскъ. Фридрихъ-Вильгельмъ III однако долго медлилъ открыто стать на сторону Россіи. Тѣмъ временемъ русскія войска подъ главнымъ начальствомъ Кутузова, ободренныя личнымъ присутствіемъ Государя, перешли границу, всюду тѣсня остатки Великой арміи. Численность ихъ была не велика. Въ самой главной арміи насчитывалось всего 18.000 человѣкъ. Но сильныя подкрѣпленія, задержанныя весенней распутицей, должны были вновь сдѣлать эти войска, покрытыя славой, грозными и по числу. Наконецъ колебаніямъ Фридриха-Вильгельма, вступившаго снова въ двусторонніе переговоры и съ Россіей и съ Франціей, былъ положенъ предѣлъ. Приближеніе русскихъ силъ и взрывъ патріотическаго воодушевленія, охватившій Пруссію, заставили короля открыто заявить себя союзникомъ Россіи и подписать въ февралѣ 1813 года Ка-

лишскій договоръ. Воодушевленіе пруссаковъ было поистинѣ удивительно. Примѣры патріотическаго самопожертвованія были поразительны. Достаточно будетъ сказать, что Пруссія 1813 года была въ этомъ порывѣ достойной соперницей Россіи 1812 года[1]). Видя общее одушевленіе своего народа, король далъ волю своимъ чувствамъ и 3-го марта торжественно встрѣтилъ своего новаго союзника и стараго друга, посѣтившаго его въ Бреславлѣ. Встрѣча была трогательной и задушевной. Затѣмъ, 21 марта прусскій король пріѣхалъ въ Калишъ, гдѣ былъ смотръ русской арміи.

Военныя дѣйствія тѣмъ временемъ продолжались, и русскія войска, а затѣмъ и прусскія, начали блокаду ряда нѣмецкихъ крѣпостей, занятыхъ гарнизонами Наполеона. Главное начальство надъ войсками было ввѣрено Кутузову. Русскій императоръ, хотя и окружилъ себя дѣятельнымъ (не офиціальнымъ) штабомъ и значительно парализовалъ такимъ образомъ прежнее вліяніе престарѣлаго фельдмаршала на ходъ дѣлъ, но оказывалъ ему знаки своего вниманія. Нѣмцы же съ восторгомъ встрѣчали „дѣдушку Кутузова“, „великаго старца“. Тронутый такимъ къ себѣ отношеніемъ герой Отечественной войны не раздѣлялъ воинственнаго задора, царившаго въ арміи, и совѣтовалъ прежде дальнѣйшаго похода собраться съ силами и выждать подкрѣпленій. Но силы Кутузова слабѣли, онъ впалъ въ смертельную болѣзнь и скончался 16-го апрѣля 1813 года въ городѣ Бунцлау. Прахъ его былъ отвезенъ въ Россію, гдѣ и преданъ съ величайшими почестями погребенію въ Казанскомъ Петербургскомъ соборѣ. Отъ войскъ, ожидавшихъ тогда сраженія съ непріятелемъ, смерть любимаго фельдмаршала была на нѣкоторое время скрыта, чтобы не привести ихъ въ уныніе. Командованіе русскими, а за-

---

[1]) Мы не станемъ приводить здѣсь этихъ примѣровъ. Они собраны въ сочиненіи покойнаго генерала Богдановича: „Исторія войны 1813 года за независимость Германіи“. Томъ первый.

тѣмъ и прусскими войсками было ввѣрено графу Витгенштейну.

Новому главнокомандующему предстояла тяжелая встрѣча съ вновь собранными силами Наполеона. Императоръ французовъ не терялъ времени. Явившись 6-го декабря 1812 года

Гробница М. И. Кутузова.

въ Парижъ, Наполеонъ обнаружилъ изумительныя даже для него подвижность и энергію. Несмотря на понесенныя имъ пораженія великій человѣкъ не потерялъ своего обаянія на подданныхъ; тѣ понимали кромѣ того, что дѣло идетъ теперь не только о славѣ, но и о безопасности Франціи, и спѣшно вооружались. Благодаря принятымъ мѣрамъ къ апрѣлю 1813 года Наполеонъ могъ противопоставить союзникамъ до 200.000 людей и около 350 орудій. Сверхъ того въ тылу у союзниковъ въ разныхъ крѣпостяхъ было до 70.000 человѣкъ, а во Франціи успѣшно формировались сильные резервы. 16 апрѣля 1813 года Наполеонъ былъ въ Веймарѣ, а 17 апрѣля

съ своей арміей достигъ рѣки Заалы. „Я сдѣлаю эту кампанію какъ генералъ Бонапартъ, а не какъ императоръ“, сказалъ онъ передъ началомъ военныхъ дѣйствій и сдержалъ свое обѣщаніе.

Произошли кровопролитныя сраженія при Люценѣ и Бауценѣ, въ которыхъ несмотря на подвиги русскихъ и прусскихъ войскъ Наполеонъ остался побѣдителемъ. Витгенштейнъ, подъ командой котораго были старшіе въ чинѣ генералы: Блюхеръ, Милорадовичъ и, прибывшій по вызову Императора Александра на театръ военныхъ дѣйствій Барклай-де-Толли, отказался отъ высшаго командованія. Русскимъ главнокомандующимъ былъ назначенъ Барклай-де-Толли, который послѣ своего назначенія сталъ подумывать уже объ отступленіи въ Польшу для подкрѣпленія тамъ своей арміи. Въ это время было заключено союзниками перемиріе съ Наполеономъ. Союзники искали этого перемирія, желая сосредоточить свои силы, Наполеонъ — дать отдыхъ своимъ войскамъ и Франціи; сверхъ того императоръ французовъ искалъ мира, видя, какъ противъ него зрѣетъ общеевропейская коалиція. Онъ надѣялся во время перемирія добиться мира, нужнаго ему на нѣкоторое время, или по крайней мѣрѣ склонить на свою сторону Австрію. Послѣдняя долго колебалась. Наконецъ ненависть къ французамъ взяла верхъ надъ династическими соображеніями, и австрійцы примкнули къ коалиціи не безъ задней мысли не доводить дѣла до окончательнаго паденія Наполеона.

Не такъ думалъ императоръ Александръ. Онъ сумѣлъ поднять противъ Наполеона всю Европу, чтобы низложить своего смертельнаго врага. Русскій государь твердо шелъ къ намѣченной цѣли и несмотря на колебанія австрійцевъ достигъ ея выполненія. Передъ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій 1 августа 1813 года Александръ съ удовлетвореніемъ видѣлъ, какъ далеко подвинулся онъ въ осуществленіи своихъ намѣреній. Всѣ главныя государства Европы участвовали теперь въ войнѣ съ Франціей. Англія дѣйствовала главнымъ образомъ деньгами, давая большія субсидіи

своимъ союзникамъ. Остальныя державы выставили противъ Наполеона 3 большихъ арміи: главную, силезскую и сѣверную. Первой, при которой находились императоры русскій и австрійскій, а также король прусскій, командовалъ австрійскій генералъ князь Шварценбергъ, медлительный и черезчуръ осторожный. Силезская армія была подчинена прусскому генералу Блюхеру, „70-ти лѣтнему юношѣ“, полному порывистости и отваги. Наконецъ, сѣверная армія имѣла главнымъ начальникомъ Шведскаго наслѣднаго принца, Бернадота, пріобрѣтшаго боевые лавры въ качествѣ французскаго маршала. Русскія войска составляли значительную силу во всѣхъ арміяхъ. Среди ихъ начальниковъ были такіе генералы, какъ Барклай-де-Толли, Милорадовичъ, Витгенштейнъ, Дохтуровъ и рядъ другихъ видныхъ участниковъ Отечественной войны. Но ни одинъ изъ нихъ не былъ руководителемъ самостоятельной арміи. За то главная роль въ направленіи всѣхъ дѣйствій въ концѣ концовъ была въ рукахъ Императора Александра. Войска же русскія, какъ въ первый (неудачный), такъ и въ послѣдующіе періоды войны, сражались съ присущей имъ храбростью, не оставляя даже въ малоизвѣстной имъ странѣ удачныхъ партизанскихъ дѣйствій.

Возобновились военныя дѣйствія рядомъ нерѣшительныхъ сраженій и битвъ съ перемѣннымъ счастьемъ. Однако успѣхи, одержанные силезской арміей, дали возможность союзникамъ продвинуться въ Саксонію. Здѣсь 14-го и 15-го августа 1813 года при Дрезденѣ Наполеонъ далъ битву главной арміи. Несмотря на упорство русскихъ войскъ и подвиги ихъ, несмотря на храбрость русскаго генерала графа Остермана-Толстого союзники вынуждены были отступить: геній Наполеона высказался съ новымъ блескомъ.

Въ головѣ великаго полководца возникли грандіозные планы. Онъ думалъ перейти въ рѣшительное наступленіе. Но второстепенные французскіе начальники своими неудачами дали возможность союзникамъ не только поправить дѣло, но и снова взять въ свои руки иниціативу въ воен-

ныхъ операціяхъ. Особенно тяжело отозвалась на положеніи Наполеона гибель цѣлаго отряда его арміи подъ Кульмомъ. На этомъ событіи, въ которомъ главные подвиги выпали на долю русскихъ войскъ, остановимся нѣсколько подробнѣе. Генералъ Вандаммъ во главѣ 30.000 корпуса французскихъ войскъ двинулся быстрымъ маршемъ за отступающими арміями союзниковъ и готовился предупредить ихъ на путяхъ ихъ поспѣшнаго и безпорядочнаго отступленія. Императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ, узнавъ объ этомъ, поспѣшили сдѣлать распоряженія о возможномъ задержаніи Вандамма. Исполнить это выпало, главнымъ образомъ, на долю русской гвардіи на позиціи, избранной генераломъ Ермоловымъ. По крайней мѣрѣ почти весь первый день боя 18.000 гвардейскій отрядъ подъ начальствомъ графа Остермана-Толстого выдерживалъ яростный бой съ упорнымъ и многочисленнымъ врагомъ. Наконецъ, атака Вандамма грозила нашему истомленному войску пораженіемъ, но подоспѣла гвардейская конница, и французы вынуждены были пріостановить сраженіе. На другой день подошли сначала прусскія, а затѣмъ и австрійскія войска, и остатки французскаго корпуса были взяты въ плѣнъ. Всего побѣдителямъ досталось до 80 орудій и 10.000 человѣкъ. Самъ генералъ Вандаммъ былъ взятъ въ плѣнъ русскими войсками и отвезенъ въ Россію. Извѣстный своимъ суровымъ характеромъ и грубымъ обращеніемъ съ подвластными, которое проявилось во время хозяйничанья французовъ въ Германіи, плѣнный Вандаммъ на пути въ Россію подвергался всевозможнымъ оскорбленіямъ со стороны обозленныхъ нѣмцевъ, которые называли его тигромъ, крокодиломъ, ядовитой змѣей и грозили ему кулачной расправой. Несчастный плѣнникъ успокоился, лишь попавъ въ предѣлы Россіи. Союзники могли торжествовать полную побѣду. Они поставили впослѣдствіи 3 памятника на полѣ сраженія, а императоръ Александръ 18 августа 1814 года увѣковѣчилъ память этой славной для насъ побѣды, учредивъ „Александровскій Комитетъ о раненыхъ“.

Послѣ сраженія при Кульмѣ и послѣдовавшаго затѣмъ

пораженія Нея при Денневицѣ союзники снова перешли въ наступленіе. Наполеонъ оказывалъ имъ упорное сопротивленіе. Наконецъ настала рѣшительная минута. Было дано генеральное сраженіе, знаменитая „трехдневная битва народовъ“ подъ Лейпцигомъ; она началась 4-го и окончилась 6-го октября 1813 года. Противъ 200.000 французской арміи къ Лейпцигу было двинуто свыше 300.000 союзниковъ, изъ нихъ около 127.000 человѣкъ составляли русскія войска. Надо замѣтить, что диспозиціи, приведшія къ сраженію подъ Лейпцигомъ, были составлены русскими генералами, въ особенности К. Ѳ. Толемъ, и выполнены благодаря настойчивости императора Александра. Въ самомъ бою русскіе сражались съ обычной для нихъ храбростью и потеряли выбывшими изъ строя 22.600 человѣкъ; нѣсколько генераловъ было убито. Въ ихъ числѣ былъ и храбрый Невѣровскій.

Послѣдствія Лейпцигскаго боя были очень важны. Онъ рѣшилъ собой исходъ 2-го періода войны, и Наполеонъ былъ вынужденъ поспѣшно отступить за Рейнъ. Главная квартира союзныхъ монарховъ была перенесена во Франкфуртъ на Майнѣ. Императоръ Францъ хотѣлъ было взять на себя неподобающую ему роль руководителя союза и для этого поспѣшилъ во Франкфуртъ, постаравшись замедлить при этомъ движеніе русскихъ войскъ. Въ такомъ случаѣ онъ встрѣтилъ бы русскаго государя, какъ своего гостя. Своевременно узнавъ о такомъ замыслѣ, императоръ Александръ приказалъ русской конницѣ немедленно идти на рысяхъ во Франкфуртъ, быстро направился за нею и обманулъ такимъ образомъ надежды чваннаго австрійскаго двора. Во время пребыванія главной квартиры во Франкфуртѣ союзники въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ отдыхали отъ утомительнаго похода и собирались съ силами для вторженія во Францію, или для 3-го періода войны. Сверхъ того благодаря усиліямъ „миролюбцевъ“ союзники предложили даже императору французовъ миръ на чрезвычайно выгодныхъ для него, принимая во вниманіе истощеніе его силъ, условіяхъ: Наполеону обезпечивалась Франція въ ея есте-

ственныхъ границахъ. Однако Наполеонъ сначала и думать не хотѣлъ о заключеніи подобнаго мира и лишь послѣ вторженія союзныхъ войскъ въ предѣлы Франціи согласился на конгрессъ въ Шатильонѣ. Военныя дѣйствія согласно принятому условію продолжались все время засѣданій этого конгресса, безплоднаго по своимъ результатамъ, но характернаго, какъ показатель „искренности“ желаній Наполеона заключить миръ и отказаться отъ своихъ притязаній на прежнее значеніе. Какъ было уже отмѣчено выше, Наполеонъ отвергалъ уже сдѣланныя имъ принципіально уступки, лишь только военныя дѣйствія давали ему къ этому поводъ.

Въ поводахъ этихъ недостатка не было. Союзники, вторгнувшіеся въ январѣ 1814 года съ трехъ сторонъ въ предѣлы Франціи, вслѣдствіе несогласованности въ своихъ дѣйствіяхъ и геніальной изворотливости Наполеона, потерпѣли рядъ неудачъ. Впрочемъ это не мѣшало имъ, хотя и медленно, подвигаться къ Парижу. Императоръ Александръ горѣлъ желаніемъ поскорѣе окончить войну и заключить прочный миръ, для чего считалъ нужнымъ нанесеніе Наполеону рѣшительнаго удара. При этомъ въ своемъ приказѣ, данномъ передъ вторженіемъ во Францію, онъ увѣщавалъ русскихъ нести къ врагамъ „не месть и злобу, но дружелюбіе и простертую для примиренія руку“. Далѣе въ приказѣ говорилось: „я несомнѣнно увѣренъ, что вы кроткимъ поведеніемъ своимъ въ землѣ непріятельской столько же побѣдите ее великодушіемъ своимъ, сколько оружіемъ... Вы ускорите черезъ то достигнуть конца желаній нашихъ, всеобщаго мира“. Нарушителямъ же дисциплины грозилось принятіемъ строгихъ мѣръ. По свидѣтельству участниковъ этого похода, дѣйствительно, дисциплина въ нашихъ войскахъ была образцовой, и случаи мародерства были рѣдкими исключеніями.

Наконецъ союзники продвинулись къ Парижу. Наполеонъ старался отвлечь непріятельскія арміи отъ столицы и предпринялъ отчаянное по смѣлости движеніе въ тылъ имъ. Это напугало было австрійцевъ, но императоръ Але-

ксандръ настоялъ на необходимости идти прямо на Парижъ. Выполняя этотъ планъ, союзныя войска двинулись къ Парижу, защита котораго ввѣрена была маршаламъ Мармону и Мортье. Послѣ упорныхъ боевъ, во время которыхъ русскія войска заняли Роменвильскій лѣсъ, Бельвильскія высоты и Монмартръ, французскіе полководцы отказались отъ дальнѣйшей обороны столицы Франціи и заключили перемиріе съ Союзниками подъ условіемъ свободнаго пропуска ихъ отрядовъ. „Парижъ“,—гласила 8-я статья капитуляціи, подписанной маршалами вечеромъ 18 марта 1814 года,—„поручается великодушію Высокихъ Союзныхъ Державъ“. На другой день состоялось торжественное вступленіе союзныхъ войскъ въ столицу Франціи. Генералъ-губернаторомъ Парижа на время пребыванія тамъ чужестранныхъ армій былъ назначенъ русскій генералъ Сакенъ, отличившійся въ эту войну. Императоръ Александръ очаровывалъ парижанъ своимъ великодушнымъ отношеніемъ къ нимъ. Онъ былъ на вершинѣ славы, и его политика увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, а занятіе Москвы было искуплено взятіемъ Парижа. „Ликуй, Москва—въ Парижѣ Россъ!!“—Эти слова, сочиненныя по поводу вступленія русскихъ войскъ въ столицу Франціи, вызывали бурю восторговъ въ Петербургѣ и по всей Россіи.

Капитуляціей Парижа была закончена война 1814 года. Наполеонъ еще намѣревался продолжать неравный бой съ врагами, но измѣна нѣсколькихъ генераловъ и главное маршала Мармона, неудовольствіе многихъ другихъ французскихъ полководцевъ открыли наконецъ глаза императору французовъ. Доведенный до отчаянія онъ принялъ ядъ, но тотъ не подѣйствовалъ. Тогда Наполеонъ подписалъ свое отреченіе и согласился, сохранивъ за собой съ согласія союзныхъ монарховъ титулъ императора, удалиться на островъ Эльбу, предоставленный ему во владѣніе. Слова Александра I „Наполеонъ или Я... но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ“ пріобрѣли значеніе совершившагося факта колоссальной важности. Еще разъ попытался величайшій военный геній XIX столѣтія вернуть

себѣ корону Франціи и власть, но описаніе этой послѣдней борьбы его съ Союзниками, заранѣе обреченной на полный неуспѣхъ, не входитъ въ задачу нашего труда.

Памятникъ Императору Александру I.

Заключеніе.

Въ самомъ началѣ нашего обзора Отечественной войны мы старались выяснить, какія важныя причины сдѣлали ее неотвратимой для обѣихъ сторонъ, принявшихъ участіе въ этой великой борьбѣ. Вызвавшая крайнее напряженіе силъ, какъ Россіи, такъ и Франціи, Отечественная война не могла не повлечь за собой важныхъ послѣдствій, имѣвшихъ міровое значеніе. Дѣйствительно, если бы Наполеонъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи приковать Россію къ своей побѣдной колесницѣ, весь европейскій міръ лежалъ бы у ногъ великаго корсиканца. Но Наполеонъ переоцѣнилъ свои силы и недостаточно принялъ во вниманіе патріотизмъ русскихъ, ихъ храбрость и выносливость. И природныя условія театра военныхъ дѣйствій оказались еще болѣе тяжкими для Великой арміи, чѣмъ это предвидѣлъ геніальный императоръ французовъ. Не разгадалъ на этотъ разъ проницательный дипломатъ, что онъ имѣетъ дѣло съ государемъ, равнымъ ему въ дипломатическомъ искусствѣ, и съ противникомъ, твердымъ въ своей ненависти къ союзнику противъ воли. Въ результатѣ случилось то, что было неминуемымъ слѣдствіемъ вторженія Великой арміи въ Россію. Эта армія нашла себѣ могилу на равнинахъ и берегахъ рѣкъ нашей родины, и могущество Наполеона поколебалось. Соединенныя усилія Россіи и Европы привели затѣмъ къ быстрому паденію династіи Бонапарта, и жизнь европейскихъ народовъ могла принять болѣе спокойное, мирное теченіе. Въ этомъ состоитъ положительный для всей Европы результатъ Отечественной войны и послѣдующихъ войнъ 1813 и 1814 годовъ. Но Отечественная война сверхъ того имѣла важныя

слѣдствія въ дальнѣйшей духовной жизни нашей родины. Отразивъ нашествіе опаснаго врага, закалившись въ горнилѣ тяжкаго испытанія, русскій народъ пережилъ въ Отечественную войну моменты величайшаго подъема духа. Если наступившая затѣмъ въ высшемъ правительствѣ реакція и не дала возможности использовать этотъ подъемъ путемъ широкихъ реформъ государственнаго и общественнаго значенія, все же несомнѣнное развитіе интеллектуальныхъ силъ страны сказалось въ великомъ расцвѣтѣ русской литературы въ ближайшія за Отечественной войной десятилѣтія.

Нѣкоторыя библіографическія данныя.

(Прилагаемый списокъ не претендуетъ на полноту; онъ имѣетъ въ виду указать желающимъ, какія книги по данному вопросу представляютъ особенный интересъ для ознакомленія съ нимъ; сочиненія исключительно компилятивныя въ него не вошли; нѣтъ и указанія на журнальныя статьи; для этой цѣли можетъ служить превосходный трудъ г. Военскаго „Отечественная война въ русской журналистикѣ“).

I. Изъ трудовъ общаго характера, посвященныхъ данной эпохѣ, особенно выдается сочиненіе Шильдера „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III; очень любопытныя наблюденія находятся также въ сочиненіи С. М. Соловьева „Александръ I“ (Политика, Дипломатія).

II. Изъ трудовъ, посвященныхъ всей войнѣ 1812 года, а также затѣмъ войнамъ 1813 и 1814 годовъ, надо отмѣтить:

1) Михайловскій-Данилевскій „Описаніе Отечественной войны въ 1812 году“, части 1—4;

2) Богдановичъ „Исторія Отечественной войны 1812 года“, т. I—III;

3) Его же „Исторія войны 1813 года за независимость Германіи“, т. I—II;

4) Его же „Исторія войны 1814 года во Франціи“.

III. По отдѣльнымъ вопросамъ, связаннымъ съ войной, отмѣтимъ:

1) К. Военскій и Ю. Карцовъ „Причины войны 1812 года“;

2) А. Н. Поповъ „Отечественная война 1812 года“, часть I (посвященная дипломатическимъ сношеніямъ Россіи передъ войной 1812 года);

3) Харкевичъ „Отъ Нѣмана до Смоленска“;

4) А. Н. Поповъ „Москва въ 1812 году“;

5) А. Н. Поповъ „Французы въ Москвѣ въ 1812 году“;

6) Харкевичъ „Березина“.

IV. Изъ источниковъ укажемъ лишь нѣкоторые изъ имѣющихъ литературный интересъ, совершенно не касаясь первостепенной

важности собраній матеріаловъ документальнаго характера, какъ вышедшихъ ранѣе, такъ и появившихся за послѣднее время:

1) Великій Князь Николай Михайловичъ „Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной“:

2) Записки Ермолова, Глинки, Шишкова и др.;

3) Военскій „Отечественная война въ запискахъ современниковъ“;

4) Харкевичъ „1812 годъ въ дневникахъ, запискахъ и воспоминаніяхъ современниковъ“.

V. Изъ сочиненій иностранныхъ авторовъ, переведенныхъ на русскій языкъ, особенно интересны:

1) Слоонъ „Жизнеописаніе Наполеона“;

2) Сорель „Европа и Французская революція“, т. V—VIII [1]).

---

[1]) Изъ новѣйшихъ трудовъ иностранныхъ писателей, спеціально трактующихъ о войнѣ 1812 года, переведена, насколько намъ извѣстно, лишь брошюра Бонналя „Виленская операція“. Переводъ сдѣланъ полковникомъ М. А. Иностранцевымъ, большимъ знатокомъ эпохи. Ему мы очень обязаны разъясненіемъ нѣкоторыхъ неясныхъ для насъ вопросовъ военной исторіи въ данную эпоху.

Изданія Я. БАШМАКОВА и К°

И КНИГИ, НАХОДЯЩІЯСЯ НА СКЛАДѢ:

ВАСЕНКО, П. Г. Двѣнадцатый годъ. Очеркъ исторіи Отечественной войны. Съ предисловіемъ проф. С. Ѳ. Платонова. Съ портретами, рисунками и картами. *Допущ. Учебн. Ком. М-ва Торг. и Пром., въ ученич. библ. Коммерч. у-щъ.* Изд. 2. Ц. въ переплетѣ 80 к.

ВАСЕНКО, С. В. Годъ великаго испытанія. Отечественная война. Для народа и начальныхъ школъ. Второе изданіе съ портретами и рисунками. *Уч. Отд. Мин. Торг. и Пром. первое изд. допущено въ ученическія библ. низш. учебн. зав.* Ц. 15 к.

ВУЛЬФІУСЪ, А. Г. Учебникъ средней исторіи. Изд. 3. *Доп. М. Н. Пр.—Рек. В. У. З.* Ц. въ переплетѣ 80 к.

— Учебникъ новой исторіи.

ЕФИМЕНКО, А. Я. Учебникъ русской исторіи для младшихъ классовъ ср.-уч. зав. и городск. училищъ. Съ 44 рис. и 5 картами. Ц. въ переплетѣ 90 к. *Допущ. М. Н. Пр. въ качествѣ руководства для 3 класс. женск. гимназій.*

— 1812. Чтеніе для народа, народныхъ и городскихъ школъ. *Доп. М. Т. и Пр. въ ученическія библіотеки низш. уч. зав.* Изд. 2. Ц. 15 к.

ЛИБЕНЪ, П., и ШУЙСКАЯ, А. Краткій курсъ русской исторіи, съ приложеніемъ родословныхъ и хронологическихъ таблицъ и 8 картъ. Изд. 4, значительно дополненное и иллюстрированное. Ц. 60 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ руководства для низшихъ уч. зав. и для тѣхъ уч. зав., въ коихъ проходится элементарный курсъ отечественной исторіи, и въ качествѣ пособія для мл. классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

ПЛАТОНОВЪ, С. Ѳ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Изд. 4, съ приложеніемъ 5 картъ, составленныхъ И. Н. Михайловымъ. Ц. въ переплетѣ 2 р. *Допущ. М. Н. Пр. въ качествѣ руководства для средн. учебн. завед.*

— Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ Государствѣ XVI—XVII вв. Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ Смутное время. Изданіе 3-е, съ приложеніемъ двухъ картъ. Ц. 3 р. 50 к.

С. Ѳ. ПЛАТОНОВУ—ученики, друзья и почитатели. Сборникъ статей, посвященныхъ **С. Ѳ. ПЛАТОНОВУ**. Ц. 2 р.

ПЛАТОНОВА, Н. Н. Кохановская (Н. Н. Соханская). 1823—1884. Біографическій очеркъ. Съ портр. Ц. 1 р. 50 к. Удостоено отъ Академіи Наукъ Ахматовской преміи.

СИПОВСКІЙ, В. Д. Исторія древней Греціи въ разсказахъ и картинахъ. Съ 50 политипаж. въ текстѣ и однимъ на отдѣльн. листѣ. Изданіе 4-е. Допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго пособія для мужск. гимн. и прогимн., а также въ учен. библ. средн. учебн. зав. Ц. 75 к.

— Сократъ и его время. Съ рисунками. Изданіе 3. Ц. 40 к., въ переплетѣ для подарковъ 1 р.

СКВОРЦОВЪ, И. В. Русская исторія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Изданіе 2-е. Въ переплетѣ Ц. 1 р. 70 к. *Доп. М. Н. Пр.—Одобр. У. К. Св. Син. какъ руководство.—*

У. К. Вѣд. Уч. Имп. Маріи одобрено какъ руководство.—Св. Син. удостоена преміи Митр. Макарія, присуждаемой за лучшіе учебники.

ФРИДОЛИНЪ, П. П. Краткая исторія европейскаго искусства. Съ 132 рисунками. Въ перепл. 1 р. 75 к. *Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. книга признана заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ сред. уч. зав.—Уч. Ком. Вѣд. Учр. Импер. Маріи рекомендована для внѣкласснаго чтенія средн. уч. зав.—Гл. упр. в.-уч. зав. допущена въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ.*

АННЕНСКІЙ, И. Книга отраженій. Проблема Гоголевскаго юмора.—Достоевскій до катастрофы.—Умирающій Тургеневъ.—Три соціальныхъ драмы.—Драма настроеній.—Бальмонтъ-лирикъ. Ц. 1 р.

ГЕРАКОВЪ, Н. Новая русская хрестоматія. Для старшаго класса жен. институтовъ и гимназій Вѣд. Учр. Имп. Маріи. Ц. 1 р. 75 к. *Учебн. Ком. Вѣд. Учр. Имп. Маріи рекомендована.*

ГУРИНОВИЧЪ, П. Школьный другъ. Хрестоматія и грамматика въ связи съ уроками правописанія. Курсъ приготовительныхъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Ц. 75 к. *Доп. М. Н. Пр.*

КАРИНСКІЙ, Н. Хрестоматія по древне-церковно-славянскому и русскому языкамъ. Часть первая. Древнѣйшіе памятники. Съ приложеніемъ словаря, девятнадцати автотипическихъ снимковъ съ древне-церковно-славянскихъ рукописей и двухъ таблицъ, содержащихъ снимки съ буквъ глаголическаго Зографскаго Евангелія и мелкаго почерка Остромирова Евангелія. Изданіе второе. 1911. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75.

МАРТЫНОВСКІЙ, В. Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Жуковскій. Крыловъ. Аксаковъ. Кольцовъ. Григоровичъ. Достоевскій. Пушкинъ. Лермонтовъ. Тургеневъ. Майковъ. Л. Толстой. Никитинъ. Соловьевъ. Плещеевъ. Книга для занятій по отечественному языку въ приготовительномъ, 1 и 2 классахъ средне-учебныхъ заведеній, въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Приложенія: Произведенія народной словесности. Указатель объясненныхъ въ книгѣ словъ и оборотовъ. Церковно-славянскій текстъ. Томъ 1-й съ удареніями. **Изд. 24, съ приложеніемъ 14 портретовъ писателей и автографовъ ихъ.** Ц. 1 р. 25 к. *Доп. Мин. Нар. Пр.*

— То же. Пушкинъ. Гоголь. Лермонтовъ. Тургеневъ. Л. Толстой. Майковъ. Гончаровъ. Ломоносовъ. Дмитріевъ. Державинъ. Фонвизинъ. Карамзинъ. Жуковскій. Книга для занятій въ 3 и 4 классахъ средне-учебныхъ заведеній и въ старшихъ классахъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Съ приложеніями. Томъ 2-й съ удареніями. **Изд. 21, съ приложеніемъ 13 портретовъ писателей и автографовъ ихъ.** Ц. 1 р. 25 к. *Доп. М. Н. Пр.*

— То же. Безъ удареній. Ц. каждому тому по 1 р. 25 к. *Доп. М. Н. Пр.—Рек. В. У. З.*

— То же. Томъ 3. Книга для занятій по теоріи и исторіи словесности въ старшихъ классахъ средне-уч. зав. Изд. 7. Ц. 1 р. 85 к. *Доп. М. Н. Пр.*

МИЛОВИДОВЪ, А. Изъ родной поэзіи. Литературная хрестоматія. Образцы классной разработки произведеній на урокахъ объяснительнаго и выразительнаго чтенія. Изданіе 3, заново переработанное, дополненное. Цѣна въ коленкор. переплетѣ 1 р. 25 к. Изд. 1-е. *Доп. М. Н. Пр.—Рек. В. У. З.—Доп. Св. Син.*

СИПОВСКІЙ, В. В. Проф.

Исторія русской словесности.

Часть I. Выпускъ 1-й: Народная словесность. Изданіе 5, стереотипное. Ц. въ переплетѣ 60 к.

Часть I. Выпускъ 2-й: Исторія русской письменности отъ начала до XVIII вѣка. Изданіе 5. Ц. въ переплетѣ 1 руб.

Часть II. Исторія литературы съ эпохи Петра Великаго до Пушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 20 к.

Часть III. Выпускъ 1-й: Исторія новой русской литературы XIX столѣтія (Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій). Изданіе 3. Ц. въ переплетѣ 1 р. 20 к.

Часть III. Выпускъ 2-й: Очерки русской литературы XIX ст. 40—60-хъ годовъ. Изд. 2. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Допущены Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ *руководства* въ мужскія и женскія гимназіи и реальныя училища М-ва Нар. Пр., вслѣдствіе такого постановленія допущено въ качествѣ руководства и въ коммерческія училища Мин. Торг. и Пром. и въ женскія гимназіи Вѣд. Императрицы Маріи.

Сокращенный курсъ исторіи русской словесности. Въ двухъ частяхъ. Часть первая. Народная словесность.—Исторія русской письменности отъ начала до XVIII в. Ц. въ переплетѣ 1 р. *Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ качествѣ руководства для средн. учебн. зав.*

— То же. Часть 2-я.

Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Примѣнительно къ „Исторіи русской словесности".

Томъ I, вв. 1—3, т. II, вв. 1—5, и т. III, вв. 1, 2 и 3 *допущены* Ученымъ Ком. М-ва Нар. Пр. въ качествѣ *учебнаго пособія* въ средне-учебныя заведенія Мин. Нар. Просв.; вслѣдствіе такого постановленія они допускаются и въ учебн. заведенія Вѣд. Императрицы Маріи и учебн. зав. М. Т. и П.

Томъ I. Вып. 1-ый: Народная словесность. Изд. 5. Ц. въ пер. 90 к.

Томъ I. Вып. 2-ой: Русская письменность съ XI до XVIII вѣка. Изданіе 6. Ц. въ переплетѣ 90 к.

Томъ I. Вып. 3-й: Русская литература XVIII вѣка. Изданіе 5. Ц. въ перепл. 80 к.

Томъ II. Вып. 1-й: Русская литература XVIII—XIX вв. Изданіе 3. Ц. въ перепл. 75 к.

Томъ II. Вып. 2-ой: Русская литература начала XIX в. Изданіе 2. Ц. въ перепл. 75 к.

Томъ II. Вып. 3-й: Русская литература начала XIX в. Изданіе 2. Ц. въ перепл. 60 к.

Томъ II. Вып. 4-ый: Русская литература 20—30-хъ годовъ XIX в. Пушкинъ и Гоголь. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

Томъ II. Вып. 5-ый: Русская литература 30—40-ыхъ годовъ XIX в. Кольцовъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій. Ц. въ переплетѣ 1 р. 40 к.

Томъ III. Вып. 1-й: Русская литература 40—60-ыхъ годовъ XIX в. Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій. Изд. 2. Ц. въ перепл. 1 р.

Томъ III. Вып. 2-й: Русская литература 40—60-хъ годовъ XIX в. Л. Толстой и Ѳ. Достоевскій. Изд. 2. Ц. въ переплетѣ 1 р.

Томъ III. Вып. 3-й: Русская литература 60—70-хъ годовъ XIX в. Н. Некрасовъ, Гр. А. Толстой, Я. Полонскій, А. Майковъ, Ѳ. Тютчевъ и А. Фетъ. Изд. 2. Ц. въ переплетѣ 60 к.

Томъ III. Выпускъ 4-й: Русская критическая литература XIX в. Ц. въ переплетѣ 1 р.

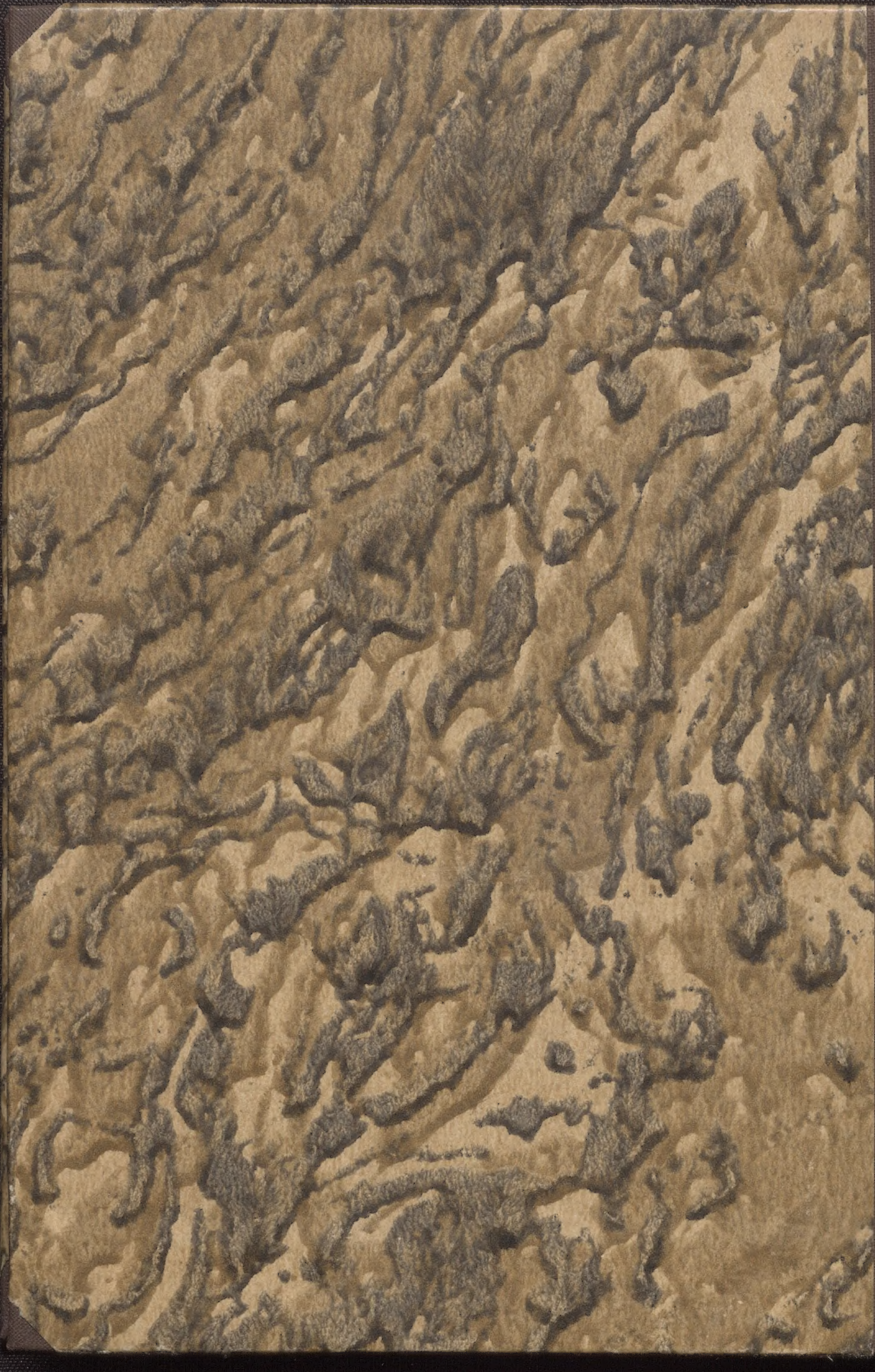
Очерки изъ исторіи русскаго романа. Томъ I. Вып. 1-й и 2-й. Цѣна 7 р.

Михайло Ломоносовъ. Жизнь и творчество. Съ портретомъ Ломоносова, съ видами: памятника его, Холмогоръ, церкви и школъ имени Ломоносова въ Денисовкѣ. Ц. 20 к.

Книги подъ редакціей проф. **В. В. Сиповскаго.**

1.—БѢЛИНСКІЙ, В. Г. Избранныя сочиненія о Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ, подъ редакціей и со вступительной статьей В. В. Сиповскаго. Цѣна въ папкѣ 50 к. Содержаніе: *Вступительная статья В. В. Сиповскаго. Пушкинъ:* Народность, гуманность и художественность—отличительныя черты поэзіи Пушкина. Евгеній Онѣгинъ. Борисъ Годуновъ. *Гоголь:* Повѣсти. Ревизоръ. *Лермонтовъ:* Стихотворенія. *Кольцовъ:* Стихотворенія. *Мысли о литературѣ.* Поэзія, ея область и высокое значеніе. Идеализація и типы. Отношеніе поэта къ дѣйствительности. **Чистая прибыль отъ перваго изданія поступитъ на устройство Народнаго дома имени В. Г. Бѣлинскаго въ гор. Чембарѣ, Пензенской губ.**

2.—ЛОМОНОСОВЪ, М. В. Избранныя сочиненія. Съ портретомъ и автографомъ Ломоносова и рисунками. Подъ редакціей и со вступительной статьей В. В. Сиповскаго. Изд. 3, безъ перемѣнъ со 2-го. Ц. 30 к. Изд. 2, въ переплетѣ. Ц. 40 к. *Учен. Ком. М. Н. Пр. допущ. въ ученич. библ. низш. учебн. завед., а равно внесено въ списокъ сочиненій, заслужив. вниманія при пополн. безплатн. народн. читаленъ и библіотекъ.*

ТАРАПЫГИНЪ, Ѳ. А. Матушка Русь. Хрестоматія. 2 части. Съ портретами и рисунками. Редакція Ѳ. А. Витберга. Ч. I. Для учениковъ младшихъ I и II классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2. Ц. въ пер. 1 р. 25 к. Ч. II. Для учениковъ младшихъ III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 1 р. *Обѣ части Учен. Комит. М-ва Нар. Пр. допущ. въ качествѣ учебн. пособія въ младш. класс. средн. учебн. зав.—Рек. Гл. Упр. В. У. З.—Доп. Св. Син.—Реком. Учебн. Комит. Вѣд. Учрежд. Императрицы Маріи.*

583/1